ДИАЛОГ №4

Научный патронаж:
"WORLD
MARTIAL ART TRADITIONS
&
CRIMINALISTIC RESEARCH
OF WEAPON USE"

КНИГА
ИЕРОНИМО ДЕ КАРАНЗА
уроженца Севильи, под названием

ФИЛОСОФИЯ ОРУЖИЯ

И МАСТЕРСТВО ВЛАДЕНИЯ ИМ. ХРИСТИАНСКАЯ АТАКА И ЗАЩИТА

Руководитель научной группы перевода:
PH.D ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Книгу перевели:
Ирина Лопатюк и Валерия Берман

Одесса 2018

Иеронимо Санчес
де Каранза

Философия оружия
и мастерство владения им.
Христианская атака и защита.

Диалог № 4

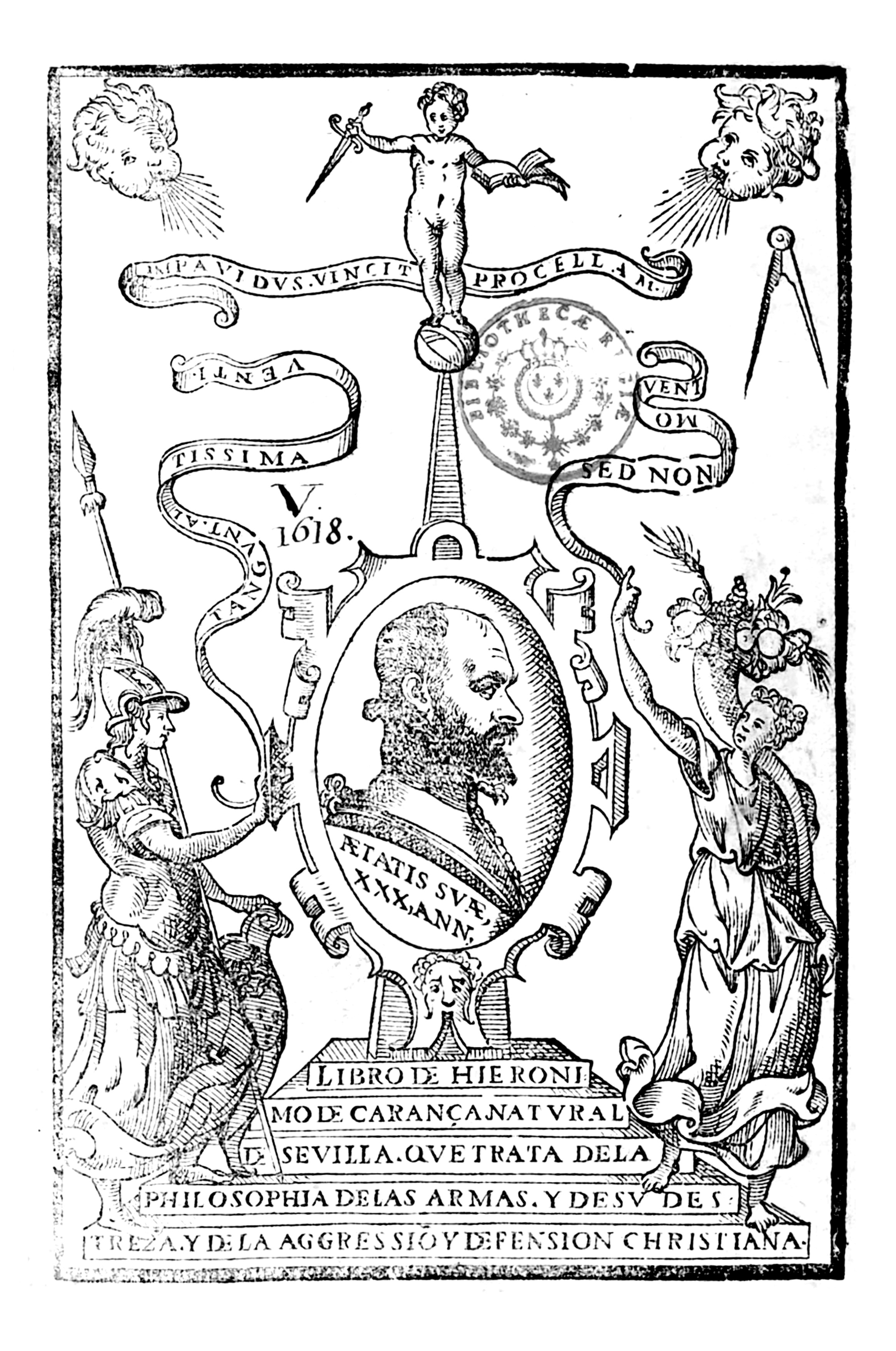
Переводчики: Лопатюк И. И., Берман В. А.
Язык оригинала: староиспанский
Год: 2018

Иеронимо Санчес де Каранза

Философия оружия и мастерство владения им. Христианская атака и защита. Диалог № 4—Днепр: Середняк Т. К., 2018, — 91 с.

ISBN 978-617-7696-66-6

Диалог четвертый касается христианской дестрезы и защиты и агрессии в действиях и словах, при личном присутствии или отсутствии самого человека; рассмотрено, что такое истинная честь и как ее можно потерять и приобрести; показано, где находится измена с предательством и вероломство с коварством, а также представлены случаи, которые могут произойти, при наличии одного или другого, интерпретируя некоторые законы о человеке и комментируя один из настоящего закона. Также показано, как фехтовальщик применяет на практике то, что он узнал, не совершая агрессию, предательства; и рассмотрены обязательства, которые он на себя принял, которые должны выполнять его друзья и враги.

IMPAVIDVS. VINCIT PROCELLAM.
VENTI.
TISSIMA
VNT. AL
TANG
VENT
MO
SED NON
V. 1618.
ÆTATIS SVÆ, XXX. ANN.
BIBLIOTHECÆ REGIÆ
LIBRO DE HIERONI
MO DE CARANÇA NATVRAL
DE SEVILLA. QVE TRATA DE LA
PHILOSOPHIA DE LAS ARMAS. Y DE SV DES-
TREZA. Y DE LA AGGRESSIO Y DEFENSION CHRISTIANA.

ПРИЧИНЫ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТОГО ДИАЛОГА

Выводы в теологии и естественной и нравственной философиях таковы, что аналогия, соразмерность имеют первое место в вещах. Таким образом, чтобы спросить короля Агефилао, какое достоинство было самым лучшим: сила или справедливость, которая не нуждалась в силе, ибо казалось (и это не было обманом), что союз желаний и намерений сформировал тело, управляющим которого была причина, чтобы жизни всех в общем и в частности сохранили себя и не будут нарушены и преданы насилием и предательством, потому что злоба пустили так много корней раздора в наши умы, что временами необходимо, чтобы разум наказывал нас, как повстанцев, событиями и ситуациями. Мы уже давно говорили о вещах, которые удобны для сохранения временной жизни, и будет справедливо научить фехтовальщика, как использовать науку, которую он имеет, чтобы достичь духовной жизни. Исходя из того, что говорит святой Амвросий — оставьте это для себя и вы придете к разуму, оставьте то, что принадлежит вам и примите то, что вечно, предупреждая христиан, как они должны вести себя с вами и со своими друзьями и врагами, как и в делах чести, и в оскорблениях, и в позоре, чтобы обратить их внимание на то, какими они не были. Отныне наперед они налаживают свои дела на службе Бога, регулирующие мужество и честь с сознанием, так что каждый знает, как сохранить и приобрести честь, не присваивая незаконно для следующих поколений, и как он будет сохранять жизнь, не убивая кого-либо незаконно, потому что то, что я понимаю,— это нужно предупреждать людей об этом, чтобы теперь не было предпринято таких отвратительных вещей, как мы видели в наше время с появлением силы, и что они возвращаются за своей честью, не зная, что такое добродетель, или как приобретается честь. И она может быть потеряна по внешним причинам, в которых они серьезно оскорбляли Бога, не будучи удовлетворенными, до нового оскорбления, потому что они следовали больше слепым вульгарным желаниям, чем свету разума и божественного закона, в соответствии с которым мы помещаем то, что затрагивает честь и промедление в соответствии с естественным и несомненным правом со многими новыми вещами для различных целей, не выходя за пределы наших целей, что будет подробно рассмотрено в продолжении христианской дестрезы.

ДИАЛОГ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАСАЕТСЯ ХРИСТИАНСКОЙ ДЕСТРЕЗЫ И ЗАЩИТЫ И АГРЕССИИ В ДЕЙСТВИЯХ И СЛОВАХ, ПРИСУТСТВУЯ ЛИЧНО И ОТСУТСТВУЯ, В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕГО БЫЛО ПОНЯТО, ЧТО ТАКОЕ ИСТИННАЯ ЧЕСТЬ И КАК ЕЕ МОЖНО ПОТЕРЯТЬ И ПРИОБРЕСТИ.

Они заявляют где находится измена с предательством, вероломство с коварством и случаи, которые могут произойти, когда было обнаружено одно или другое, интерпретируя некоторые законы о человеке и комментируя один из настоящего закона.

Мелисо. Эудемио. Филандро.
Полемарко.

Хотя древние внушали по многим причинам недостатки и страдания человека, отвращающие обязанность, с которой он родился, выплачивать вечную дань бедствиям этой жизни, которых можно было бы судить (по словам Плиния), если бы природа была лучшей матерью для человека или самой печальной мачехой, поскольку проявила себя так, что будет с частной естественной защитой, которую он щедро раздавал глупым животным (здесь имеются ввиду люди), чтобы терпеть дела и опасности, к которым родился этот человек, потому что он один среди всех животных, кого наградили и покрыли другими богатствами и атрибутами в отличие от всех остальных с различными обертками, оставив человека, не обращая внимания на голых и беспомощных в определенной стране, и среди тех, кто пробовал это. Самым суровым, по словам Аристофана, был Тимон, афинский философ, которого называли Мизантропом, потому что он был врагом столицы человеческой природы. Никогда не было известно, что он дружил с кем-то, если только не с Алкивиадом, к которому он не относился с любовью, потому, что подозревал, что тот должен быть виновником несчастий людей и Гераклита, философа, который постоянно кричал о том, что Демокрит смеялся, убеждая всех (выдавая сердце через глаза), что человек был ничем иным, как озером страданий, больше рассматривающим то, что писали в этом озере. И теперь, видя последствия опыта, противоречащие всему его мнению с вашими рассуждениями, и вспоминая также знания, которые Гален дает человеку, и то, что утверждает Лактансия, — я был настолько сбит с толку, что едва мог отдохнуть сегодня вечером, давая и принимая со взвешиванием информацию насколько может человеческий ум. Но, что восхищает меня больше всего, так это то, что человек подражает величию природы и доброму порядку, который с такой легкостью есть

во всех его вещах, что уже почти вошел в привычку, и всё становится более явным. Плиний говорит много вещей против того, что человек не может быть единственным способным к высокому пониманию (как говорит Овидий), но, в конце концов, это было без света веры, который, если бы у него был, он бы оценил то, что Бог оценил. Ибо ясно, что если человек имеет работу и подвергается страданиям, то он сам ищет их и берет своими руками. И хотя он и родился нагим, лишенным всех удобств, покрытый только тонкой поверхностью кожи, что любая вещь, даже очень маленькая, сломается, он не был без божественного провидения, и Бог не творил без зрелого совета, поскольку знал очень хорошо, насколько светлее человек должен быть, воспользовавшись внешними чувствами, чем все другие животные, и что они должны были подчиняться приоритету понимания, не думая о том, когда он хотел уже закончить дело. И по этой причине было не целесообразно, чтобы инструменты были такими же сильными и прочными, как и у наглых и жестоких. Прежде, чем внимательные и проницательные станут таковыми, никто не будет таким смелым, чтобы сказать, что Бог проявил больше милости к другим животным, чем к человеку, потому что, несмотря на то, что Бог поднял его из такой низкой материи, как шлам Земли, человек не по этой причине потерял свое достоинство и величие, — потому что это одна работа, которую Бог творил своими руками, чтобы показать свою бесконечную силу и знание, которая была не из-за отсутствия чего-то лучшего, — создания неба, солнца, луны и звезд, — это довольно очевидно, что благородные вещи их не минули, чтобы создать их. Бог хотел создать человека из глины, чтобы смягчить его высокомерие и подавить самомнение и спесь, подразумевая, что он не должен заниматься низшими вещами этого нижнего мира или делать как делают глупцы, что всё их счастье заканчивается жизнью, а для того, чтобы человек знал, что он увидит вечную жизнь, выразив свои мысли на небо и осознав это, поднимет глаза и дух, вздохнет за свою старую и истинную родину, потому что Бог мог сделать человека сильным, даже сильнее, чем лев и таким же проворным, как слуга, и таким крепким, чтобы противостоять всему, и ничто не могло бы оскорбить его. Но он хотел, чтобы это было из хрупкой скромности, чтобы он быстрее оказался у созерцания своего создателя, и чтобы человек понял, что когда всё его раздражает и ранит на Земле, — он не родился, чтобы увековечить себя, а чтобы служить в качестве сосуда, некого хранилища, пока божественная воля не захочет чего-то другого. И потому, что человек часть этого божества и уроженец неба, никто не сравнивает его больше с другими животными.

Говорит Мелисо. Если, в частности, вы обосабливаете себя от обычных вещей, вы ставите себя в созерцание и оценивание своей элегантности. Мы находим себя такими, как мы думаем о себе, и находим такие совершенные преимущества, которые Бог предоставил человеку, что вы будете восхищаться превосходством эффектов, которые они производят в мире каждая в отдельности. И после того, как вы хорошо

это всё обдумаете и взвесите, то найдете по правде (как говорит Платон), что человек — это животное, достойное быть обожаемым и почитаемым другими животными, потому что за пределами особых величий, которые он имеет, с разумом и пониманием, все остальные находятся под его волей, что ни величие, ни ярость других зверей не могут устоять перед его оружием, поэтому силой (не большой, а искусной) он всех приручает насильно, (как говорит Гален), и нет какого-либо животного такого же большого, жесткого и яростного, как человек, хотя он никогда его не видел, и потом не узнает среди других и будет дрожать при виде его. Это благодать, которую я унаследовал от этого первого божественного отпечатка, который Бог поместил в нашего первого отца Адама, которого древние каббалисты называли на своем языке фахат. Это безопасный канал, посредник и доверие, с которыми первый человек осмелился жить среди других, внушая страх животным, давая имя каждому, согласно его виду, и с этим он приобрел такую власть и господство над всеми, что его боялись и уважали как суверенного Господа и абсолютного царя их всех. Согласно этому Аристотель справедливо сказал, что человек родился, чтобы понимать и видеть, что ничто не скрыто в глубине моря и что величие неба не является частью, чтобы божественные тайны не проникали силой в его понимание и, следовательно, проводя так мало часов в библиотеке науки о Боге, он знал и понимал так много своего величия, что вам кажется, что он был человеком, если держал себя вежливо и не обижал своего создателя. И для того, чтобы вы были счастливы, так как вы касались этого вопроса, я хочу протянуть руки в человеческое сокровище, потому что вы видите ценность его богатства. И поскольку у него нет своего имущества, как у других животных, вы ссылаетесь на вещи, которые, если мне не изменяла память, мне предлагали, чтобы впредь с этого момента каждый из них являлся свидетелем и судьей, по решению результатов без дополнительных доказательств, что дух человека божественен, ибо он всегда имитирует величие своего Создателя настолько, что не существует сильного человека, чтобы он перестал следовать этому чудесному подражанию, и обстановки нет такой уединенной, чтобы не забыть предпринять это благородное желание. Нет такого человека, который был бы таким варваром, что от рождения не взял бы на себя это божественное знание, потому что оно является целью всех тех, кто пытается решить все, полагаясь на Бога. И прежде, чем мы порассуждаем о ваших власти и величии, остановимся немного, чтобы рассмотреть, что форма головы человека не такая, как у других животных, несмотря на то, что небесная сила сделала эту форму округлой в целом и в ее частях, и покрыла ее чудесным совершенством. Конечно я не знаю, кто такой невнимательный в мире, кто не увидел бы странности этой части человеческого тела, которая является башней поклонения малого мира, и домом, в котором обитает знание человека. Создатель установил голову, как место и дом для разума, с которым сам Бог был созерцаем, почитаем, известен, ему служили и поклонялись, потому и дал голове высшее место, чтобы

она служила наблюдателем вещей неба и земли.

Отсюда, как из источника манны,— великое разнообразие работ пяти чувств. Замечательная вещь, что из корня происходят так много и такие разные выгоды, которые так по-разному можно использовать. Давайте посмотрим, что в мире так чудесно в глазах тех, кто остается у дверей тайны природы, не проникая в то, что способности человека с небесной добродетелью, которая у него есть, не достигают ее и стремятся подражать ей? У нас есть доказательство, что нет ничего сложного и трудного, что человек этого не предпринимает, но в конечном итоге он хочет этого и даже совершенствует работу, потому мы знаем изобретателя бесчисленных искусств, который демонстрирует их и породил силу своего понимания. Он один из всех животных знает о прошлых вещах и том, что впереди. Таким образом, нет ничего, каким бы трудным это ни было, чего он со своей изобретательностью не достиг бы. Какую науку или какое искусство не нашли мужчины? Поэтому мы исходим из вычисления чисел, из познания и использования качеств элементов. И для понимания свойства камней, он нашел где у некоторых есть превосходство, которое делает их такими драгоценными и по приглашению законов, которые держат мир в мире, чтобы понять достоинство металлов и как они обрабатываются такой разной ценности, знать свойства трав и разновидностей, которые есть у каждой, знать растения и способности животных, а также, долго наблюдать за небесными движениями. Человек нашел странные способы во всех видах музыки. И он обнаружил чистую пропорцию линий с серьезностью и резкостью поэзии, с элегантностью и копией ораторского искусства. Что мы скажем тогда об обманах и хитростях, которые он придумал, чтобы схватить и удержать зверей, и о чудесном искусстве писания, и о чудесном изобретении гравюр и таинств, которые он нашел в опыте, чтобы создать репутацию науки о медицине, безусловно достойную великих похвал, знать разницу планет и то, как они оставляют свой отпечаток на нижних телах, каково тело солнца, как луна растет и убывает. Человек понимает, что делает огонь в воздухе и что делают воды рядом с землей, и для чего они вместе образовывают круглые фигуры. И знает, каково Земле без движения, обладая охваченной подвижной водой своей природы и подверженной импульсу ветров. И что такое воздух, и почему он так сильно дует, и в какой пропорции находится один элемент с другим. Человек понимает, как делается свод облаков и как в соленом море находят сладкие источники. И он сделал из дерева подвижные дома, с которыми проходил по водам, и это является настолько большой частью его мастерства, что без дальнейшего рассмотрения он отдает себя бурям, которые возникают временами, две из трех которые всегда заканчиваются смертью (как говорит Анахарсис). И он знает, как изготавливаются растения, знает условия людей по физиогномике, и, если вы тщательно подумаете, вы увидите, каким искусственным был способ, чтобы реки кровоточили, чтобы использовать нужную воду и приносить ее из источников,

и в каждом доме были свои источники, о которых позаботилась природа. Он знал не только как использовать элементы для необходимых вещей, но и для простейших вещей, используя животных, землю, воду и воздух. Иногда для удобства содержания семьи, а иногда и для удовольствия духа вместе со знанием и пониманием чудес, которые есть по природе в каждой вещи. Наконец, тот, кто не узнает и не поймет человека в естественных вещах, — поднимется, чтобы узнать тайны Бога, которые касаются всей природы.

Говорит Филандро. Это потому, что то, что человек имеет — наиболее естественно. Например, знать все вещи, которые его не останавливают и не утомляют желание, познав истину; прежде чем рождаются новые желания, искать другие, пока ему не кажется, что в мире не осталось ничего, что можно было бы понять, что он не знает и чего-то не понимает об этом, за что Гомер назвал человека первооткрывателем, потому что, будучи рожденным, он пытается узнать все, чтобы понять и найти. Потому мы видим, что он не доволен имитировать работы низшей природы, а совершенствует их и исправляет, и поэтому мы видим много вещей, которые начинаются с искусства, совершенного природой, и многих других вещей, которые начинает природа. Человек совершенствует их с искусством, и кажется, что для того, чтобы превосходство человека светило больше, Бог хотел оставить вещи таким образом, чтобы он со своей силой, которая у него есть по своей собственной причине, мешал исправлять их и корректировать, потому что сила его понимания божественна, а он так жаден, чтобы знать, чего не хватает, что недоволен тем, что вы слышали как животное было вне его естественного элемента. Несмотря на то, что его желание присутствует на земле, человек не отсутствует на небесах и не перестает подчиняться своему Создателю, и что более тревожно для меня из всего, это что вещи, изобретенные с искусством его мастерства — то же самое, что делала природа, поскольку люди обычно не делают своих собственных вещей, они подражатели своей восхитительной элегантности, о чем свидетельствует виноград, который Зевзис так похоже нарисовал, что обманутые птицы спустились к нему. И что Апеллес так красиво нарисовал кобылицу и собаку таким образом, что все лошади и собаки, которые проходили мимо, приветствовали их ржанием и гавканьем. Что мы можем сказать об этой кобылице из проволоки, вырезанной таким тонким искусством? Что все лошади, которые ее видели, их как на куски разорвало, придя к ней, как если бы это была живая кобылица, созданная человеком из провинции Гераклея Пелопоннеса, согласно Паусаниасу. И будем придерживаться того факта, что глупцы обманываются совершенством вещей, что я придумываю понимание с искусством, зная, что Пракситилес нарисовал Венеру в храме индейцев таким прекрасным способом, что они полюбили ее, те, кто смотрели на нее.

Так много того, что изобретено, приносит больше испуга, чем у Анчитаса Тарентино, который, согласно древним писаниям, сделал деревянного голубя, такого же веса и высоты как натуральный, что

подброшенный рукой, он наполнился воздухом и полетел среди других птиц, как утверждает Матфилио в богословии Платона. Потому, что мы скажем о статуях, которые египтяне сделали своим ложным Богам, которые шли и отражали в них воздух, таким образом, что казалось, что они говорили, согласно тому, что говорили историки. В одной части я выделяю пирамиды Египта и греческие здания. И еще много всего, что можно создать силой своего мастерства и способностей, потому что их расхваливали, превозносили, из тех, которые схожи с ними, как делает это Плиний, когда усиливает и восхищается изобретением Амфитеатра. Так что это не заслуживает более низкого восхваления, чем упомянутые вещи, что Плутарх говорит о великом математике Архимеде Сиракузано, который притащил с собой очень большое судно, нагруженное крадеными вещами для площади Сарагоса на Сицилии, как будто он принес очень кроткую кобылу на поводке. Я заканчиваю превозносить это, чтобы подчеркнуть, что это не находится в затруднительном положении при рассмотрении сферы металла, который создал свою собственную, где можно увидеть все движения планет, дающие (по словам Цицерона, собственные повороты на небе). И в наше время мы видим то же самое более точно на часах, которые сделал Хонело, иностранный человек редкого ума. Какая вещь ускользнула от человека, чтобы противоречить, а затем подражать грому и молнии, проходящим в области воздуха. Я изобретаю бомбарду и аркебуз, где обе вещи были найдены, как в разрыве облаков. И я не рад противоречить тому, что происходит на небесах, воздухе и земле, такой естественной, как мы видим. Но теперь в наше время человек изобрел новый и замечательный способ передвижения под водой с помощью деревянного инструмента, в котором вы можете находиться, есть и спать то время, которое вы хотите, чтобы не быть раненным, чтобы открыть секреты центра моря, которые природа предоставила только рыбам, о чем говорили древние, если в свое время снаружи, где Антонио де Луна изобретает этот инструмент, мне кажется, что они преувеличивают свои рассказы о хвалах, празднуя и возвеличивая столь чудесное умение. В этом вы ясно увидите причину, по которой Фаворино сказал, что на земле не было ничего хорошего (потому что это меньший мир, в котором включены все великие вещи), и не было ничего великого или драгоценного в человеке за пределами понимания. Говорит Полемарко. Кстати, это никоим образом не свидетельствовало человеку о том, сколько вы рассказывали от его стороны, и теперь мы просто полностью поймем, сколько потеряно, когда человек осужден. Хотя, с другой стороны, мне кажется, что вы хотели поднять свое решение, оценивая его превосходство, потому что Плиний в некоторых частях его так сильно уменьшил и поднял до природы хищных зверей, ввиду того, что Гален и многие другие это чувствуют, что хорошо для противника.

Говорит Мелисо. Нет никакой причины, чтобы ум снова тратил время на критику создателей, что природа сделала причастными животных, или восхвалять то, что он дал человеку, потому что он будет так

же потерян, как тот, кто потратил время, восхваляя назойливость мухи и лояльность комаров, ясно видя, что все животные живут без какого-либо искусства или слаженности жизни, доказательством чего является зверство, дикость, с помощью чего они защищаются, чтобы быть в безопасности, хотя у них есть сила и проворство. И, учитывая собственные качества, характерные для человека, мы обнаружим, что это не только делает их лучше всех своим умом и руками, но и то, что он пробовал все эти вещи с мастерством своего таланта и изобретательности, и делал это хорошо, что нет никакого животного любого вида, который был бы со всеми боеприпасами и снаряжениями, которые ему дала природа: рога, зубы, клыки, бивни, когти, яд. Они могут быть уверены в руке человека (как говорит Гален), и он только с его разумом может выйти из западни и коварства животных, рабов природы.

Говорит Полемарко. Вы правы, потому мы ясно видим, что все они повинуются человеку, а человек еще не счастливый, когда он должен подчиняться. Люди принуждали и заставляли животных подражать человеческой природе, обучая птиц говорить и подчиняться человеческому голосу, одомашнивая диких, приучая к командам, управляя голосом и освобождая их. И они повинуются ему, удаляясь от него, давая животным много других способностей в силу своего мастерства, которые природа отрицала. И укрощают ярость лошади, настоящего, великодушного, превосходного и проворного животного (как говорят Гален и Аристотель), объезжают ее, используют стремена, шпоры и потом используют лошадь в своих целях. Это правда, что, как только животные с оружием, которое они получили от природы, — они могут атаковать и жестоко обращаться с человеком, а он со своим мастерством и ловкостью освобождает себя от этого натиска. Но руками, которые как оружие, человек совершает важную защиту, с которой он освобождается от нападения зверя, руки не только отгоняют зверей, но и укрощают их, ибо человек никогда не рассматривался как подчиненный животным, так как мы каждый день видим, что стаи свирепых подчиняют всю свою жизнь человеку. Только один человек среди всех животных предается смерти ради общего блага, и, поскольку он уверен в бессмертных ароматах неба, у него мало есть, что терять, — все, что есть на земле. Наконец, он — человек, животное столь совершенное, управляет и подчиняется сначала себе (как говорит Цицерон), чего не может сделать никакой другой вид животного, а затем управляет и создает свою семью, управляет и владеет миром в республике. Он управляет людьми и руководит миром. Разве те, кто отрицают бессмертие души, теперь говорят, что человек — немощное животное и какой-то кусок земли, как животное, а не бессмертный, небесный и божественный, как ангелы? Потому видно, что все животные живут спокойно в своем роде (как говорит Плиний), и что они собраны и предусмотрительны для тех, кто не из их класса, потому что сила львов не сражается против самих себя. Змеи не кусают змей. Ни звери, ни рыбы моря не приходят в ярость на своих,

а только на тех, кто имеет другую природу, чем они, и которые также были способны с помощью мастерства изобрести хитрости и уловки, и совершенствовать науки, как говорит святой Басилио, и что с умением он подчинил самых жестоких животных и самых диких птиц, оставаясь сбитым с толку и растерянным, полагая, что он еще не достиг вершины, которую намеревался достичь с совершенством своего мастерства. Никогда (по словам Еврипида) не останавливаться, делая одно и то же, имея беспокойный дух и забывая прошлое, он обнаружил, что к человеку приходит много плохого и опасностей от человека (как говорит Плиний), и ему казалось, что это усложнили. В этом сомнении он разрушил доверие, потому что не понимал ни в спекуляциях наук, ни в расследовании причин, ни в изобретении инструментов для наслаждения духа, ни в задерживании диких животных, ни в укрощении лошадей и львов, а только в том, как можно найти покой против животного с таким пониманием и таким великим духом. Таким мудрым, благоразумным, хитрым, осторожным, проницательным, замаскированным, искусным, резким, деликатным, трудолюбивым, сдержанным, гениальным, проворным, сильным, великолепным, храбрым, свирепым, надежным, яростным, отважным, безрассудным, могущественным, как тот же человек. Здесь он дал истинную модель своего изящества и полностью обнаружил свою великую добродетель, и оставил свое величие, власть и могущество в затруднительном положении, требующего специальных знаний, когда понял, что не может найти таких утонченных вещей, как было видно, и до такой степени, что человек, похожий на него, не касался их. Наконец, увидев лицо человека, такого могущественного врага человека (как говорит Филон), чтобы защититься от него и быть в безопасности, и оскорбить его, если вы торопили его нести понемногу материалы для фабрики их защиты. Он культивировал их с течением времени, разрезал древесину, обрабатывал ее, делал некие блоки и соединял все материалы, и каждый на своем месте образовывал дома и ограды. И ему казалось, что он все еще в опасности, если они лично приходят. Тогда человек изобрел оружие, с помощью которого он улучшает свой дух, поощряет и упражняет тело, защищает жизнь, увеличивает честь, сохраняет славу, уважение и любовь, сохраняет использование оружия для нужд, в которые обычно плохие ставят хороших. И поэтому Бог допустил свое изобретение и открытие, чтобы вселить страх в плохих, потому что никто такой смелый с плохим желанием, с гневом или завистью может отделить душу, которую господь объединил с телом, предупреждая и наставляя людей, что будет мало прощений тому, кто уничтожит и отменит это изысканное рациональное здание, служащее для вашего храма. И мы видим, что, не приравнивая другие вещи к человеческой природе, он делал их только одним словом. И, чтобы сделать человека, Бог опустил свои руки в работу по творению человека и изобразил его по подобию своему, и он создал Идальго, и освободил душу и род. Он сделал его умелым и способным радоваться блаженствам, заключающиеся в том, чтобы видеть и объединять-

ся со своим Создателем. Он сделал его господином всех его дел. И победителем во всех его подвигах, императором, королем и генералом-капитаном всех видимых существ. И чтобы оставить его благородным со всех сторон, он дал ему свободу воли. И, чтобы показать его снисходительным и больше давать ему задач, Бог создал невозможную, бессмертную душу, и дал человеку право наследовать богатства существенной славы. И, наконец, я оставляю его обладать тем, что у него есть, и приказываю всем вещам подчиняться ему, чтобы все подчинялись, а он до конца света будет подчиняться своему Создателю. Но человек, беспринципный и неблагодарный к таким преимуществам и делам, был нарушителем заповедей, которые ему поставили, которые так легко соблюдать. Но из-за этого непослушания он превратился в грешника, страдающего от боли и работы, но счастливого и очень богатого, у которого всего в изобилии, больше, чем хорошие люди могли бы себе пожелать. Но он приблизился к самому подлому, низкому состоянию бедности за то, что неблагодарен к стольким привилегиям, которые получил (как будто бы их не заслуживает). И то, что больше всего ощущается, — что очень большой друг Бога стал его самым главным врагом. Он нарушил закон, совершил грех перед нашим Богом, и это драгоценная награда, в которой человек теперь осторожен, потому что не хотел следовать призванию, к которому был рожден. Потому что ясно, что если он хотел сохранить это сокровище благодати, то его Создатель держал бы его в вечном счастье и чести. Но Бог, не используя силу и строгость, которые он использовал при наказании восстания, при котором с неблагодарностью и гордостью восстали против него, прежде чем бесконечное милосердие было принято во благо, дал им долгую жизнь, чтобы можно было оплакать свой грех, усмирил пыл и дал путь, поскольку он может быть восстановлен в благодати и свободен от печали. На этом пути, который использовался для предотвращения от его падения, Бог показал все в знании. Там он использовал всю свою силу. Там он предоставил со своей стороны самые драгоценные богатства его божественной доброты и мудрости. Путь был таким необычным и так игнорировался людьми, где Вечный Отец руководил этим делом, чтобы совершенствовать это божественное творение, что нет оснований размышлять об этом, потому что он бесконечно превосходит все человеческие способности. Это была вся работа нашего милосердного Бога, а со стороны грешника нет ничего другого, кроме как хотеть получить его знания и воспользоваться ими. Таким образом, Вечный Отец так любил человека, видя, как он падал от одного зла в другое, что защищал его от падений и потому, что он был доволен виной, обретенной бесконечному Господу с бесконечным удовлетворением и что он злился в мире, Бог послал своего единственного сына, который удерживал нас от неволи Дьявола, будучи истинным Богом, который создал истинного человека. И он страдал за человеческий род добровольной смертью, и чтобы совершить такое трудное путешествие, он не принял природу ангела, потому что, если он примет ее, будут

почитаемы только ангелы. Он хотел принять человеческую плоть и природу человека, в которой почитается все созданное, камни, которые соответствуют бытию человека, овощам, потому что вегетативная составляющая человека соответствует растениям. Уважал и почитал животных, потому что мы соответствуем им чувственным духом. Наконец, уважал и почитал ангелов, потому что человек соответствует им с божественностью понимания. Заметьте теперь, что это отличная вещь, что человек и обязанность, которую он должен принимать во внимание сам, потому что сам Бог, будучи оскорбленным, заботился о нем и заставил своего сына умереть, чтобы дать ему жизнь и вывести из плена, и все это он сделал своими руками, спустившись на землю, чтобы поднять человека на небо.

Говорит Филандро. Несомненно, если бы человек ценил хоть малое время, которое он должен Богу, он бы передал ему много хорошего, не имея больше покровительства, чем к своему божественному милосердию, чтобы заслужить его, чтобы он использовал все свое сердце для службы такому снисходительному Господу, чтобы обогатить его, использовал бы с ним всю его щедрость. И помните, что великий священник и философ Гермес Трисмегист, намекая на это, изнурившись в глубоком созерцании вещей человека, не имея света веры, сказал громко: где прекрасный художник этой замечательной работы? Кто тот, кто также знал, как наносить такие живые цвета в этой странной живописи и применять такой освященный блеск? Кто также нарисовал эти красивые глаза, как окна всего тела и очистил зеркало души? Кто образовал губы на рту? Кто переплетает и смешивает так много вен, которые служат телу каналами, по которым течет кровь с тремя другими поддерживающими жидкостями и подарил организму влагу и жир? Кто сделал кости такими жесткими и прочными? Кто их укрепил и прицепил к телу, чтобы перестали думать, когда они поднимаются очень высоко, и, возможно, он хочет стать сильным против разума и сдержанности? Кто покрыл плоть такой мягкой и тонкой кожей? Кто различал и разделял пальцы суставами? Кто создал ноги такой хорошей пропорции и нужного размера, чтобы они служили основой для всего тела? Кто открыл в человеческом теле путь и дверь как есть? И кто так сильно сжал его руку, что он оставил ее в таком великом совершенстве? Кто дал сердцу пирамидальный образ? Кто вложил так много сетей и корней в печень? Кто разделил легкие? Кто дал животу такое пригодное место? Кто поставил добросовестных членов на площади и в очевидные места, которых все должны были видеть, а скромные были разделены по укромным местам, где их почитали и ценили? Затем подумайте, говорит Гермес, сколько и какие работы они сделали, чтобы добиться такой совершенной и законченной работы, и насколько красива каждая сама по себе, и что размер и величина рассчитаны на разные работы, услуги и разное использование. Как вы думаете, кто сделал такие странные работы? Кого вы признаете, как отца и изобретателя всего этого? Кем вы хотите, чтобы он был, даже если Бог невидим?

Сейчас давайте принимать во внимание тех, кто по профессии или ради удовольствия, ценимы матадорами и оцениваемы за лучшую часть их брони, убили человека и получили больше. Тот, кто больше убил, какое извинение он даст перед Богом на заключительном суде, когда увидит двух или трех человек, убитых перед ним обманом и предательством и, обычно, его спрашивает судья: почему вы забрали жизнь этого человека, которому я дал жизнь, которая у него была? Он хотел большего, хотел иметь животных, разводить их, заботиться о них и выкупать? Как будет сказано создателем душ и властелином сердца, чья божественность проникает в мысли, закрепляет истину, потому что это Бог, против которого ложь никогда не может победить, и не может отказаться от матадора, ни интересы, ни гнев не будут достаточно оправданы, потому что судья скажет: я, кому все существа должны за то, какие они есть, дал вам бытие, и я воскресил вас и умер за вас, не имея ваших вещей, которые нужны и удовлетворяли бы такой нужной выгоде, так как ты — мое творение. Оскорбление, которое тебе нанесли, было сделано мне, потому что ты отстранил свою душу, которую я соединил с этим телом, и ты стал судьей, ты забрал жизнь, которую хранил тот, кто дал ее? Никто не будет знать, как отреагировать на эту оправданную суровость, каким бы красноречивым это все не было, прежде чем обдумывать наказание, которое дается в соответствии с преступлением, которое каждый совершил и видит, кто является преступником и обидчиком, зная, как много он должен создателю, и насколько плохо он откликнулся своим служением на милости, которые Бог дал ему, оправдывая его приговор и осуждение.

Говорит Эудемио. Он был доволен там, кем был, услышав превосходство человека. Теперь вы внесли в мои мысли страх и отвращение с помощью этого примера настолько, что отныне я должен легко проходить сквозь раны и ропот, потому что больше страдают от плохого, чем делают это. И должен быть день, когда они наказывают проклятия печалью и воздают славу добрым делам и страданиям. Но при всем этом, это сильная вещь, оставить человека вернуться за своей честью, и, если кто-то хочет забрать жизнь, потому что Бог накажет его, пусть он заберет ее без дальнейшей защиты или рассмотрения. Вытащите меня из этой усталости, потому что вы меня поместили в нее, и скажите мне, есть ли закон, который защищает матадора, или указывает на то, чтобы этот человек позволил себе убить своего врага, чтобы он по правде говоря не знал, что я должен делать с моим мастерством.

Говорит Мелисо. Мне не разрешено заниматься этим делом, касаться другой профессии, отличной от моей, говоря Филандро свое мнение, что, как и в других, я буду повиноваться.

Говорит Филандро. Я не такой друг чужой славы, и я не чувствую себя настолько недостойным в том, что делаю и беру в свои руки, что хочу незаконно присвоить, что приходит к Полемарко, который будет знать лучше, за то, что он защищал себя и других с оружием на войне и законами в мирное время, потому что Полемарко не ну-

ждается во множестве молитв, и без них я выполнил ваше поручение, чтобы рассказать нам о происхождении естественной защиты и о тех, у кого законы.
Говорит Полемарко. Я был бы очень рад избавиться от намерений законов из-за больших трудностей, будучи более уверенным в том, что дружба преодолеет что-то, я соглашусь с графом, сохранить (если возможно) то, что Бог и природа создали, и не только сделали это, но и не позволили оставить свое сущее, хотя он очень смирен для другого лучшего и более уважает. Ибо, если это правда, что ни одна из созданных вещей не перестает скрывать свою действенность или скрытый яд, который мы игнорируем или заявляем, что нам он очевиден, потому что с ним защищаются, потому что, естественно, все стремятся защитить себя и просят своей обороны, давая понять, что он животное, что нет другого лучшего и более ценного, чем он, потому что в его роду он не испытывает недостатка ни в чем, и не желает себе того, что есть у других животных. Потому что природа украсила и наградила лошадь сильными копытами, сделала ее легким и превосходным животным. И льва, как отважного и свирепого, сделала сильным с зубами и когтями и дала ему крепкие кости. И мы видим, что бык и кабан имеют природное оружие, у одного рога, у другого клыки. А для слуги и зайца, потому что они трусливые животные, она дала легкое тело, без нагрузки и природного оружия, потому что скорость и легкость соответствуют трусам, а смелым и сильным советует оружие (и, как говорит Гален), так много легло на благоразумие природы, которая никогда не вооружала трусов, и не оставляла смелых без оружия. Но человек является самым совершенным и достойным из всех животных (как говорит правовед Пауло), и с большим разумом следует отдать ему предпочтение всем созданиям, которые подчиняются ему, поскольку животное настолько мудрое и божественное среди всех животных, что есть на Земле, хотя и включало в себя все, что природа щедро распределила с животными. У него больше, чем у них понимания, разума и у него есть руки. И не потому, что у человека это было — он мудрое животное, если не потому, что у него были руки, орган, подходящий для столь сдержанного и мудрого животного, потому что они служат ему тем, чем служат естественное оружие у зверей, дальнее, ближнее, что животные не делают с тем, что у них есть. Руки не только служат ему для защиты, но и для многих других вещей, потому что являются инструментами для всех искусств и не менее полезными и подходящие для мира, чем для войны, как говорит Гален. Человек не нуждался в этом оружии, потому что всякий раз, когда он захочет, он может взять оружие сильнее и лучше, чем у зверей, потому что руки помогают ему, говорят, спрашивают, обещают, звонят, увольняют, угрожают, умоляют, отвращают, боятся, просят, они отрицают, они клянутся, утверждают. С ними проявляются ликование, печаль, сомнение, исповедь, покаяние, величина, подражание, число, время. Наконец, вместе с остальными, как говорит Квинтилиан, они охватывают все части тела, и человек делает

с ними естественную защиту, с которой индивидуум себя защищает, потому что в законе о добродетели, ценности и усилиях, и даже во всей добродетели благородства жизнь должна быть сохранена и не потеряна безрассудно без каких-либо плодов. И отсюда я понимаю, что не будет такого человека, который забыл бы о себе и о падшем духе, и о таких болтливых мыслях, что, когда вы пришли в точку, в которой можете потерять жизнь, не возвращайтесь к своему самодовольству, спесивости и не доставайте силу из слабости, чтобы искать убежища и защищать себя, потому что вы этого не делаете, а попадаете в два греха от большой и наиболее ненавистной уверенности, а также из-за дисциплин, которые были изобретены, чтобы украсить и развить дух человека и вернуть обратно в прежнее состояние на политический путь, который я всегда имел с большим почтением. И что еще более важно, — что достигается всеобщая польза от всего, имитируя в этом серьезных людей, которые всегда предпочитали юридический факультет всем остальным частям философии, видя, что нет места или момента времени, где бы это не было необходимым, потому что публично или секретно — это удобно для каждого в частности и для всех в целом (как говорит Пиндаро). Эта часть философии распространяется на то, что касается таможни и правительства города, подстрекающих хороших к добродетели и пугая плохих парней наказанием, направляя всех с законом разума твердо и просто с помощью полезной вещи, пока не дойдут до хорошего конца, наказывая того, кто нарушил это, и вознаграждая того, кто подчиняется, как говорит Платон. И хотя сложность и ширина этого вопроса не страдают от краткости, у меня не так мало приготовлений, как теперь, чтобы использовать это, потому что вы рассказываете нам, как понимается мнение некоторых докторов в дестрезе. Я попытаюсь что-то использовать из этого, и этого не будет много, потому что, как говорит Симплицио, все, что известно, — мало, в отношении того, что игнорируется. И по этой причине, когда кто-то знает больше, чем я, в науке, в каком процессе я не восхищаюсь собой, потому что, по словам Эврипида, все не могут этого знать и не могут делать всё. И несправедливо, что здравомыслящие люди настолько хитроумны и настолько устали от своего воображения, что смело говорят, что никто другой не знает лучше меня, потому что в некотором роде это богохульство против всемогущества Бога, который создал все в соответствии с законом и в силу различного эффекта, и дал каждому животному свой особый дар, а людям разум (как говорит Пантано). Так что, как будто бы с помощью тормоза они могли бы смягчить и подавить свои привязанности, используя их во всех вещах власти, чтобы хорошо жить. И Цицерон говорит, что закон, который устанавливает разум среди людей, — это как колдовство, некая связь, которая включает весь город, потому что закон пришел от заключения договора, который заставляет соблюдать его, что Сабино называет правилом. Ибо тот, кто следует истине любого искусства, не отходит от того, что справедливо, цель которого — побудить людей к добру и отделить

их от зла. И его действия должны командовать, запрещать, разрешать и наказывать, но люди предаются порокам, и они обволокли в эти пороки неуважение к разуму и пренебрежение к природе. Так что было решено, что, по словам Папиниано правоведа, постепенно были установлены универсальные законы о защите отдельных лиц и защите общества. Эти законы были посвящены Богу и людям (в отношении которых Пиндар сказал, что закон был повелителем всех во всех местах) и имел свои принципы и авторов в соответствии с разнообразием времен. И, как говорят древние, часть из них приняли законодатели Моисея, который получил закон на горе Синай, написанный перстом Божьим. Это значит, что его дал Святой дух, как будет видно в Исходе, и, таким образом, был истинным изобретателем божественных законов, и он первый, кто говорил с Богом лицом к лицу, и первый, кто дал эти законы халдеям. Вторая часть еще до конца не понята и не прояснена, что заставляет разум побуждать древних ставить законы под сомнение, что это вымысел и басни, подтверждающие (не без большой тайны), что они получили их от Богов. И среди изобретателей говорят самые серьезные писатели, что Офирис был первым, кто дал законы египтянам, удостоверяющим, что он получил их от Меркурия, другие говорят, что то, что Зороастр дал персам, он получил от определенного духа. Но Замолса сказал, что то, что он дал скифам, было дано ему от руки богини Весты. Минос Кандиан ,Драко и Солон Афинянен сказали, что они получили их от Юпитера и Минервы. А те, что Ликурго дал спартанцам, он поклялся, что они от Аполлона. Нума Помпилио сказал, что те законы, которые он дал римлянам, он получил от нимфы, посланной от богов. Но арабы сообщили, что их открыл им дух.

Говорит Эудемио. Кстати, я восхищаюсь множеством законодателей, но скажите мне, они дали их в письменном виде или в виде заповедей, наказывая тех мужчин, которые нарушали их?

Говорит Полемарко. Некоторые законы были даны таким образом, а другие были отпечатаны. И первые, которые в свое время были написаны, были спутниками Аякса Ойело. Затем они следовали Селеуко, подражая обычаям спартанцев и критян, что было очень строгим. И Церес отдала их Сикулам, из-за которых поэты называли ее легкостью. Пророки дали их египтянам. Халдеи Вавилонянам. Тримегист, или Минас, как его называют некоторые, и Филалао Коринто отдали их императорам и египтянам рукой Меркурия. Софисты дали их индейцам. Нино и Радаманто — критянам. Андронодоро отдал их халцедонам, которые жили во Фракии. Фидо дал их коринфянам. Иподамо — мелесийцам. Коранда — карфагенянам, получив их от Сатурна. Орфей дал их тем, кто из Фракии, хотя он не был в этом хорош, согласно словам Лучано. Наконец, Протагор дал их написанными туркам. И поскольку секты философов взяли имя своего автора, т.е., от Сократа сократовские, от Платона академические, от Аристотеля перипатетические и так далее, то у этих законов были названия своих изобретателей, как говорит Макробио и Коррандо Бруно. Но

вы согласились с тем, что они ввели божественную власть в законы, по словам Лилио Гиральдо, потому что люди не дорожили ими и не нуждались в них.
Говорит Эудемио. Потому что разум не оставил законы среди них, потому что ни один так не справедлив, как все эти хорошие.
Говорит Полемарко. Поскольку справедливость — это дух, который, кажется, отделил Законы, которые не основаны на справедливости и честности. И это не что-то другое (по мнению Сесло), что подходит и что хорошее. Все эти вещи отсутствуют у законодателей, о которых Цицерон говорит, что, чтобы остановить подателя закона, целесообразно знать мастерство, эрудицию, иметь навык и опыт в различных вещах, потому что (согласно Модестино правоведа), право дает разрешение для всех или является необходимостью, или подтверждает обычай, и поэтому законы не оставались в каком-либо одном качестве, они чередовались между собой изо дня в день, главным образом, чтобы каждый уважал свои особые интересы, устанавливал более строгие законы, чем преступления, которых следует опасаться. И другие, подобные другим тиранам, сделали их полезными для вас и вредными для обычных людей, или сделали их полезными законами для своих городов и вредными для поселений (как говорит Паусаний). Другие делали их нерушимыми, как афинский законодатель Драко, который присуждал смертную казнь всем грешникам, а Солон потом смягчил и исправил это наказание. И Радаманто наложил закон Талиона. И эти права все были изменены в зависимости от времени, а также случаев и религии людей. Потому что Фридрих III был первым, кто основал закон о повешении всех воров, что обычно между нами практикуется, и если он сохранился, то это потому, что он был подкорректирован в соответствии с христианскими ограничениями и правосудием. И у вас будет причина испугать их этими крайностями, потому что молодые люди в Лаконии и Египте должны были украсть их для Донайра и ликовать. И Хулио Сезар в своих комментариях говорит, что немцы кражу не рассматривали как преступление, смотря, что Федерико об этом подумал. Поэтому для веры и поклонения законам утвердилось, что они получили их от небесного министра. Но Платон берет начало своих законов только от Бога, в котором говориться, что он является общепринятым подателем справедливых законов, и это подтверждается в диалоге, когда Протагор говорит, что Прометей обучал людей наукам, принадлежащие человеческому правительству, о чем свидетельствует человеческое благоразумие, но законы, для того, чтобы хорошо жить, получены от Юпитера, что на языке Платона означает божественное провидение с помощью Меркурия, означающее ангельское вдохновение. И как он сам говорит в другой части Миноса, Ликурга и Солона, которые были теми, кто дал законы грекам, взяли большую часть своих, удалили, добавили и изменили, и снова нашли другие. И он сделал это, потому что они взяли их от Юпитера, Аполлона и Минервы, в значении, что солнце, которое является властелином всех планет, дало законам силу, Юпитеру милосердие,

а Минерве мудрость, что охватывает законы человеческой природы. Поэтому Демосфен сказал, что справедливый закон — это то, что довершает всех людей подчиняться ему, правила служат для мудрецов, исправляя то, что наделали невнимательные, и поэтому Аристотель говорит, что добродетели произошли из законов, хотя другие говорят, что законы были созданы добродетелями, а не наоборот, потому что люди, которые живут не по добродетели, живут против природы, и их нельзя назвать людьми как таковыми. Поэтому греки называли других варварскими нациями, потому что они не жили по добродетели и не позволяли себе подчиняться законам. И, придя к нашей цели, я говорю, что человек — это город, в котором есть министры, которые управляют и правят этой республикой, и другие, которые управляют общим правосудием, что является тем, что империя содержит в себе все добродетели, которые определяет Ульпиано, говоря, что это воля, которая с постоянством дается каждому, принадлежит ему. И заявляя это, Цицерон говорит, что это — привычка ума с действиями воли или к тому, что он делает. Что тот, кто имеет это,— сохраняет общую полезность каждого своего достоинства, и Аристотель учредил два их вида, которые называются универсальное правосудие и специальное, которое делится на коммутативное и распределительное. Коммутативное правосудие касается соглашений, и дает каждому то, что принадлежит ему с определенной геометрической пропорцией, а распределительное — затрагивает общие товары, сохраняя арифметическую пропорцию (как мы уже говорили во второй книге нашей моральной философии). Но универсальное правосудие — это то, что заставляет нас подчиняться заповедям, и это называется законной справедливостью, потому что это защита законов, которые должны храниться в любом городе, которые по-разному соответствуют справедливым принципам, из которых они вышли. И чтобы лучше понять, что затрагивает это разнообразие, вначале целесообразно знать, что Аристотель делит их на законы людей, которые являются правом народа, и на штатские — все те, которые находятся в любом хорошо управляемом городе.

Говорит Эудемио. По какой причине философ не находится между этими законами, что я слышу обычно говорят: естественное право?

Говорит Полемарко. Потому что они включают в себя те, которые он упоминал (как вы увидите) из-за вещей, которые должны храниться в любом городе. Есть некоторые, которые по инстинкту природы запечатлеваются в понимании людей. Есть два вида: некоторые, которые естественные для человека не как человек, а как животные, которые являются тем, чему природа обучила животных, согласно Ульпиано, и по этой причине они являются общими для всех, также, как и любовь детей и защита от зла и вреда, которые характеры как для животного, так и для человека, по словам правоведа Пауло и Бартоло. В человеке также присутствуют некоторые естественные законы, в человеке, а не в иррациональном животном, потому что, если вы посмотрите на это, то естественно обнаружите во всем

определенное убеждение ума, побуждающее нас поступать хорошо, потому что в нас есть некоторые практические принципы, которые известны всем людям, согласно тому, что говорит Дамаскин, как Бога нужно бояться, повиноваться, почитать. Благодарность от добрых дел, которую мы получаем, сопротивляется одной силой против другой, и никто не должен делать зло другому, если он не хочет, чтобы ему тоже навредили. Это известные всем принципы, которые называются природными законами, потому что они не зависят от порядка людей и того, кто их составляет или нет, не по этой причине человек обязан соблюдать их по законам природы так, как естественный закон, который заставляет человека хранить его или потому, что это животное или человек, или природа, а не по уставу людей. И этот закон, который по инстинкту природы коренится во всех людях не как животных, а как людей, Гермоген и другие правоведы называли правом народа, являясь общим для всех людей. И поскольку несправедливость оказывает доверие только на мужчин, а не на других животных, как говорят врачи, то сопротивление несправедливости с умеренностью — это право людей, хотя с большим основанием (по-моему) это можно было бы назвать природным законом, потому что это не опыт или мнение людей, а той же природы или того, что люди хотят или не хотят, чтобы это было высечено в понимании и душах людей.

Говорит Эудемио. Тогда какие из них мы будем называть ясным утвердительным законом?

Говорит Полемарко. Никакие, потому что ясный утвердительный закон не тот, который дает природа, а тот, который устанавливает каждый человек, присваивая своему городу закон, который ему подходит лучше всего, что, согласно Аристотелю и правоведу Папиниано, является общим предписанием, полученным из аналогичного убеждения всех. Из этого я понимаю, что, если бы люди действовали, как должны, опираясь только на естественный инстинкт, как звери, не было бы необходимости в ясных утвердительных законах. Потому что другие животные управляются каждый в соответствии с их особенностями, и что в соответствии с разными законами, которые даются, они не будут работать с другой силой, а также, если человек будет управляться своим инстинктом и не сможет работать, кроме как в соответствии с его природной характеристикой. Они должны были лишить все законы, которые они учреждают для своего правительства, потому что, действуя в соответствии с указанными принципами, разум всегда будет управлять ими, и их работы станут естественно справедливыми, без необходимости других утвердительных законов. И по этой причине некоторые философы называли разум законом жизни, а сам закон подарком Бога. Более того, только люди среди всех животных были изучены и улучшены в системе наследования великодушия и свободы воли. Потом, когда зло проснулось в их духе, они стали прятать друг от друга чистоту своих сердец, говоря вещи, которые они не чувствовали, и понимая других, которые не хотели говорить. Это дошло до крайней точки, что им была дана речь

в случае, если толкователь понятий ума (как говорит Аристотель) использовал ее наоборот, и они сделали то, что, по их мнению, было самым сомнительным и присоединились к этим плохим принципам. Они обвиняли друг друга не только в сокрытии и маскировке их концепций и намерений, но больше в работах, иногда раня себя, иногда убивая друг друга, таким образом, что природа дала это им общее, они не хотели это ни признавать, ни допускать, но каждый из них был чем-то сильным по отношению к специальному закону в ущерб следующему, для чего это было необходимо, чтобы жить, подавлять и смягчать природные законы в соответствии с тем, что говорит правовед Ульпиано. Увидев тогда тех людей, которые оказались более благоразумными, с более тихими чувствами, злоба людей стала бесстыдной и наглой против святого намерения природы, которая всегда хочет совершенных вещей, как говорит философ, и считая, что ничто не является более пагубным для общего обращения, чем заслуженная свобода простонародья, где растет чрезвычайное зло общественного вреда, поскольку Сократ спорил с Платоном и Цицероном, пользуясь законами. И создавая из них собрания, они решили, что было бы хорошо умерить чернь тормозом разума, чтобы исправить и изменить пороки, культивируя желания почти так же, как в защите законов природы (как говорит св. Златоуст), потому что как доктор ищет исцеление страдающего тела, законодатель искал исцеления и исправления желаний, для чего придумали поэзию и риторику, с помощью которых они ослабляли их и видели, если они были стабильными и устойчивыми. Они с любовью заперли их и собрали в городе, где потом спрашивали каждого из них на случай, если он хотел, чтобы кто-то его убил? Он ответил, что нет. На это отвечали молодые люди. Тогда не будет справедливо, что вы никого не убьете? Но, если вы это сделаете, они накажут вас. И в других случаях они сдерживали их убеждениями, упорядочивая и устанавливая то, что они считали наиболее необходимым, когда у них были цели, иногда с делами и угрозами, иногда с болью и страхом, всё из которых укрепляло тех серьезных молодых людей, которые приводили в порядок какое-то толерантное правительство, справедливую сдержанность и спокойствие к законам природы, которые приумножились, так как возросло зло и преступления людей. Но человеческое зло дошло до такой степени, что уже невозможно представить, что законы стольких осторожностей и защиты могут понять количество зла. Так что был создан закон, который потом хитрость человеческого ума пыталась осквернить, аннулировать и обмануть, так что изо дня в день необходимо создавать эти ясные утвердительные законы с новыми предостережениями и основами, и то же самое будет до конца света, чтобы легче в нас находиться, чтобы затруднить добро, которое делает закон. Это порядок того (хотя у меня его не было) как был найден утвердительный закон, как животный, так и человеческий. К чьей имитации католические законодатели составляли законы, ограничиваясь правосудием и исправляя их с помощью благоразумия, в соответствии с чем просили повода,

потому что, как сказал Крисип, ссылаясь на Марсиано правоведа, закон является королевой всех божественных и человеческих вещей, который преобладает в плохом и хорошем, в принцах и королях, потому что это не похоже на паутинные нити, которые связывают и понимают тощих и ничтожных животных и разбиваются о великих и могущественных, как говорили Анахарсис и законодатель Селеуко, что каждая утвердительная заповедь предполагает некоторую природу, как то, что человек естественно должен чтить и помогать своим родителям. Утвердительный закон определяет, какая честь уместна, чтобы это сделать, и какую казнь заслуживает тот, кто ее нарушает.
Говорит Эудемио. Скажите мне, по какой причине эти ограниченные законы, а не универсальные, как таковые от природы, как вы утверждаете, все предполагают естественный принцип?
Говорит Полемарко. Потому что плохое возросло в людях настолько, что согласились с тем, что законы были ограничены, потому что у одного был опыт, что чем более универсальными они были, тем легче было бы злобным получить возможность умалить их и разорвать их, как они сделали сначала общим законам от природы, и поэтому было решено, что утвердительные законы должны быть ограничены и исправлены, как те, которые исповедовали христиане, объявленные и помещенные Римско-Католической церковью, просвещенные Святым Духом. Итак, это священный закон, честный, необходимый, устойчивый, ясный и полезный, установленный и внедренный для нашего спасения, который заставляет нас жить хорошо и свято. И из-за человеческой злобы происходят разные случаи в одном и в другом городе, поэтому они были созданы в этих нескольких законах теперь природой мужчин и странностью народов. Теперь по различным территориям и регионам соблюдаются обстановка и привычки, и поэтому есть краткое изречение, которое гласит, что касательно закона и религии для этих изменений и разнообразия вы должны понимать, в чем они затрагивают человека, что законы истинной религии не могут страдать от изменения, потому что их истина безошибочна во все времена и в любом месте и никогда не изменяется, что они ни уважают нации, ни используют опыт или посторонних, как например политические законы, которые могут изменяться как Протей в соответствии с указанными соображениями.
Говорит Эудемио. Я хорошо знаю, что католическая вера, исповедуемая христианами, никогда не может быть изменена, потому что ее истина — это тот самый Бог, который никогда не может получить многообразие, и он не задумывает вещи во времени, потому что у него есть вечная идея, из которой следует, что только наш католический закон вечен и не способен изменяться, и я признаюсь, что нет другой религии с истиной за пределами этой, а только ложное изобретение ложных фискальных обманщиков, установленных Дьяволом против истины, чтобы привести души в ад. И потому, я удовлетворил любопытство касательно происхождения утвердительного закона, так как вы начали просвещать меня в этой науке, чтобы удовлетворить

желание, что я должен знать, потому что они называются гражданскими правовыми законами.
Говорит Полемарко. В любой хорошо зарекомендовавшей себя республике существуют законы многих партий, которые берут название города, для охраны здоровья и сохранения которых установлено, что (согласно правоведу Папиниано) они называются гражданскими, потому что их нужно держать в городах, хотя среди них (как мы сказали) есть некоторые, которые являются естественными, а другие составными, в частности, от законодателей в городах согласно качеству правительства каждого из них, которые увеличиваются или ограничиваются, или обновляются в соответствии со временем. И чтобы понять вышеизложенное, знайте, что закон существует двумя способами: божественным или человеческим. При божественном или естественном, или установленном законе имеет смысл знать естественное, как Десять заповедей закона, которые вытекают из суждения разума или являются божественно установленными, как законы, которые Бог поместил в природу человека, которые есть в Евангелии. Мы крестимся и получаем тело и кровь сына Божьего. Но человеческий закон существует двумя другими способами. Тот, который затрагивает закон народов, вытекающий из универсальных принципов природы для какой-то необходимой цели, удобной для блага всех людей, таких как разделение имения, сожительство, покупки и продажи. И другие законы — гражданские, которые размещены в городе для сохранения здоровья граждан и спокойствия всех республик. Законы, которые касаются спасения души, мы называем священными, католическими, папскими и каноническими. Наконец, закон благодати является идеалом закона природы, а все остальные называются гражданскими, которые берут название своего рода, как это обычно бывает во многих вещах, что название рода придается разнообразию видов. И знайте, что первое, что называлось гражданским правом, было от римского народа, который получал разнообразие в разное время. И первыми учредителями были Марко Мусио, Лусио Бруто и Публио Манилио. Наконец, правоведы называют гражданские законы также частью утвердительных, все из которых были упорядочены, как для культа религии, так и для защиты людей и городов.
Говорит Филандро. Вы пользуетесь этим настолько обильно, что мы не испытываем никаких сомнений во всем, что затрагивает происхождение и разделение законов. Расскажите нам кое-что о праве, которое есть у всех вещей, чтобы естественным образом защищаться, чтобы суть осталась на своем месте.
Говорит Полемарко. Природа настолько благоразумна и либеральна (как утверждает Олимпо Немесиано), что нет зверского животного, в которое она не поместила бы никакой добродетели в его сущность или рассеяла в фантазии, которой я доверял, в которой рыцарь торжествует самодовольство, потому что он не создавал вещи зря, как говорит Теодорито. И если вы хотите поэкспериментировать, найдите наименьшее животное в мире и раньте его, и вы увидите, как в соответствии

с силой его тела, он защищал себя и даже пытался атаковать. Может быть отвратительным перед Богом то, что в отчаянии находится величайшая мерзость и трусость всех, и другое — это неблагодарность. Первое, он полностью уничтожает себя или позволяет убить себя, не защищаясь, и оба они оказываются в затруднительном положении. Второе, человек не вернется, в случае, если, как и должно быть, у него немощная жизнь и душа, которые так дорого обошлись Богу, что он даже умер за это и позволил себе быть убитым, но человек, оценив малостью то многое, что он получил, падает в грех неблагодарности, имея обязательство сохранить это, потому что Бог хранит его и не позволяет убить, разве что ради чести своего Создателя и для поддержания католической веры, которую он исповедует, что тогда будет законным и принесет больше, чем было потеряно. Мы не довольствуемся тем фактом, что это так, несмотря на то, что мы только что это видели, поскольку во всех существах очевидно, что они защищают себя согласно естественному праву. Мы учитываем неживые вещи, и найдем в них нашу собственную естественную потребность уберечь себя, потому мы видим, что они противостоят противоположному насколько это возможно для них, и если мы возьмем воду и наложим часть ее на что-то, что имеет противоположные качества, то стороны образуют глобус, откуда пришли естественные свойства, чтобы выяснить, какие части воды круглые, что это также целое. Но я убежден в том, что, эта круглая фигура является самой совершенной из всех, которая касается всего лишь одной точки какой-либо вещи, которую она приносит. Вода, естественно приятная, принимает и обратно возвращается в круглую форму, в которой она касается своей противоположности только в одной точке, что является наименьшим, что она может дать, потому что действия направлены на то, чтобы подражать в ее деле во всем, что можно. И поскольку существа являются следствиями Бога, чье существо является вечным, они пытаются увековечить себя в своем бытии (если могут), подражая ему. Теперь заметьте, если натура (природа) является защитой, что, если бы в природе была фигура,— она оставалась маленькой, которую можно было бы собрать в большую, чтобы укрепить себя. В это она преобразуется, чтобы лучше сохранить себя и защитить. И поэтому мы видим по опыту, который сохраняется и поддерживается насколько это возможно, в круглой фигуре, собирая ее силу, убегая и отходя как можно дальше от противоположности, до тех пор, пока качество и сильное противоположное качество не победят, не уничтожат и не преобразуют меньшее в наибольшее. Это будет так в наших глазах. Справедливо будет, что такая драгоценная вещь от Бога, как человек, который родился, чтобы служить ему и благодарить его во время жизни с помощью услуг, благодеяний и того, что он сделал, все это для того, чтобы дать ему быть человеком, а не растением или животным, и сделать его христианином, а не язычником, чтобы не потерять свою жизнь по своей вине или не отнять ее у кого-либо, прежде чем защитить положение, в котором Бог вкладывает в душу

все возможное, до тех пор, пока он не сможет быть достоин защиты, ранить, когда может, чтобы защитить себя. Потому мы видим, что неодушевленные вещи заботятся о своем сохранении и природа, которая дала стволы и деревья, и даже иногда они сгибались, чтобы защитить себя от холода, и от других неприятностей, которые обычно занимают время. И как говорит Опиано, по словам Лауренсио Липпо и ссылаясь на Иполито Сальвиано, защита животных настолько естественна, что, когда змея собирается иметь дело с муреной, она не убивает ее, а оставляет яд в определенном месте, и на случай, если она не найдет яда на обратном пути, поскольку змея видит себя без своей естественной защиты, с которой она считала себя сильной и уверенной в отношении других животных, — она позволяет себе умереть от боли и страха, будучи лишенной своего оружия. И потому животные защищаются естественным инстинктом и позволяют себе умереть, когда им нечем защищаться. Люди с большим разумом хранили и защищали свою жизнь. Это право как священная вещь, которая родилась и умрет с человеком, и нет силы, которая может забрать это право, ни вывести из этого владения, не будет закона, который приказал бы человеку не защищать свою жизнь, с умеренностью, которая целесообразна, или даже, если человек хочет, чтобы у него этого права не было, перестанет защищаться, потому что допускает с проявлением воли, что он не будет защищать жизнь, приходя к выводу, что хочет отнять ее, так как ему не хватает убеждения разума, естественного инстинкта, как его животное защитит его и заставит его защищать жизнь, сохранение которой он естественно желает. И, предупреждая об этом, дарители законов дали право и заявили, что были люди, умеющие убивать без боли (наказания), защищая своих людей. Более того, для того, чтобы защита была законной и оправданной, необходимо, чтобы сошлись три вещи, которые побудили сдержанность (называемую законами) к оправданной защите. Первая это то, что между агрессором и атакующим есть умеренное деление в оружии, чтобы оборона была пропорциональной, потому что, если бы было много преимуществ со стороны защищающейся стороны, будь то в оружии или в пользу друзей — это отрезает защиту, чтобы называть ее справедливой. Вторая это то, что защита делается сейчас, в данный момент, чтобы защитить жизнь, не теряя при этом честь, потому что, несмотря на то, что достаточно доказать, что это было сделано для защиты, это вещь полезная и уместная, нужно еще доказать, что это было сделано с помощью необходимой защиты, и что в противном случае нельзя было бы убежать вместе с жизнью, ни остаться с честью, потому что, если это было сделано с обдумыванием и после этого случая, без необходимости в спешке противника, — будет недоставать качества, которое делает движение агрессора справедливым, потому что причина защиты зависит от несправедливого правонарушения. Третья и главная вещь для того, чтобы защита была законной и оправданной в совести, — это чтобы это было не для мести человеку, для знания которого необходимо принять во внимание время

и место, оружие, и то, как это делается в соответствии с вульгарными толкованиями. Давайте сделаем коробку этого здания с доктриной святого Фомы, чтобы она несла истину, которая полезна, и власть, которая достигается дисциплиной, которую используют такие серьезные люди. И чтобы она полностью соблюдалась, — мы докажем выводы с наиболее обоснованными взглядами законодателей, и первое заключение Святого — это что ни для кого это не было законным забрать жизнь своего ближнего в защиту самого себя, если только это не когда нет других средств или путей, чтобы спастись с жизнью, а только остается убить агрессора, потому что, когда он забирает жизнь, он стремительно нападает, и нужно убежать с жизнью. Атакующий может убить то, что является законным, потому что одна сила вынуждена противостоять другой с умеренностью, которая целесообразна, что есть у правоведа Флорентино.

Говорит Мелисо. Истина, которую я достаю из этих двух умозаключений, заключается в том, что естественное право дает мне лицензию и свободу, чтобы иметь возможность сохранять жизнь, которое уже определено как несправедливое, что выходит за рамки закона, и по этой причине защита будет законна для меня, потому что это необходимо, потому что там, где преступление запрещено, предоставляется защита в соответствии с Десио Пауло де Кастро и Анджело. Будучи всё таким образом, я более обязан попытаться сохранить свою жизнь, а не жизнь моего ближнего, откуда следует, что, когда я чувствую, когда на меня нападают, я не могу сохранить жизнь, а разве что убить того, кто меня атакует, тогда я не буду убийцей, а буду хранителем жизни, притворившись, что сохранил ее при защите, а если кто-то умрет, так это несчастный случай, следовавший за защитой моей личности. Так и есть у Пауло правоведа, Папа Клемента и всех законодателей.

Говорит Полемарко. Очень удобно, чтобы фехтовальщик знал, что это никогда не было ни для кого законным убить другого силой собственной и особой, чтобы защитить свою жизнь, потому что эта атака в обороне типична для принца и республики, объявляя войну против своих внешних врагов или забирая жизнь внутренних, которые являются теми, кто в той же республике живет злобно, поскольку судья наказывает злоумышленников и преступников ради умиротворения его республики.

Говорит Филандро. По правде говоря, не хватает того, кто бы сказал, что нужно обратить внимание на то, где нападавший был принужден по совести, чтобы его убили, потому что агрессор не умер (серьезная вещь для меня), когда король или капитан, или другой очень полезный человек республики, собирались убить человека, который мало приносил пользы, был ничтожного бытия и значения, жизнь которого не нужна, как жизнь агрессора, потому что общее благо всегда должно отдавать предпочтение конкретному благу. И я не знаю, достаточно ли этой причины, чтобы низкий подлый человек был убийцей сам по себе, главным образом имея то, что наш Бог умер в равной степени

за то и другое, более того, если Хусимо защищал справедливое дело и несправедливого начальника, зная, что этот человек может убить в свою защиту человека любых характеристик и достоинств, потому что утвердительное право не аннулирует естественное. Аналогичное есть и в решениях Каписио.

Говорит Мелисо. Если один конкретный человек атакуется всеобщим и необходимым сообществом, или армией, как царь, или капитан, даже если причина агрессии несправедлива, и он атакован, чтобы убежать с жизнью, — у него не было более других средств, кроме как убить агрессора. В таком случае он не может с чистой совестью убить его, разве что чувствовать смерть, уважая общее благо, которое должно быть предпочтено конкретному благу его жизни, из которого следует, что это не будет убийством самого себя (как вы говорите), за исключением терпеливости. И отсюда Святой Фома очень хорошо говорит, что король или капитан, которого атакует другой человек с небольшим уважением и почтительностью, из-за общественного блага будет вынужден защищаться, страдая от смертного греха, потому что это справедливая защита.

Говорит Полемарко. Человек также может законно взять жизнь вора ночного и дневного.

Говорит Мелисо. Мне не кажется, что законно убивать главным образом дневного вора, ибо жизнь человека стоит больше, чем имущество в соответствии с законом, и по этой причине он более обязан иметь жизнь своего ближнего, который спасает его собственное наследие, и поэтому у него есть удача в законе. Утвим и святой Августин об Исходе говорят, что нельзя законно убить дневного вора, если это не защита с оружием, потому что, конечно, вор не приходит, чтобы убить, а, чтобы своровать. Тогда, при защите имущества никто не может убить вора, потому что то, что разрешено в защиту жизни, личности и достоинства, не совсем правильно понимается защитой имущества, которое может быть так легко получено и потеряно, что невозможно понять в жизни, что, устранив один раз вора, он не восстановится, и даже у Казанеуса есть, что, если ночной вор не защищает себя, они не могут убить его.

Говорит Полемарко. Вы уже видели, что есть краткое законное выражение, которое гласит, что товары и жизнь идут по принципу равенства, тогда человек может взять жизнь вора, который берет украденную собственность на большую сумму в соответствии с тем, что говорит Бальдо и более того, когда понимает, что нет другого средства правовой защиты, ни приема, чтобы иметь возможность покрыть это, если он не убивает его в одном и том же преступлении, согласно настоящему закону, который гласит, что защищая вещи, которые захватили силой, чего не могли сделать священники и другие духовные лица в соответствии с законом Канона, более для защиты, а не убийств, и чтобы представить это мирянину, потому что собственность, которую имеет человек, это средства, чтобы жить и каким-то способом убить агрессора, который приходит, чтобы забрать

жизнь. И по той же причине тот, кто забирает средства к жизни, это имущество, которое должно быть в большом количестве, потому что нечестно, что ради маленькой вещи забирают жизнь человека, которая так много стоит. Откладывая это, когда нет возможности покрыть это материально, потому что, если есть справедливость, вы никоим образом не можете забрать жизнь, потому что тогда это не с умеренной ответственностью, а с виновностью,— сказал я, когда воровал в настоящее время, или в то время как бежал с имуществом, потому что тогда можно сказать, что он стремительно атакует, если его схватили или заперли где-то. Они доставят некий дискомфорт человеку, атакуя его, и не защищаясь от него, что нельзя сделать с доброй совестью более, чем прибегнуть к правосудию, так что правда, что никто не виновен, кто убивает другого в своей защите с такой сдержанностью, что, если бы кто-нибудь убил его или ранил какого-либо священника, это не было бы безнравственным и его бы не отлучили каким-либо образом от церкви, как утверждал Папа Иннокентий III. И причина, которую несут канонисты, заключается в том, что, чтобы совершить проступок из-за преступления убийства, необходима вина за убийство, по крайней мере, одного, за исключением судьи, что, хотя тот и не грешит в убийстве человека, является неканоническим. И все законоведы заключают, что тот, кто убивает другого, используя защиту, необходимую для спасения своей жизни, не совершает никакой вины, потому что он делает естественную, святую и справедливую работу, поскольку, как вы видели в прошлом, ничто не сделало гражданское право больше, чем дало это написанным законом, сдержанность, которую посылает природа, которая была спасена без какой-либо умеренности. И вместе с другим они создали законы, это было справедливой сдержанностью. Из этого следует, что этот человек не является безнравственным и не отлучен от церкви, и матадор не делает запрещенную работу, защищаясь с умеренной сдержанностью. И истина настолько тверда, как говорил св. Фома выше, что, если человек использует защиту спокойно, умеренно, мешая, чтобы ему не отрезали какую-нибудь конечность, что меньше, чем защита жизни,— он все равно не будет безнравственным и не будет отлучен от церкви, потому что вся душа находится во всем теле, и вся в какой-то части, и от раны можно было следовать за смертью, и это в общем есть у Сильвестро в Сумме и Клеменсии, если Гонсало-де-Вилья-Диего и Коваррубиас яростные, а в Священном Писании вы найдете во втором из королей оправдание защиты в конфликте, произошедшем между Иоава капитаном Давида и Абнером, капитаном-генералом Исбофеха, первенца Саула, где Абнер был побежден, и в достижении Афаэля брат Иоава преследовал Абнера, чтобы убить его. Но Абнер, поворачивая лицо, дважды потребовал мира у Афаэля, говоря, что он не будет преследовать его, потому что он заставит убить его, даже если тот этого не хочет, но Афаэль презирал увещевания и просьбы о мире, не давая преследовать себя, за что Абнер вернул железо копья, воткнул его и убил Афаэля при своей защите. После того, как Иоав

узнал о смерти своего брата, он убил Абнера, по приказу, который мы скажем далее в предательстве. Смерть оплакивалась Давидом, он искренне сожалел, и чтобы наказать это без причины от своего капитана Иоава, он послал к его сыну Соломона, который не оставил это преступление без наказания, как мы скажем в своем месте.

Говорит Эудемио. Очень кстати пришел этот случай священного писания, чтобы оправдать защиту, но посмотрим, был ли мой враг заперт, и я знал, что он намерен забрать мою жизнь и ждать времени для этого, и что я должен сделать, чтобы выйти из этого конфликта оправданно.

Говорит Полемарко. На это отвечает святой Фома, что вы не можете убить его с доброй совестью. Сначала, когда он напал, бегите (если можете), потому что вы не защитите нас, уйдите от него, а не берите на себя особые полномочия, что не является законным, если только не для республики и принца. И не расстраивайтесь, потому что я сказал, что вы должны, словно увидев льва, убежать.

Говорит Мелисо. Это правда, но когда вы чувствуете, что они это видели, вы стоите и ждете, и вы хорошо знаете, что слава и уважение мужчин — это состояние нетронутого достоинства, когда-то почитаемого, чье сохранение проверяется законами и обычаями (как говорит правовед Калистрато), поскольку мы видим, что вы хотите, чтобы там был человек, имеющий честь, отдавая предпочтение всем вещам, по словам Юлиана, и более того, если он иногда ставит жизнь под угрозу для славы, мало попадая в беспокойства без угрызений совести? Король Дон Алонсо говорит, что слава должна быть сохранена во всех путях мира и положить жизнь на это, назвав себя жестоким и убийственным человеком, который презирает жизнь и потерял немного славы. И священник говорит, настолько заботясь о добром имени и доброй славе, почему это больше, чем сокровища, будучи миром, который человек должен больше оценить. Какая причина заключается в том, чтобы бежать, потому что это приведет к тому, что человек потеряет славу, значение, честь, завоеванную добродетелью силы духа, хорошим мнением и доверием, и будет унывать среди мужчин, то есть, у него будет гражданская смерть. Потому что, как и люди, это возможность для мира победить кого-то, поэтому ни больше, ни меньше побег не станет возможностью этого достичь, и понемногу они будут забирать его жизнь, с которой он свежал, что, к счастью, было бы неплохо проиграть тогда, чтобы не потерять славу, которая надлежащим образом является хорошим состоянием человека, который справедливо живет по закону разума, не имея в себе никакого порока. В подтверждение чего Филон говорит, что человек не ставил в грош потерю славы, полезную для всех состояний жизни, как религиозных, так и светских, и то же самое во многих местах говорят святой Августин и святой Иеронимо, Казиодоро и Сенека. И потому, для защиты имущества я могу разбить (как вы видели) честь намного лучше, чем имущество, и личная обида превосходит по достоинству любую из тех, которая сделана по причине имущества. Так, мы хорошо

заключим с Панормитано, что, если меня атакуют, и я не могу убежать без позора, я не обязан убегать, потому что честь и жизнь идут с равным уважением и оценкой настолько, что, если я не смогу защищаться от ран или ударов ногами, или палок, или от любых других травм или оскорблений, не убивая агрессора, я могу это сделать и с законченной концепцией своего духа защитить себя. И, если вам это тяжело, святой Фома приходит к тринадцатому выводу, что обычное название немного использовалось, чтобы убить прославленного человека, который бежал. Можно сбежать с жизнью, но, учитывая, что он может свободно потерять свою честь, не обязательно делать все в соответствии с Фелино, Сильвестро и Ипполито. Но скажите мне, если мой враг окружит меня, и будет ждать людей, которые должны прийти и убьет меня, и я знаю, что я вынужден ждать, когда придут люди, чтобы я не мог защитить себя, ни оскорбить любого из агрессоров, потому что вы уже знаете, что, если я буду ждать в соответствии с тем, что показывает демонстрация третьего диалога, я не смогу прибегнуть к помощи ни того, ни другого и по подозрениям это более справедливо, что человек достигнет того, что полезнее его жизни, чем жизни его врага. Поэтому мне не нужно ждать, чтобы с моей стороны была оборона, что противник меня ранит, а только понимать, что он идет, чтобы причинить мне вред, поэтому я первым раню его. И если кто-то придет с обнаженным мечом против меня, я могу защитить себя, прежде чем он ударит меня согласно действительному закону, в котором говорится о зле или о той силе, которую он хочет сделать, потому что воли врага достаточно, и знаки отличия являются проницательными для работы, как будет видно в этом законе соглашения. Вы были там, когда он убил его, защищая себя, когда другой пришел против него, неся в руке обнаженный нож или меч, или камень, или палку, или любое другое оружие, с помощью которого он мог убить его. И настоящий закон больше говорит, что эта защита должна быть сделана таким способом, что другой будет доставать оружие против него, чтобы убить его или причинить ему боль сначала, потому что, согласно Бальдо и Хасону, достаточно страха от оружия и страха перед теми, кто придет, чтобы сделать необходимую защиту, и это вы найдете у Бартоло и в другом законе соглашения, который гласит, что каждый может защитить себя от тех, кто позорит или принуждает захотеть сделать что-то. И заключает Бальдо и другие, что в этом случае нет необходимости доказать человеку, что он был в опасности смерти, а только, что боялся какого-то личного оскорбления. Хотя есть такой случай, что, если женщина знает, что хочет убить своего мужа, пока они вместе, потому что для воздействия положила кинжал под подушку, это не ее вина (как это часто бывает). Говорят, что эта женщина не может сначала убить мужа, потому что тогда она не будет защищаться, а возьмет на себя то, что он не может сделать с доброй совестью, и, если вам это полезно — я скажу свое мнение не для того, чтобы противоречить этому заключению, которое

я принимаю за правду, а для того, чтобы полностью удовлетворить сомнения, которые я испытываю в этом вопросе. И я говорю, что, если очень искусный человек спорил с другим не таким искусным как он, которого он атаковал, и мог убить или не убить его с той наукой, которая у него есть, и, может быть, если это был вопрос, в котором искусный фехтовальщик был прав, что они выйдут в пользу агрессора, а не правых братьев, родственников или друзей, при приходе которых ни один из них не сможет защитить себя и не оскорбит ни одного из агрессоров. Мы видим, что фехтовальщик будет обязан бояться этой помощи — убить врага прежде, чем придет вся его компания? И если бы мой враг увидел это с мечом, который у него есть, он не смог бы ранить меня, потому что я более искусный фехтовальщик и сильнее его, — он бы опустил меч и взял аркебуз, который у него уже есть заряженный для этой цели, понимая, что у меня нет защиты против аркебуза. Даже если бы это был арбалет, мог бы я с чистой совестью убить его? Потому что после того, как он у меня есть, у меня не будет никаких средств и приемов. Точно так же я понимаю, что, если муж первым возьмет кинжал, чтобы начать убивать жену, она не сможет защитить себя и умрет без всякого сомнения, поэтому она убегает. Оба постыдно известны и дают повод подозревать, что, если муж не считает это плохим, он будет атаковать первым, что кажется законным. Серьезными могут быть слова мужа, чтобы напугать жену, ждать, чтобы ранить ее, когда она не сможет сопротивляться или защищаться. Я не знаю, что мне говорят, я очень хочу, чтобы любопытные умы посостязались в этом сомнении.

Говорит Филандро. Очень хорошо представлен этот случай, и примеры делают его более ясным, чем то, что было здесь, и защита предоставляется отцу сыном, брату, родственнику, другу, слуге, вассалу и рабу хозяина, и раб может защитить себя от своего господина, а сын от своего отца (по словам Бартоло), если он хочет убить его, а не наказать. Таким образом, все ученые знают, что, если к духовному лицу, одетому в за алтарную одежду, придут убивать его, он может убить противника, защищая себя, и вернуться, чтобы углубиться в мессу без греха и без возникновения неправомерного действия, согласно Иполито и Хуану из Линьяно. И мы видим, что защита распространяется настолько, что, согласно тому, что говорит правовед Ульпиано, если я вижу, что многие убивают одного, я могу помочь павшим избытком людей. Это неизбежно следует защите самой жизни.

Говорит Полемарко. Не удивляйтесь этому, что говорит святой Иносенсьо, что один может защитить своего ближнего, если он видит, что он убивает и даже незнакомца, как говорит Бартоло, в основном, если он просит помощи против Агрессора, потому что, если он может это одобрить и не делает, нужно полагать, что это способствует травме, и что он является участником этого факта, потому что вина также совершается за то, что он не делает добро, как и когда делает зло, или не предотвращает его и это вина предотвращать добро. Также есть тот, который не мешает злу, потому что, если

он не может вмешаться, он испытывает в этом недостаток, согласно тому, что говорит правовед. Таким образом, человек больше становится обязан защищать себя.
Говорит Мелисо. Конечно, это кажется трудным позволить незнакомцу оскорбить и убить агрессора другого незнакомца, оба являются ближними для друг друга, и, естественно, одному не должно быть больше чем другому.
Говорит Полемарко. Это может быть очень хорошо, потому что защита, с которой мы имеем дело, настолько справедлива и разрешена в естественном и утвердительном праве, что это может сделать незнакомец, потому что, по словам Бальдо и Иносенсьо, и Бартоло вы обязаны защищать своего самого главного врага, если они убивают его, даже несмотря на то, что он говорит, что не хочет вашей помощи или благосклонности, потому что агрессия и несправедливость со стороны того, кто атакует, является причиной того, что незнакомец, даже если это ваш враг, справедливо может защититься и убить агрессора, защищая атакующего, который в меру своего усердия защищается, не имея мужества или могущественной руки, чтобы противостоять насилию атакующего, а также потому, что агрессор оскорбляет главным образом противника, а также республику и, следовательно, всех людей, и именно поэтому любой из них может вызвать такое оскорбление и противостоять ему, как и Бартоло, Хасон, Одофредо и все законоведы и канонисты, и это подтверждает доктрину правоведа Папиниано.
Говорит Эудемио. Я обращу внимание на то, что законно потерять жизнь и позволить вам убить себя?
Говорит Мелисо. По вере Иисуса Христа не только законно и справедливо умирать, страдать, но и терять жизнь, защищая ее, и это католическая вера. А сказать обратное — это явная ересь. По этой причине наша мать — церковь — управляемая святым духом, празднует смерть благословенных мучеников с таким веским основанием, помещая их в число святых на небесах, исповедуя, что в мученичестве прощаются все грехи. Также законно умереть в защиту любой добродетели, как это кажется с Иоанном Крестителем, чтобы защитить добродетель справедливости, чтобы дать каждому свое, потеряв свою жизнь, говоря королю ироду вернуть женщину, которую он забрал от своего брата Филиппа. И жизнь также будет законно утрачена в защиту советов Евангелия, как и в том, что этот святой совет исповедует обеты религии, которые поддерживают и защищают нашу святую католическую веру.
Говорит Полемарко. Все, что вы сказали, является твердой истиной и законной вещью также, как и потерять жизнь в защиту христианской республики, и в случае необходимости человек будет обязан по совести, поскольку часть должна ценить все, и для сохранения всего тела мы подставляем место, чтобы отрезали руку или кисть.
Говорит Филандро. С самой справедливой причиной жизнь будет потеряна в этих схватках, ибо это превосходит работу на много

каратов, и, если человек ради Бога теряет временную жизнь, зависимую от работ и несчастий, Бог дает ему вознаграждение — жизнь и вечную славу.

Говорит Полемарко. Итак, при оправдании защиты, вы обнаружите, что это законно и разрешено в такой степени, что, хотя атакованный (как сказано) может укрыться и сохранить жизнь бегством, если он перестанет убегать, даже если до сих пор убивает с той же умеренностью,— он не навлекает на себя беду, особенно когда агрессор настолько близок, что поворачивается спиной. Атакующий ставит себя в опасность, что ему причиняют боль или убивают, в таком случае он не обязан бежать, а если убегает, если он продолжает вредить чести, как вы видели в прошлом, потому что бегство или принуждение человека бежать с равным оружием — это окончательное бесчестье, которое может быть сделано, и большинство позоров приходит к человеку в моральных вещах, за что он должен охранять и защищать честь и ставить ее на первое место перед всеми выгодами мира, так и есть у Антонио Гомеса, Джулиано и Гулио в их службах и в молитве, что проводятся в защиту миллионов, где вы найдете очень важные вещи относительно того, что касается естественной обороны. И так говорят многие законы, и все ученые, и Св. Августин подтверждает это. И то же самое вы должны понять от духовного лица, что для кого не позор убежать, а прекратить бегство и убить агрессора, не является безнравственным, главным образом, если из-за бегства (как оно и есть) он был подвергнут опасности смерти или что наоборот, будет требовать большую смелость. Он не обязан бежать и не будет иметь нарушений, если он убил его, имея возможность бежать, согласно тому, что говорят Фелино, Сильвестр и Иполито таким образом, чтобы не только защита была законна для людей, среди которых природа составила путь некого родства по причине, которая у них есть, и потому, что естественное право (как мы уже доказали), это противостоять противоположному насилию и право народа защищать себя и беречь от травмы, которую хотят ему нанести. Но между жестокими животными с их схожестями, для дружбы, которая участвует в небесных влияниях, если они как-то случайным движением с инстинктом вызвали бойню, если атакующий убивает агрессора, защищая себя, господин не обязан удовлетворять ущерб или доставлять животному вред. И даже слуге за то, что он не был его, поскольку его господин хотел убить его (согласно древнему закону он мог сделать это без наказания). Если слуга нанес рану или убил хозяина в своей защите, он не будет достойным полного наказания, потому что, учитывая, что рабство введено законом народа (врагом природы) — он лишил его свободы. Не поэтому он не мог лишить его защиты, тогда утвердительное право не упраздняет естественное (как видно), откуда понимается, что слуга может быть естественно обязан, и дать гарантию, что применяется только естественное обязательство, и, если он позже восстановит свою свободу и старое государство, которое также эффективно будет обязано платить или

делать, что обязано делать в свое время или находиться в способном состоянии сделать это. И потому, что истина эта тверда, я приведу вам пример, поскольку обвиняемый в преступлении, достойном телесных наказаний или обрезании какой-то части тела, отказывается от условий и пределов, которые дает право на оборону. Такой отказ неэффективен, потому что никто тогда не является хозяином ни своей жизни, ни своих собственных частей тела, согласно правоведу Ульпиано, Св. Августину и Св. Фоме, и поэтому он не может оставить их беззащитными. И в преступлении, которое совершил Адам в нарушении божественного завета, вы обнаружите, что Бог, зная, что у него нет ни оправдания, ни извинений, что было бы законным, позвал его, чтобы он дал ему это и защитил себя. Поэтому временные судьи с божественным основанием ввели цитаты в соответствии с Папой Климентом.

Говорит Эудемио. Я доволен всем и больше доволен знанием происхождения этих цитат, но, скажите мне, нет ли других способов защиты для сохранения жизни и чести без участия оружия?

Говорит Полемарко. Есть также защита словами, с которыми человек освобождается из работ, не теряя при этом чести.

Говорит Эудемио. Дайте мне примеры из вашей жизни, которые мне нужны в это время, когда обманчивые слова трусливых стоят дороже, чем истинные работы сильных.

Говорит Полемарко. Нет на пути защиты словами, как вы думаете, разве что только по причине разума как работы, хотя некоторые из слов сердиты и поспешны, что заставляют мужчин действовать необдуманно. Другие скромны, сдержанны и остры, другие высокомерны, несправедливы и смелы, как те, которые говорил рыцарь, который был в доме со многими другими, когда в то время вошел другой, с которым он был не в хороших отношениях, и, хотя все встали, когда пришел этот человек, другой остался недвижим, и когда тот, кто вошел, увидел, что рыцарь, который не уважал его, как другие, смотрел ему в лицо, сказал ему: после того, как вы были предателем, вы потеряли стыд и воспитание. На что тот ответил: ты лжешь, я никогда не был предателем. Увидев другое отрицание, он как отрезал и не ответив ничего сказал: мне ненужно обращать внимание на вас и на ваши слова, а послать своего слугу, который поссорится с вами, и он накажет вас этой дерзостью, ответил тот как будто бы сам себе. Пришел слуга, чтобы ссориться с ним, и какой есть Беллако, он будет более хорошим человеком, чем вы.

Говорит Мелисо. Многое хорошее может иметь добро в своих потребностях, потому что только с одним словом в защите остроумные люди освобождаются от серьезных повреждений и опасностей, хотя вещи, которые могут быть замаскированы законным образом — это очень серьезная ошибка спешить и хотеть достичь цели, как делал агрессор в этом случае. Но гнев людей редко подчиняется разуму и больше всего следует за волей и обладает таким качеством, что в начале он не останавливается до точки, где уже обрыв, большой риск.

Непритворные и моральные философы дают это в качестве средства, чтобы мужчина не приходил бушевать. Более чем справедливо, что я молчал, злившись, и если я буду говорить, то буду говорить тихо, потому что их собственные голоса не так сильно его побуждают, что заставляют его выходить из строя. Хотя лучше всего молчать, это человек может контролировать, потому что вначале он не имеет силы говорить со справедливым соответствием и не обуздать противника, и за то, что я не попал в эти два преступления, говорит один другому, я клянусь, что я так же хорош, как и вы, ответил он очень смиренно. Не жалейте меня, хотя он хорош как я, хоть я очень подлый. Это вы можете сказать по правде.
Говорит Полемарко. Эта защита была очень остроумной и быстрой, но не была менее хороша, чем сказал мой друг, сдав своего врага на земле. Встань, я не хочу вас убивать, потому что вы не думаете, что боитесь.
Говорит Филандро. Конечно, это высказывание было от великого духа, чья работа всегда прощать. И что меня больше всего радует, это то, что он был в той же работе, где это нельзя приписать кичливым и высокомерным, поскольку это было приписано смелым, спрашивая некоторых людей, что он был другом некоторых, с кем он ссорился, потому что, если он не понимал, что все были полны решимости ссориться с ним, он очень сердился. Мне не нужно драться с ними, если сначала они не дают мне публичное письмо, которое гласит, что у них есть право быть со мной в поле, не убегая от меня, чтобы увидеть — какое это большое безрассудство. И это было не меньше того, что другой сказал в Севилье касательно того, что он не должен принимать определенный вызов, если сначала противники не давали ему власти по их собственной причине, а также гаранты и богатеи, от которых он собирал оружие, с которым могли убежать беглецы.
Говорит Полемарко. По этой причине защита словом не должна иметь следа высокомерия перед кротостью и скромностью, как то, что он сделал другому вашему другу, после того как он рассказал ему о некоторых неприятностях и травмах, о которых говорили его противники, считая, что он делает хорошую работу. Как и в мире есть много того, что служит порохом для гнева, и после того, как он услышал это, ответил: меня тяготит, что вы ушли с дружбой, которую я к вам имею, чтобы использовать меня, до этого говоря, что вы мой друг, что мои враги говорят со страхом в мое отсутствие...
Говорит Мелисо. Это был ответ, чтобы наказать его за то, что не вернулся с подобного рода вещами, и, если бы он был хорошим человеком, он бы испугался и даже стыдился бы, потому что это защита возымела три результата: первый защититься (восстановить свое доброе имя), второй, чтобы отчитать своего друга, а третий, чтобы понять, что слова, которые говорят в отсутствии, это продукты страха. И поэтому один поднимает другого выше зла, которое о нем говорили. Я не знаю, что люди убеждают его, что он их наказывает. И он ответил, что, если они говорят правду, у меня есть вина, а если

они лгут, то что может быть лучше для оправдания моего дела? Их ложь приводит их к тому, что они снимают свой плащ, который я смогу защитить, давая понять, что человек может остерегаться и защищаться от вора, если он нападает на него, но не от лжеца, если в отсутствие он лжет, что это затруднительное положение, где человеческое благоразумие не приходит с судебной властью.
Говорит Филандро. Он хорошо себя защитил и оправдал себя, и своего друга, и врагов, чего не сделал тот, кто много принес пользы, браня смелого и отважного человека, говоря некоторым, что смелый поклялся убить его. Он может хорошо бахвалиться, что сбежал только злословя, и кто поклялся ждать и убежал, чтобы поверить, — это чтобы сделать мне милость, но он нарушит эту клятву.
Говорит Эудемио. Я не был в стороне, если бы он это сделал, чтобы дать понять, что с побежденным врагом не нужно иметь силу, подражающую королю Пирро из Эпиротаса, который дал в качестве предписания, что нет конкуренции ни в чем с побежденным врагом.
Говорит Мелисо. Дело не в этом, а в том, что в мире есть люди, что им кажется, что в храбрости заключается совершенная добродетель силы, а самое худшее — это то, что они верили, что им нужно заменить словами то, что не хватает их духу, исправляя с ложью честь, разрушенную публичными оскорблениями, и убедили в этом заблуждении, которое они дают, чтобы говорить плохо о хороших. Но законная защита (как я понимаю) полезна в законных местах и в предоставлении честных случаев, и с людьми, которые не является подлыми, поскольку именно это заставило человека убедить других, которые не говорили хорошего о других, которые говорили много плохого о нем, за исключением того, что я должен был говорить о нем с большей правдой, он ответил: довольно, джентльмены, один из которых негодяй, это не причина того, что нас двое, несмотря на то, что другие понимали, что нас не так много. И чтобы вы увидели, что такое древняя вещь наносить вред людям слова, и защищая себя, Ульпиано правовед в пятой книге о законе о травмах говорит, что были люди раньше, которые положительно были настроены на то, чтобы оскорблять и говорить плохо о других, что приводило рост волос в движение. И они надели скромную одежду, чтобы оскорбить того, кто спросил их что-то, восхищаясь трансформацией костюма, то есть того, кто спросил их о причине этой изменчивости в одежде, которую носит сеньор, потому что мне сказали, что они оскорбили вашего отца, и я много чувствую, что не знаю, что значит это чувство, хотя приобретая эту привычку, многие другие травмы соответствуют ошибкам, которые они знали от людей, и злоба от них пришла к столь большому роспуску, который заставил установить закон, что никто не посмел бы наложить его на одежду о серьезных наказаниях, если не по причине родства, как говорит немного ниже Венюлео в том же разделе о травмах. И если бы теперь были сделаны другие, которые позволили бы кому-либо отрезать язык клеветника, они были более подавлены, чем плохие и те, кто подражал им.

Говорит Полемарко. Так бывает, как вы сказали. Восхищайтесь мной, когда нашли этот закон, который у меня всегда был для такого мошенника. Хотя с примером, который вы дали, этого уже не будет, но очень удовлетворит, когда защита мягкая, умеренная, смиренная, существенная и сильная, чего нет, когда она очевидная, грубая, безрассудная и высокомерная. Хотя я так хорошо говорю, что ее можно допустить в некоторых местах, главным образом, когда она присутствует у того, кто совершает атаку, как то, что сделал ваш друг рыцарю, который рассказал ему о своих событиях с большим презрением и высокомерием к их царям. Он их воспринимал как притворных сказочников, потому что они действительно выглядели именно так. И когда в один прекрасный день они собрались вместе — рыцарь сказал ему: сеньор, все, что мне рассказали о вас, я считаю, вы будете делать со всеми, но я не могу убедить себя, что вы сделаете это со мной. Ваш друг замолчал и прошел через это, полагая, что там он прекратит вашу глупость. И наконец, рыцарь так настаивал на своем упрямстве, что был как Монтаньес, который, защищая глупость, говорил, что десять сильных заставили другого снять плащ и вынуть кинжал, а потом и он достал свой меч, который был основой его неверия. И рыцарь упорно добивался с мечом в руке, выполняя все свои поручения, не оставляя никакой части, в которую бы не входил кинжал много раз. Он побежал и ранил так, что цвет лица изменился, удаляя тех, кто, если бы продолжал спорить, то не сделали бы это так легко. На что я ответил: я верю этому, потому что тогда вы сбежите. На это храбрый ответил, уже смиренный: сеньор, я не из тех людей, которые убегают. Все это, ответил он, от кинжала, чтобы убрать меня с работы.

Говорит Эудемио. В этом они останавливают самых храбрых, и все их дело — это облака и ветер без дождя, потому что страх, который ими управляет, иногда расстраивает их как сумасшедших, и делает их храбрыми, или они начинают говорить ерунду, а других он делает настолько субъективными, что нет даже мерзости, так что будь они такими, как те, у которых, как бы, нет других средств обрести ту очевидную честь, которую они исповедуют, кроме как отнять у других, которые справедливо ей обладают, поднимая доказательства, потому что для тех, кто во многом нуждается, чтобы быть честными, им никогда не кажется, кто они есть, хотя это отнимает честь у других. И, возвращаясь к нашему вопросу, я помню, что серьезные вещи рассказывал рыцарю, моему другу, что его враги говорили против его чести, предупреждая его, что было целесообразно идти на них, чтобы изобличить их во лжи, — ответил он с великой скромностью. Сеньор, лучшее отрицание всего, это сделать лжецов.

Говорит Мелисо. Конечно он сказал очень хорошо, и что он каким-то образом намекает на то, что Тиберий Сезар сказал с той же целью, что они не боялись, что он нашептывал, потому что в местах и свободных землях также и те из них должны были иметь свободные места.

Говорит Филандро. Конечно, одна и другая обороны были оправданы, и каждая включает в себя то, что целесообразно для дозволенного

законом, как это произошло, когда один сказал другому, почему он не рассердился от плохого, что сказал о нем враг? Тот ответил, какой чести он еще хотел, несмотря на то, что я о нем вспомнил? Поэтому я думаю, что я могу рассердиться.
Говорит Эудемио. Это похоже на то, что приносят Дион Казио из Тулио и Цезарь, когда говорили то же самое. Чего еще хотел Тулио, за исключением того, что я вспомнил его. И я не могу перестать вам говорить, что он, друг мой, перешел к великому рыцарю, который назвал Педро де Пеньялозу уроженцем Сеговии со своим иностранным слугой. И это было так, что по дороге около Санлукара он отправился на охоту, куда много раз приходил слуга Бенио, что он напился и был настолько опьянен, что бросил меч своему хозяину, но кабальеро, как сдержанный человек, успокоил слугу лучшими словами, сказав ему, что это была не такая хорошая дружба, и поэтому он пренебрег манерой, чтобы вступить с ним в спор, чтобы доставить ему хлопоты, пока не будет выпущен меч, но слуга, видя, что он плохо обращался, хотя был несколько вне себя, сказал ему: чтобы вы дали мне вашу милость, знайте, что, если бы не было пьяных и сумасшедших, они бы не начали видеть благоразумных и компетентных.
Говорит Полемарко. Это были не эти слова человека, которые были вне неведения Эудемио и Орасио, с большим благоразумием праздновал полные эффекты чаши. Но я высоко ценю защиту, которую сделал мой друг. Уговорив его родственника, он отомстил за не знаю какую обиду, ответил он. Этого я не буду делать, потому что месть настолько низка, что любой мерзкий человек имеет мужество, чтобы принять эту месть, и вещи, в которых порочные трусы находят свое счастье. По правде говоря, несправедливо, что они считают себя добрыми людьми.
Говорит Мелисо. Знайте, что эти защиты имеют более древнее происхождение, чем как вы думаете имеют атаки, потому что человек, который оскорбил Катона, попросил прощения и ответил: друг, что ты говоришь? Я не согласен, никто не оскорблял меня.
Говорит Филандро. Похоже, он говорил о человеке строгих правил. У меня много этого, потому что это привело меня к воспоминанию, на что капитан Лаконии ответил одному, что я не знаю, какую похоть хотел сделать низкий человек в его отсутствие. Вы случайно заметили, что один муравей двигает большой камень. Но защиту, которую сделал мой друг одному очень храброму, который двигался на него, очень остроумная, и он сказал ему очень напыщенные слова. Господин, меня удостоверили, что вы хороший сын для вашего отца, и что кинжалом вы убираете меч. Я не собираюсь в это верить, если только вы не уберете мою шпагу. И говоря это, он кладет руку на меч посередине публичной улицы и говорит ему: кстати, сеньор, я сожалею, что у вас есть такой подлый друг. Вы верите, что он хороший, как вы думаете, он такой же великий, как тот, кто кинжалом убирает меч? С какой защитой успокоился храбрец и подавил свой гнев, обхватил меч и сказал: за то, во что я верю, и что я должен противостоять руке, на которую он мне указал, и с этим он очень

быстро поспешил приехать с таким постыдным требованием. Итак, хорошо, что фехтовальщик знает эти способы защиты, чтобы не пререкался с мечом, ведь только одним словом он может сделать в свою честь, если бы они не были тем, которые в законе Бога и природном законе не могу быть оправданы.
Говорит Эудемио. Очень хорошо, что я нашел эти способы защиты, но мне нужно знать предикамент, в который вы ставите людей, у которых плохие намерения, которые без цели бормочут о других в их отсутствие и не используют это, чтобы дальше говорить, прежде чем, видя друг друга, они начнут льстить и преподносить.
Говорит Полемарко. С большим основанием, сказал философ, рассматривая это, из диких животных самым отвратительным был клеветник, а из домашних — льстец. Но здесь мы это не используем, если только не со случаями, которые могут случиться с мужчинами, с теми, кто нападает на женщин (чей меч — это язык), с которыми нам не приходится иметь дело, потому что они отвлекают себе подобных. И так как вас задевают слова в его отсутствие, я хочу предупредить вас, что по таким словам, независимо от их качества, поскольку враг не посылает вас говорить их, человек не обязан защищаться, как скажут впереди (я оставляю в стороне то, на что указывал закон), потому что те люди, на которых другой говорил плохие вещи, обязаны сообщать об истине и, узнав правду, быть довольными словом, посредством которого воскресили свидетельства, увещевавшее это с тем, что, если такие вещи изобретают снова, чтобы оскорблять их, это повод говорить плохо о том, кто накажет его со строгостью, кто заслуживает столь злодейской дерзости.
Говорит Эудемио. Разумеется, вы правы, чтобы заставить тех, кто слышит зло, к удовлетворению ущерба, потому что считается, что это не конец того, кто говорит об этом, за исключением того, чтобы дать слушателям понять, что человек, в котором найдены злоба, подлость, не достоин дружбы мужчин, так что оттуда он может быть спрятан, от того, у кого нет вины, прося его проклинать его, потому что он не проявляет себя. Таким образом, тот, кто говорит зло, сначала грешит против Бога и презирает слушателей, и серьезно оскорбляет ближнего своего за то, что он публично упрекает его с позором, если, возможно, это недостаток. Хотя может быть и другой, среди тех, кто плохо говорит против достоинства какого-то главного человека. Когда плохие парни недовольны своей дружбой, они пытаются ложными свидетельствами разделить тех, кто их слышит, потому что они не относятся к ним и в дискурсе знания, которого они не могут найти, все ложь, и потому, что другие не наслаждаются добром, которое они не заслуживают, они плохо говорят о его вещах, полагая несчастным, что только их постыдное высказывание без всякой уверенности достигнет благоразумных, чтобы презирать и осыпать их проклятиями.
Говорит Филандро. Я доволен мнением Эудемио, которое в конце концов есть у трусливых, когда они плохо говорят в отсутствие кого-либо. Но какая причина заключается в том, что она затрагивает больше

проверку истины для тех, кто слышит плохое, чем для того, о ком это сказано, потому вы знаете, что там, где нет его господина (хозяина), есть его поединок.

Говорит Полемарко. Потому что те, кто слышат это, оскорблены и обижены, заставив их поверить в ложь, чтобы они попали в отвратительную позорную ложь в ущерб третьей стороне, сказав правду в другом месте. И по этой причине тот, кто отсутствует, не теряет смысла и не может быть оскорблен своим врагом, потому что он не там, где он может это услышать, и так говорит и пословица. Тот, кто в отсутствии оскорбляет мертвых, сразу становится ясным, что плохое высказывание кого-то в его отсутствие случается либо из опасения, либо из страха при его отсутствии. В этом случае клеветник совершает три преступления против тех, кто его слышит. Во-первых, он теряет уважение, которое он испытывал к отсутствующему человеку. Во-вторых, он хочет их запятнать, давая улики и признавая ложь. В-третьих, потому, что он осмелился сказать плохое перед теми людьми, а не о том, что противник может смотреть на того, кто совершает преступление и против которого была совершена дерзость и перед кем был потерян страх. И в подтверждение этой доктрины вы увидите, что, когда перед каким-то серьезным человеком говорят плохо о ком-то из отсутствующих, он злится, и считает себя оскорбленным, а затем пытается наказать грубияна, который потерял уважение, выступая против того, кто лично здесь не присутствует, и кажется, что он нанес ему эту травму, потому что никто другой не может. И поскольку общественное насилие является всеобщим преступлением против всех, и каждый в частности может сопротивляться этому, и в определенной манере публичное злословие является универсальным преступлением против всех честных людей, и каждый в частности может дать такому человеку отпор и наказать его.

Говорит Мелисо. То, что я понимаю в этой христианской доктрине, состоит в том, что тот, кто великий, будет сильным и никогда не должен думать, что какой-то мерзкий человек может встретиться с ним, потому что, как говорит Плутарх, провоцируя травму в присутствии человека, порожденную трусливостью и слабостью. Таким образом, главнее тот, кто провоцирует в отсутствии этого человека, и поэтому очень важно сказать о враге, что это не могло навредить мне, но у него хватило смелости причинить мне боль и оскорбить меня. И когда у человека есть противник в части, где он мог отомстить ему, он должен был отомстить, смог отомстить, и согласно католическому закону, который мы исповедуем, наибольшее удовлетворение всех — это прощение.

Говорит Эудемио. Этому последнему я подчиняюсь, это верный путь, потому что я не отвечаю злом на зло, но если те, кто слышат злословие и пересуды, не верят в это, для чего они должны принять все эти меры, о которых вы говорите? Недостаточно принимать за мерзкого и трусливого любого, кто в отсутствии человека говорит о нем плохо? Недостаточно потому, что это не соответствует ни

ему, ни его ближнему. И на это я помню, что один сказал другому. Достаточно, что Педро говорил мне о вас плохо, на что он ответил: сообщите нам, сказал ли он правду, чтобы вы легко через это прошли и приняли это за правду, потому что, если он сказал вам ложь, и Педро хотел, чтобы вы были лжесвидетелем, когда где-то рассказывали людям, которые знают, возможно, обратное, мне кажется, что вы являетесь пострадавшим, и лично меня ничем не обидели и не оскорбили. И, если вы поверили этому, и получили ваше доверие, вам кажется, что это привело друга в замешательство? Я не видел других младших кроме этого одного, который звал меня свидетелем, чтобы узнать побольше о вашем враге, если он сказал некоторые лживые вещи, что рассказали некоторые друзья. И, увидев врага, которого не мог отрицать, ответил: тогда, сеньор, не сильно радуйтесь, что это ложь. Что я сказал не является правдой? Вы хорошо знаете, что мой удар никто не может отпарировать, который никто не называет, причиняя нам неприятности с вашими друзьями, которые мало доверяют вам и много мне. Они верили в ложь, которую я им говорил, как если бы это было правдой, что вы не должны жаловаться, я, строго говоря, ваш друг, потому что знаю, что я солгал, а они ваши враги, потому что они не противоречили этому, прежде чем они уверовали, что я сказал правду. Они предупреждают об этом как о чем-то подходящем и целесообразном, что вам бы понравилось. Наконец, я завершаю эту тему обороны словом и говорю, что ни о ком нельзя говорить плохо, потому что это дело женщин и трусов, печально известных, завистливых людей с холодной совестью, недостойные великого духа. И как говорится, они должны присутствовать лично, а не заочно, а похвала законна при заочном и личном присутствии, потому что одно они называют слава, а другое — честь. Поэтому нет причин для хорошего человека оскорблять ближнего своего, это выглядит резким. Помните меня за это, что, чтобы отстоять свою дурную привычку, один упрекает другого, который не был клеветником, и ответил. Если они являются плохими, что жалуются, что это я отзывался хорошо, вопреки тому, что сегодня он является очень христианским и благоразумным человеком после того, как он поспорил с другим без причины, по его мнению, после того, как он стал бесстрастным. Подразумевалось, что он сказал плохое и сказал это другому в присутствии всех. Сеньор, я не прав в том, что говорю, а вы да. Присутствующие были изумлены такой новой вещи и тому, что в мире был человек, которого он знал сам. Они спросили его, почему он это сделал, имея возможность обойти это, не обращая внимания. Он ответил: я сказал, что я не прав, потому что мой разум знает, что каждый раз, когда я буду терпеть несправедливость, это оскорбление, которое я ему нанес, с этим я его накажу за другие вещи, в которых он больше, чем в первых поддерживает что-то, что дает ему разум. Давайте посмотрим теперь, Филандро, на условия обороны, которые есть в дестрезе, чтобы мы могли узнать законные оскорбления.

Говорит Филандро. Я не могу ответить на эту трудность без отвлечения внимания на многие вещи, которые нужно затронуть на пути, целесообразные для удовлетворения вашего сомнения. И, если этой причине вы радуетесь, что начинается это с вашей свободы отрезать нить материи, когда вы захотите узнать, что в дестрезе есть два условия, чтобы атаковать врага и два, чтобы защищаться от него, для понимания которых следует отметить, что есть два способа сделать высказывание или какое-то суждение по этому поводу. Одно касательно положения меча, а другое — положения тела. Уловки, которые начинаются с положения противоположного меча, таковы, что сколько времени требуется, чтобы движение закончилось, если его цель — отвлечь, чтобы из отклонения сделать рану, поскольку тело противника свободно для всех движений, легко отклоняется или приближается к врагу, и это полезно для многих частей, пришедших в движение, начатые мечом. И хотя на меч не обращают внимание, потому что внимание силы не всегда может быть устойчивым в одной точке, можно очень хорошо с любым движением тела защищаться от тех движений, которые начинаются с меча, если вдруг это не то, что изначально было запланировано сделать с помощью уловки, потому что тогда ни тело не может защитить себя (как мы говорили), ни меч не сможет быстро двигаться из четырех основных движений, даже не из их видов, из-за неопределенности, в которой он передает человеку внезапную краткость движений и небольшую уверенность в той части, где нужно освободить меч от движения оппонента. И из этих двух видов искажаются уловки, выходят защита и атака, и поэтому мы продолжаем оборону двумя способами, которые отвечают двум, о которых мы говорили выше. Одна защита предназначена от ударов меча противника, предотвращая и препятствуя тому, что они не наносят раны во время парирования, уклонений и ритмического разделения фрагментов равной продолжительности. Другая защита — по причинам, которые приводят в движение и производят раны, как если бы кто-то пришел и убил другого, нанеся ему много ударов ножом. Атакованный может предотвратить некоторые из них, но с таким препятствием он не защищает себя от многих ран, которые противник может ему наносить после того, как тот предотвратит некоторые из первых, и даже немного отдалившись, можно какие-то действия пропустить. Вы не можете остановить противника, который не продолжает другие удары ножом или выпады, потому что, если, отклоняя удар и восстанавливая силы это удаляет рану, и не отнимает ни силу тела, ни готовность, то это является эффективной причиной всех добровольных движений.

Говорит Эудемио. Мы уже знаем основы истинной дестрезы, что наука эта не учит убивать, а учить быть способным убить. Давайте посмотрим на фехтовальщика, который бьет, но не убивает, как избавиться от греха, убивая того, кто его совершает, умея не убить его, находясь со свободой волей сделать это, или прекратить делать это, не обижая человека, чтобы он не сердился? Потому что тот,

кто был фехтовальщиков, как и должно быть, не нуждался ни в гневе, ни в раздражении, чтобы действовать, ни в невозмутимости, чтобы прекратить действовать, а только нуждался в христианстве и добросовестности, и быть богобоязненным, чтобы он знал и понимал зло, которое может совершить своему ближнему.

Говорит Филандро. Поскольку многие вещи были уточнены, вы хотели бы дать мне понять ответ на ваши сомнения, и чтобы сделать доктрину более устойчивой, я должен направить ее по эффективным, материальным, формальным и конечным причинам. Эффективная причина у фехтовальщика — это воля, которая управляет звериным качеством, которая распространяется благодаря нервам и мышцам руки, которые являются инструментами добровольного движения, и теми, которые придают силу частям меча, сообразно соседству каждой части с человеческим телом.

Говорит Эудемио. У меня нет воли для абсолютной эффективной причины, хотя она и управляет животным качеством, потому есть еще одна неподвижная причина того, кто двигается, и, на мой взгляд, здесь задействовано не только животное качество, но и естественное и жизненное.

Говорит Филандро. По правде говоря, воля подвижная, и она управляет животным качеством так, что нервы, мышцы, кости, все тело и меч движутся и перемещаются относительно первой эффективной причины, оставляя одну часть для другого места, для первой универсальной причины, потому что она не касается нашего вопроса. Душа движет волей, хотя она является свободной действующей силой и подчиняется силе, и сию же минуту посылает животное качество, распространяющееся за счет нервов, которые как некая трубка и водопровод, по которому сила идет к мышцам, у которых есть задача переместить руку прямо или по кругу. И из этих особенностей формируется постановка задачи путем применения парирования, определенных движений и крайних точек, но знайте, что в нервах эффективная причина — это способность, которую они приносят, и ее инструментальная составляющая, способность получить способность. А затем нерв дает силу и способность мышце, которая состоит из нервов и связок, потом эффективная причина мышцы будет нервом со способностью и инструментальной составляющей самой мышцы, так что движение кисти — это движение мышцы по эффективной причине, и по причине инструментальной двигается рука с костями и всем остальным. И в разорванной ране вы обнаружите, что эффективная причина — это вся рука и инструментальная часть меча, потому что работа или способность любого органа происходит от причины, которой служит все остальное, как инструменты для достижения точного конца (согласно Галену), хотя некоторые хотят сказать, что это все одно целое. Я оставляю в стороне впечатления, потому что у этих вещей много ограничений и не совсем уместно торопить сейчас время.

Говорит Мелисо. Так, как вы суммируете, что в дестрезе инструментальная причина — нервы, мышцы, связки, кости, рука и меч, также соединяются с простыми и удвоенными движениями, с левым или правым концом тела, с естественным движением и насильственным, медленным или смешанным, с отклонениями, защитами, атаками, обманами, парированиями и другими вещами, которые служат предпосылками до тех пор, пока не будет сделан вывод, который является уловкой. Таким образом, меч двигается от руки, рука от мускулов, мускулы от нервов, нервы от животного качества, животное качество от воли, и все остальное согласно своей причине.

Говорит Эудемио. Давайте посмотрим на животных, не понимая, как они добровольно двигаются. Вытащите меня из этой трудности, которую мне предложили, и скажите мне по пути, стоит ли форма в дестрезе на первом месте в понимании, чем в действии? Потому вывод, что все, о чем говорится, предназначено для ее выполнения.

Говорит Филандро. То, что является первым в намерении фехтовальщика, то является последним в исполнении. Из чего следует, что фехтовальщики начинают какую-то уловку без ввода сначала сформированного ошибочного намерения, и по большей части они могут догадаться. Тогда человек смело наступает на своего противника (как они говорят), что не является сущностью дестрезы. А для того, чтобы обеспечить, как лучше всего применить форму к практике, которая имеет выход в понимании, и урегулирование вопроса приходит до тех пор, пока они не исполняют свое намерение, потому что не имея фехтовальщик уловки в своем намерении, которое уже указано, чтобы выполнить с помощью средств, о которых я говорю, это будет сделано в замешательстве, и не будет иметь никакой науки о ходе событий, уберут от опасности наихудшую часть похожую на невнимательность и опрометчивость, что будет иметь разные последствия без уверенности, что обычно научная привычка управляется разумом и основана на истинном искусстве. И в том, в чем вы сомневаетесь в движении животных, зная, что они двигаются в соответствии с порывом или импульсом естественной или чувственной потребности. Но движения человека регулируются и подчиняются чувственной потребности или разуму.

Говорит Эудемио. И этой потребности животного нет в человеке?

Говорит Филандро. Посмотрите, что это место не для того, чтобы иметь дело с этой материей, оставьте это, если вам дадут более удобное место, но, если со всем этим вы всё это хотите услышать, я скажу, что понимаю из этого. Именно так побудительная чувственная сила иногда движется духовно от разума и других телесных частей в соответствии с чувственной потребностью, которая движется в человеке двумя способами, любящий или отвращающий. И по этой причине это делится на раздражительное и желаемое, из-за чего дух жаждет добра и отделяется от плохого, и из этих двух рождаются такие эффекты, как радость, надежда, боль, страх, и многие другие в этом порядке. Что, если они присутствуют, мы

хотим, мы счастливы, если их нет, то мы надеемся, и, наоборот, если что-то отсутствует, на нас сердятся, мы боимся этого, а если это присутствует, мы значимы, нас огорчают.

Говорит Эудемио. То, что мы мало знаем об этих исследованиях, видя их такими размеренными, мы не можем не беспокоиться в основном с сомнениями от кого они исходят с такой легкостью, и то, что я сейчас больше всего желаю, — это знать, как отличается чувственность и раздражительность от желанного.

Говорит Филандро. Чувственность — это одна взбудораживающая сила чувственного духа, которая перемещает нас к той же самой вещи, что и желанная и раздражительная, хотя чувствительность также обращается к воспринимаемым вещам и уходит от повреждений, как вы ясно увидите у животных. Но есть разница в том, что чувственность в животном не подчиняется закону добродетели, потому что она не способна на это. Но в человеке — способна, потому что чувственность сдерживается умеренностью, а вспыльчивость — силой. Таким образом, вспыльчивое и чувственное достигает разума, потому что человек сталкивается с ними с неупорядоченными импульсами и управляет, и смягчает их добродетелью, на которой основывается справедливый мужчина. Где вы узнаете, что умеренность находится в чувственности и смелости в раздражительном состоянии, как мы говорили в другом месте. Это судья, кто в поисках всего, что делается против человека, также и того, что касается травм духа и тела.

Говорит Эудемио. Нет ли другой разницы добродетели?

Говорит Филандро. Есть три качества, которые управляют человеческим телом, оставляя в стороне поколение. Животное качество, которое основное, называется так потому, что оно дает смысл и движение, и имеет свое происхождение в мозгу, и сообщается частям тела через нервы, которые рождаются от средств животного духа, которые порождаются жизненными с помощью просвещения. Потому что духи выходят до четвертого желудочка мозга, где у спинного мозга свой принцип, и оттуда в будущем это связывается с животным качеством посредством импульсивного просвещения. Жизненное качество находится в сердце, и оттуда сообщается всем частям через артерии при помощи жизненного духа, который проникает через просвещение и идет мимо фистульной артерии. Но естественное качество имеет способность вызвать кровь и находится в печени, и как шеф-повар готовит деликатес, что поддерживает все части тела, несмотря на то, что каждая часть, независимо от того, насколько она мала, обладает этим качеством питать органы. Только печень управляет кровью, которая является питанием, на котором все поддерживается. И поскольку я не выгляжу как врач, я оставлю четыре естественных способности, каждая из которых должна питаться, и не хочу делать поток порождающих способностей, ни естественного духа, которые вставляются в принцип нашего формирования, который является просто естественным. Хотим мы этого или нет, он выполняет свою работу, не имея добровольной вещи, как животной. То, что нужно учитывать

(потому что у вас не так много сомнений, и мы движемся дальше) это то, что, когда понимание отходит в сторону, чтобы созерцать, как Господь приносит с собой большую часть добродетели других сил, по этой причине человек, который прилежный, усидчивый и предан медитации, меньше работает с питательной способностью, генеративной и дополнительной. Прилежный в письме, усмиряется алчность и вожделение, и по этой причине святой Иеронимо сказал: любите науку и держите и укрощайте плотские пороки, как тогда, когда покоится животное качество, которое работает по природе, как мы видим во сне, который они называют досугом и отдыхом в животном качестве. И, наконец, резюмируя прошлое, я говорю, что вы защищаете нас двумя способами человека, в котором работают все эти части, когда он нас атакует. Один из-за эффектов, что является последней причиной, до прибытия с защитой к эффективной причине. Вторая характеристика — от причины к действию, и это самое сильное из обоих, потому что, хотя я и препятствовал, что конечная причина мастерства не достигает своей точки, оставляя фехтовальщика в его существе, что является эффективной и свободной причиной многих движений, и снова дает силу универсальным частям тела. Из этого следует, что я препятствую последней причине, которая является раной, по-другому мы называем это эффектом. Эффект остается свободным, который необходимо будет удалить, если он должен уничтожить добродетель, которая дает движениям быть от тела посредством добродетели, потому что, не будучи в такой форме никто не сможет защитить себя. И в чем вы сомневались в фехтовальщике, будучи в состоянии убить или нет, со знанием, которое у него есть, как он избавится от греха, убив того, кто нападает на него? Я говорю, что вы можете оскорбить его, если вдруг он опасается, что придет к противнику с кратковременной помощью, чтобы его рука не была сильной, чтобы противостоять силе тех, кто может прийти к врагу-агрессору, потому что, как объясняет Пауло, правовед: сила или натиск — это такая великая вещь, что ей нельзя сопротивляться силой или человеческим усердием. Но полезно, чтобы фехтовальщик не оскорблял агрессора в начале, потому что первые движения не в наших руках, и потому, что он может остановить мужество, благодаря которому он наносит 2–3 удара ножом (как это бывает). Фехтовальщик совершил бы преступление, нанося тогда смертельную рану, не находясь в опасности от ожидания, и быть в состоянии защитить себя от движений противника. Но, если агрессор будет много настаивать, и при нападении я не воспользуюсь этим, чтобы избавиться от защиты, которая исходит от последствий к причинам, которая является самой милосердной из всех, позже будет необходима из-за упорства того, кто атакует, и из-за опасности, в которой окажутся те, кто придет помогать агрессору, чтобы защитить себя, исходя из причины, чтобы в любом случае предотвратить эффекты и травмы противника, чтобы уже находится в опасности, что является надлежащим образом риском, в котором находится жизнь человека

таким образом, что, даже если есть способ и надежда выйти из риска и опасности, то это очень близко к смерти или к другому серьезному злу. Поэтому, если агрессор один, то для того, чтобы фехтовальщик не убил его, он находится в такой опасности, контролируя помощь и желание. Нельзя будет сказать, что фехтовальщик опасен, у кого есть (как сказано) какое-то средство, чтобы убежать, и когда противник безнадежен, то есть тот, у кого нет средства человеческий защиты. Так что, чтобы защититься, я хочу сказать: защитите того, кто может получить защиту, потому что в соответствии с правоведом Селсо, никто не принужден к невозможному, если у того, кто атакует, больше силы, чем у того, кто атакован, и чтобы понять фехтовальщика, а не убить его, даже если бы мог. Он боялся, что тот так сильно утомляет свою силу от сопротивления, которое он сделал по отношению к сопротивлению врага, в отсутствие которого он не сможет использовать свое мастерство или защитные силы, чтобы освободиться от похожей агрессии, и быть способным атаковать, потому что его дыхание изнашивается, и, как гласит закон, как обычно бывает, с первым ударом, который нанес ему другой, он мог умереть, тот, на кого напали. Хорошо, что фехтовальщик делает по совести, потому что человек не может, когда он устал, делать то же, что и лев, чувствуя себя бессильным, обрушивается на хвост и подстрекает к этим ударам, сильным, как говорит Элиано.

Говорит Полемарко. Фехтовальщик обязан ожидать всего, что возможно, чтобы не убить агрессора, чтобы убийство совершалось без греха, потому что тот, кто не ожидает всего, что может, — не сможет говорить правду, получив силу, по словам Ульпиано правоведа.

Говорит Эудемио. Мне кажется, что фехтовальщик может нанести несколько ударов, которые не опасны, и в те части, которые находятся на теле, которые не смертельны, я имею в виду, что противник не умрет от ран.

Говорит Полемарко. Вы хорошо знаете, что человек, который двигался с болью или гневом, не имеет истинного суждения и будет думать, мало делать, но сделает многое, потому что у него нет в руке точного баланса настолько, что он может ударить добровольно, а не случайно.

Говорит Мелисо. Вы уже знаете, что скрываться и бежать — это величайшее оскорбление, которое человек может сделать самому себе, и величайшее, которое могут сделать ему, потому для всех оскорблений и атак в мире вы найдете удовлетворение и не из-за бегства. Все врачи заверяют, что это всегда возмутительная и очень опасная вещь и что никто, кто является благородным, или нет, является справедливым. Согласно доктрине Бальдо, Анджело и Тиракело, отступление в спешке — это величайшая способность, для побега и даже заслуживает лучшего имени защиты от того, сколько сделано (на мой взгляд). Давайте посмотрим, будет ли убит тот, кто последует за ним. Как будет установлено, если это будет оборона или агрессия, основанная на оскорблении или травме, небрежности или наказании?

Говорит Полемарко. Во-первых, хорошо, что вы знаете это, чтобы

проверить, поскольку вы коснулись законов мира, которые существуют между людьми несправедливыми и дерзкими. Несправедливость, обида, как правило, говорят о всем, чего не было, это то, что делает человек другому, равному вам, откуда рождается бесчестье и позор, которые латиносы называют оскорблением, которое презирается и недооценивается, и не ценится другими, но дерзость и наглость — это неуважение, что человек с самого начала атакует самых главных и честных. И тот, и другой называют это виной, которая должным образом должна отделить человека от добра, делающего зло, или оставить его делать все вежливо с радушием или с невежеством. Но оскорбление происходит двумя способами: требуется сатисфакция или месть. Это я говорю, выступая в соответствии с мерзкими законами мира. Но то большинство, что делается при неуважении или подлости, не будет называться ни сатисфакцией, ни местью, а наказанием, которое соответствует презрению и дерзости, что может быть сделано третьим лицом, другим нет, как тот, кто оправдывает злодеев, потому что они оскорбили христианскую республику своими пороками. Наконец, наносится обида и оскорбление, когда два равных становятся одним без особой причины, презирая другого, давая ему понять, что это недостойно его равенства, и это со словами и пренебрежением, или с настоящими или обещанными делами. Больше оскорбления наносится, когда бесславный хочет сделать то же самое, но несправедливо, потому что он главный.

Говорит Эудемио. Я должен был хорошо ответить на это, но я оставлю это, потому что вы говорите мне, как это обычно понимается, что тот, кто не может почитать, не может позорить или оскорбить?

Говорит Филандро. Вас воспринимают так из-за ложного мнения, потому что отнять может каждый, но дать честь могут немногие, и это вы увидите в испанской поговорке, в которой говорится, что он добрый, потому что чтит вас, и плохой, потому что позорит. Так что хороший может снять с кого-то плащ, чтобы тот не мог дать его мне, и, если бы это было так, как говорится, даже если мерзкий человек положит руку на честного, он не столкнется с этим и не опозорит его, и поэтому (по-моему) это мнение остается опровергнутым, потому что, когда близкий друг вселяет смелость в кого-либо по какой-то причине, они наказывают его.

Говорит Мелисо. Меня не удовлетворяет ваше мнение, как простолюдина, хотя вы привели Адажио, чтобы подтвердить это, и причина в том, что добродетель — это сила души, приобретенная многими действиями, которая, по мнению Цицерона, является навыком духа, согласующегося с умеренностью, с которой мы действуем с честными и убегаем от плохих. Честь — это награда за это, не имея никакой добродетели, скромности, хорошей репутации, потому что честь следует за добродетелью как тень за телом, что, согласно тому, что говорит святой Фома, является свидетельством, указывающим на превосходство некоторых. Как видно, таким образом, может быть

честным и добросовестным тот, кто не добродетельный и не эффективный? Не тот, кто справедливо обладает честью из-за силы и эффективности может быть лишен этого, и стать тем, у кого этого нет, потому что, чтобы убрать тень, сначала нужно убрать тело, которое является ее причиной? Для понимания этого, вы должны сначала знать, что существует разница между честным человеком и человеком чести. Честный человек означает страсть, и его называют тем, кто больше по воле, чем по разуму, честный, уважаемый и пользующийся благосклонностью, не имея никаких заслуг, которого по другому называют любимцем, как делают некоторые люди, которые, чтобы показать свое величие или проявить мерзость, поднимают некоторых людей из праха земного, не обладая никакой способностью или добродетелью, которые бы заслуживали. И унижают, и хоронят других, которые за их хорошие заслуги заслуживают того, чтобы их уважали и почитали. Другой человек — человек чести, что означает владение, т.е., человек является добросовестным владельцем, а добродетельными и эффективными являются те, которые приносят с собой честь, даже если другие отрицают это. Но вы должны были заметить, что те, кто не хотят уважать добродетельного и эффективного, а почитать злого или лукавого, совершают три преступления. Первое против добродетели распределительного правосудия, которое у вас есть как формальный объект, и каждый будет давать то, что принадлежит ему с посредственностью, чья праведность нарушена, давая честь недостойным. Второе преступление — это как выглядит порочный, которого они чтят, как если бы он был добродетельным. Он перестает быть и ненавидит добродетель. Подразумевается, что если бы он был добродетельным, то в том же случае он потерял бы всю честь, которую ему дают, не будучи таковым. И третье преступление — это то, как выглядит добродетельный и эффективный, когда у него отняли награду, что является честью. Он неумолимо работает с достоинством и часто останавливается в следовании этому достоинству, когда любой ценой тиранят его награду. Поэтому Аристотель говорит, что он более чувствует себя одним, если он эффективный и добродетельный, у которого забирают честь, если они заберут всю его собственность и жизнь. Это правда, что честный должен быть удостоен чести, и он должен был получить эту честь по достоинству, которая не будет называться честью, если дается для удовольствия невежественного, даже за то, что дана за заслуги от тех, кто таковыми не являются. И таким образом будет направлять разум на волю и желание, а затем, чтобы никогда не заблудиться, Бог будет управлять разумом, потому что, подобно щедрости, свободомыслию, чтобы не предать своего врага греху, он должен быть тем, кто заслуживает хорошей работы. Таким образом, истинный конец чести будет заслугой того, кто ее дает, и того, кто ее получает, потому что тогда честь будет справедливой, имеющая качество драгоценного камня. Для того, чтобы быть более уважаемым, оно должно быть во власти тех, кто знаком с этим, и умеет иметь много, не назначая

цену, потому что, согласно тому, что утверждает философ, в этой жизни нельзя достичь большего, чем честь.

Говорит Эудемио. Это правда, но на мой взгляд, чтобы быть полностью добродетельным, полезно быть справедливым, страдающим, истинным, вежливым, честным и быть мужественным и решительным во всех невзгодах. Хотя вы видите, что они его не почитают и не уважают в соответствии с его достоинствами. Не поэтому он был обеспокоен или потерял дух прежде, чем справедливый человек пожалеет о том, что он не заслуживает чести, отнятой у него, кого он хорошо знает, кто достоин этого, как говорит Силио Италико, что добродетель — это награда сама по себе, и не потому, что невежественные изменяют честь, изменяют преследование добродетельных поступков, прежде чем принижают как сильные то, что есть у других. У них нерушимое лицо во всех преследованиях, которые обычно следуют за эффективным и добродетельным. Похоже, что они ему не дают то, что не его. Ибо святой Августин говорит, что тогда нужно больше уважать свою добродетель, когда больше пренебрегаешь амбициозным противником, который притворяется достойным во всех вещях, но на самом деле у него нет никакой добродетели. Они презирают людей и затмевают их добрые части, ослепляя их заслуги (следствия вульгарной зависти), потому что они игнорируют жалких и убогих; что добродетель не следует за честью, а честь за добродетелью, которая от качества крокодила (как говорят туземцы) следует тем, кто убегает, и убегает от тех, кто преследует. И, как говорит Сократ, нет никакого другого пути, более определенного для славы и уважения, чем путь добродетели, который является единственным, который ищет чести и находит. В подтверждение того, что изображали поэты, величие было дочерью чести и уважения, как подробно будет видно в лжесвидетельствах Овидия. Поэтому Катон Утифенс сказал, что он хотел больше быть хорошим, чем выглядеть таковым, и что, чем больше он убегает от чести, тем больше она следовала за ним и сопровождала его. Самый верный путь к истинной почести — это добродетель, которая не может быть обесчещена, ни изменена, даже если они презирают ее. Потому что одно из качеств, обладающих существенной добродетелью, состоит в том, что она довольна собой, не ожидая больше чести ни от кого, разве что только служить Богу через нее. Я не осуждаю за ее оценку, потому что Плиний говорит, что честь — это награда добродетели, а не золото. И согласно тому, что говорит Плутарх, и что святой Августин упоминает в городе Бога, — древние римляне имели как добродетель, так и честь, и их почитали как Богов. И великий Марио, или Марсело после победы над Кимбриосем с добычей, которую он взял, создал им два очень роскошных храмов в Риме на Виа Аппиа у двери, которую они теперь называют Сен-Себастьян. Да такой силы, что никто не может войти в Храм Почета, если сначала не прошел через Храм Добродетельства. В значении, что не следует раздавать честь всем подряд, а только тому, кто достоин этой добродетели. Вы найдете об этом в работах Плинио, если

хотите узнать больше об особенностях. Первыми людьми, о которых писалось в этих книгах, были Корнелио Пино и Акцио Приско. Здесь я собираюсь остановиться, кажется, что я также тронут этим? Если мы продолжим этот вопрос, то по тому, чем это меня коснулась. Я оставляю одной части честь за то, что я сказал. И поскольку я вижу, что жадность к ней опасна для спокойствия беседы, нужно всегда трудиться, чтобы взять и присвоить чужое, потому что он никогда не находит заслуг, равные ему. И поскольку он судит об этом с поврежденным пониманием и видит, что это не дает ему то, что он хочет, он берет то, что не принадлежит ему, чтобы не жить недовольным. Потому что честь похожа на жадность денег, которая убивает и никогда не умирает из-за жажды, как растет употребление алкоголя, будучи крестом и серьезным мучением для желающих его. По правде говоря, я должен некоторое время взвешивать деньги с добродетелью, не упуская веса из рук. И, взвешивая больше деньги, занимаясь этим без опыта, который меня теперь научил тому, что жадность к одному и другому сопротивляется лучше, когда все остается в этом положении. И, если я это сделаю, честь будет следовать за мной, как тень следует за телом, и я постараюсь быть подальше от тех, кто служит, и буду думать, что там, где у меня была свобода смеяться над теми, кто служит людям, и хотеть, чтобы они служили мне,— это есть истинное счастье. И тогда я буду испытывать сострадание к тем, кто теперь пожалел меня, и нет ни возраста, ни добровольной чести могучих людей, ни благословений, таких как сокровища домовых, которые не имеют никакого другого эффекта, кроме как удивлять душу и мешать на пути спасения, ни с тщетными надеждами, ни с деньгами, ни с волей, ни с какой-либо другой добротой не могут, даже если они участвуют в заговорах, извращают сладость моей жизни. Я буду считать себя благословенным, если постоянно буду упорствовать в этом обещании, потому что не только благодаря этим знаниям Бог мне хорошо отплатит. Они не знают того, что добродетельные любят и уважают за то, кто ты есть, благодаря силе любви к каждому подобному (как говорит Платон). И напротив, мы знаем (как мы говорили в другом месте), что злобные и порочные ненавидят их, но что больше всего меня удовлетворяет, это то, что человеческое тело является вазой такого качества и заправки, что она не сохраняется в золотой коробке, ни у герцога, ни у царя, Папы, Императора. И у всех, чтобы прийти в жизнь — один вход, а, чтобы умереть — есть много способов. В подтверждение того, что сказал Горацио,— смерть с тем же способом действия топчет пастушескую хижину Алькасар-де-лос-Рейес, но она сохраняется уже только с вазой добродетели, сотканной смирением со всем, что красиво для души, не оставляя это, чтобы привести в свое место и взрастить это. И часть остается среди тех, кто остается в этой жизни, это память, без которой нет ни любви, ни дружбы, ни верности, ни надежды, ни правды. Это то, что отменяет высокомерие и самодовольство, это слава живущих и в ней живут те, кто умирает. Наконец, из-за этого

многие погибли, не дождидаясь новой жизни, поэтому добродетель должна быть любима, не ожидая другого приза, чем служить Богу, который должен быть любим как высшее благо, не обращая внимания на зло, которое делают люди, не почитая того, кто этого заслуживает.

Говорит Филандро. При всем этом хорошо, что они понимают, что это не просто, что честь и достоинства добродетельных взвешены с волей, за исключением баланса разума. И тогда вы нацелились на флегматичность, чтобы объявить и просветить нас в этом вопросе или, скорее сказать, утешить, поскольку понимаете, что Аристотель говорит, что честь есть у того, кто чтит, а не у того, кто почитается, потому что в некотором роде это противоречит вашему мнению. Хотя, если я плохо помню, в другом месте говорится, что это нескромная вещь, что получено обладание духами на месте в знак добродетели.

Говорит Мелисо. Честь, как говорили древние и язычники, — это приз добродетельства и свидетельство, с которым мы подтверждаем, что чувствуем и знаем, что добродетель есть в том, кого мы чтим, что это как внешний смысл, с которым проявляется дух, который признает превосходство некоторых. И именно для них они называют это честью. У каждой нации есть свой сигнал, с которым она ее дает. Итак, это дань, которую добродетель вводит в сознание людей, чья награда — это отношение и уважение, что связано с добродетелем, ради которого они и называют это честью. Так что хотите того или нет, но они не могут перестать признаваться в добром, что вы много раз испытывали его доброту, и это признание — честь. Аристотель сказал, что для того, чтобы чтить достойно, необходимо, чтобы тот, кто чтит, заслужил в качестве добродетели честь, которая была как следствие и причина, потому что плохое легко может забрать жизнь у добродетельного, но не честь с истиной, потому что она посвящается только добродетели, что является ее признаком и подтверждением. И из этого выведено, что только честь может быть потеряна сама по себе самим человеком, который обретает ее только как добродетель ума и устанавливает на этом месте злобность, из чего потом вытекает, что память о чести, которая остается среди добродетельных людей, будет бессмертной, оставаясь в добродетельстве, потому что это является следствием души, которая является ее причиной. И по этой причине честь победила с добродетелью, которая будет переходить, как каббала от языка к языку, из рук в руки, пока не закончится мир, а затем в сопровождении добродетельных душ перейдет к главной славе, где будет навсегда видна ее причина. Из этого следует, что только почитаемые эффективные люди знают добродетель и могут судить и свидетельствовать об этом. И только они могут в основном чтить и отдавать то, что у них есть добродетелю, потому что они должны почитать друг друга, как жизненные духи и духи животных. И злобные не могут опозорить это правдой, потому что честь находится в достоинстве в том смысле, что честь свидетельствует о добродетели, как и травма свидетельствует об изъяне, на что Аристотель говорит,

что «несчастный» причиняет травму самому себе. И намекая на это, сказал Платон, что с плохими словами никогда не бывает добра, где они со своей стороны оскорблены, прежде чем усовершенствуют свою заслугу, и они заставляют добродетель сиять. Сенека же напротив говорит, что у него много добродетелей, он любит чужих. И, возвращаясь к решению ваших сомнений, я говорю, что для оправдания убийцы, который укрывается, это следует рассмотреть, чтобы понять защиту и агрессию, если тот, кто скрывался, допустил некоторые ошибки, потому что это не по справедливой причине. И после этого он отступил, потому что все подозрения против того, кто первым сказал оскорбительные слова и положил руку на меч. И после этого он должен исследовать качества обоих и пропорции оружия, и место, которое каждый занял в самом начале, если он был больше настроен, чтобы атаковать, чем защищаться. И следует отметить, на какой стороне находятся раны, если одна с левой стороны, другая с правой, или обе слева или справа, потому что это важно. Или это то, с помощью чего вы можете узнать, умер ли этот человек без свидетелей в оборонительной позиции, когда они убили его, и был ли у него только меч, и делал ли он это больше с мукой смерти, чтобы защитить себя и прийти для исследования места ран и части, в которую они входят. Они узнают, были ли они нанесены им сзади, и это — предательство и коварство, а не борьба. И потому, что он мог бы нанести им рану в спину, — мертвые бежали, и он не был уверен был ли матадор заключен в тюрьму. Его спросили, в каком положении был мертвый, чтобы убедить его во лжи, и тогда судья будет знать ответ, был ли он предателем, — это ясно в случае, если он страдает, для чего целесообразно знать силы, которые есть у каждого, и мнение народа, и кто из них упражнялся в оружии, и произнесли ли они в речи покаяния несколько слов, которые казались оскорблением и тем, что это означало. Но, если смерть была сделана из «внезапного боя», знайте, что, если мертвых защищали или стремительно атаковали их, это должно быть известно от свидетелей, которые начали первыми, и какое место на теле стало смертельным от удара мечом, если он был опущен вниз, как будто он нанес косой удар или «реверс», или, если он остановился на месте, делает выпад, который намного ниже, чем «положение» обороны. После этого проверьте положение тела, чтобы понять, что, если мертвый упал туда, где был противник, он атаковал, а другой защищался. И если он упал назад, это защищало мертвого, и матадор ранен, хотя мертвый также может отступить, без защиты, веря в атаку, чтобы убить того, кто защищает себя, а другому, кто защищает себя, поставить меч перед ним, остановить его и заставить вмешаться, обуреваемый желанием через меч, который падает назад или вперед по ноге, служащей фиксатором движения тела. И намекая на это, Пауло правовед говорит, что в неясных вещах он учитывал то, что наиболее вероятно или что по большей части обычно происходит. Таким же образом, как это может быть известно в соответствии с этим соображением, если человек умер, защищаясь

или атакуя в первом импульсе, Ариано правовед говорит, что по сигналам исключается презумпция вины. И глоссаторы канонического и гражданского права говорят, что вещи, которые находятся в процессе рассмотрения у сознания и духа, должны доказывать с презумпциями также, как и в доказательстве обороны, которая признает свидетелей, дающих показания, как я верю и как мне кажется.

Говорит Эудемио. Все эти хлопоты подходят, чтобы приговорить человека к смерти, но то, что я сейчас очень хочу узнать, — это убить человека, не ссорившись с ним, — это предательство? И есть ли случай, когда это не так? Объясните мне закон настоящего порядка, где буквально в нескольких словах король дон Алонсо кратко заявляет, что вещь эта предательская, коварная, для меня это неясный термин. Словами короля он далее продолжает:

Вся смерть, говорят, безопасная, кроме той, которая в битве, драке или в сражении. Другая — да, независимо от того, какая фаза «безопасной смерти», она попадает в случай измены и предательства.

Говорит Полемарко. Кстати, все слова закона очень важны и значимы, я скажу то, что знаю сам о нем, потому что я не обязан на большее. Недостатки вы замените дружбой за то, что вам нужно что-то иметь, где я не так мастерски понимаю, как в других вещах, которые обычно используются. Мне кажется, что этот закон состоит в том, что каждая смерть зовется предательством и изменой, которая была сделана, пока человек был в безопасности от зла, которое тогда было, и полностью лишился обороны. Это также было бы предательской смертью, если бы агрессор прибыл в такую безопасную часть, чтобы не мочь получить оскорбление от нападавшего за то, что он совершил убийство из безопасности, которая разделена на три вида. Первый, если агрессор сохранил месть, когда атака была безопасной, а не осторожной. Второй — это быть уверенным в том, что означает убить человека из безопасности, помимо дружбы, или убить кого-то словами, не причиняя вреда матадору. Третий — от того, кто умер, вы заверяете, что он не знал и не оскорблял никого в своей жизни, за цену, которую они дали матадору, как мы уже говорили в другой книге. Для понимания того, что вы должны знать, — есть разница между предателем и пресмыкающимся, отсюда происходят предательство и измена. Предательство — потому что это означает сдаться, принести или преступить то, что справедливо, и обязательство, которое каждый из них естественно имеет перед своим королем. Измена — предана реальному лику и находится во многих формах, или восстает против него или доставляет начальника врагам из страха или за цену, или угрожает силой или взглядом, которые даны ей для власти, или можно тоже быть третьим или посредником для этого, хотя не в их полномочиях то, что он дает, или пытается доставить, если только не как особый человек, желающий, чтобы противник захватил замок или силу. И тогда мы имеем дело с преступлением, которое совершается, когда осколок или вид подвергаются угрозам или страху перед врагами. Причина в том, что мы говорим что-то о славе и чести, которые

побеждают того, кто с лояльностью и усилением защищается, потому что героический факт не проходит в тишине, не заслуживает того, чтобы быть оракулом в памяти мужчин, которые стремятся к большим вещам, что знаменитый и превосходный рыцарь дон Алонсо Перес де Гусман вышел славным. Это был человек, которого признают духи людей и очень почитают, и я очень хочу, чтобы вы кратко изложили, что думаете о том великом факте, который произошел с ним в Тарифе (если это тот, на кого вы ссылаетесь), кто так честно отмечается, потому что, не имея никого, с кем можно конкурировать, он признан восхитительным среди людей.

Говорит Филандро. По какой причине вы увеличиваете этот особый случай, совершая такие чудесные поступки в речи своей жизни. Истина такова, что каждый празднует и уважает другие вещи, достойные Памяти, в соответствии с настроением, которое у него есть. И по этой причине я также желаю увидеть сокровище, которое вы находите в этом факте, чтобы увеличить его больше, чем многие, как делали древние.

Говорит Полемарко. (чтобы осчастливить вас), я скажу суть, потому что это настолько хорошо понятно, что более высокая цена, которую я намереваюсь сделать, чтобы отпраздновать это, вы должны рассказать нам об истине тех цветов для белой риторики, чтобы они казались (как художнику по искусству перспективы) большими вещами, чем они есть на самом деле. Поэтому остерегайтесь того, кто восхваляет больше, о чем говорил старший сын. И достигнет точки правды только в том случае, когда дон Алонсо Перес де Гусман надзиратель короля дон Санчо эль Браво, сын Дона Хуана, его брат, в Сазоне, в силе, старший сын надзирателя. Они отправляются туда, где младенец из благодати царя своего брата, стал достоинством мавров, и вместе они пришли, чтобы окружить его в Тарифе. И потом, много раз сражаясь, находясь рядом с маврами, убеждал и спрашивал у начальника, чтобы дать им силу, и, увидев, что ни мольбы, ни обещания не помогли их требованию, они согласились изменить совет и угрожать ему, с помощью чего они убьют сына впереди, если он не даст им видение, которое является величайшей угрозой, которая могла бы быть сделана, будучи обидой отцовской жалости и в презрении духа поощрения. И, как в случае с «трансформацией», потом возникают «страх и смелость», это очень важно для сильного человека, который является разумным и эффективным. Так что, проявляя добродетель, он не нападает и не обманывает, прежде чем его не предупредят, что он знает его, даже если он приходит более скрытый. Потому что мы видим, кто мог сдерживать флегматичность силой, чтобы она не перешла к мужеству похожей угрозы? Чтобы выйти к ним, веря в избавление сына, чтобы отомстить его врагу такой же раной. Защити свою веру. Сохраните свой замок? Но доблестный хранитель был таким постоянным и суровым, сдерживающим желание, измеряя разумом импульс воли, который знал, что это делает бессовестная смелость, и нельзя было приказать усилию выйти, только безумию и безрассудству,

с которыми он мог потерять свою жизнь, не освободив ее от сына, с потерей видения и разрушением предметов. Он также мог вызвать страх в своем героическом сердце, и (если бы это было возможно) высматривал бы впереди своего сына, обреченного на смерть без вины, убеждая с одной стороны в любви, которая является великим мастером видимых причин, а с другой — в желании увековечить себя, состоящее в сохранении жизней сыновей, веря, что из сильного поступка он робко отдал глаза людям, не задумываясь о победе любви и убежденности благочестием, потому что это не наименьший его недостаток, что они боится того, чего не должен иметь, боится того, у кого страха нет, того, что правильно и справедливо. Подумайте теперь, что бы смелый страж почувствовал в этой бездне муки, задыхаясь от такого большого количества усталости, со штормом в душе, потому что в таких опасных решающих моментах выбор наилучшего среднего не может быть настолько своевременным, что он не склоняется к той или иной части, в основном сражаясь за обязательство, которое было, кому он был верен и предан. Как обещал королю настоящую честь, славу или бессмертную позорную смерть, удачу, которая угрожала ему сердитыми глазами, крайне покоряя опасность, в которой он шел по своему пути, решающий момент в жизни его сына, отцовская любовь, которая смягчает больше, чем все другие вещи на земле, христианство, совесть, боль, жестокость, которую враги хотели использовать. Но в конце такого великого боя, вышел героический сердечный победитель, в одной руке нож справедливости, а в другой — проясненная смелость и мужество. Внедренная в преданность они побежали к парам, уступая друг другу. И он победил самого себя, и я это величайшая крепость из всех. И как верный страж, он предпочел опеку над жизнью своего собственного сына и с вершины стен бросил кинжал, с помощью которого они забрали его, что означало их постоянство и неизменность, что он сделает то же самое, если бы у них был кто-то, чтобы убить, имея много своих сыновей. Раньше он допустил, что он будет обезглавлен, что он даст им силу, нарушая верность своему королю, отвернувшись от благородства своих отцов. Как вы думаете, что почувствовало бы это героическое сердце, когда в его присутствии было исполнено такое нечестие? Если, возможно, у него не было его прославленной души, наделенной терпением, потому что у других именно это и одеяние.

Говорит Мелисо. По определенным последствиям духа, чье превосходительство нельзя праздновать обычными словами, не оскорбляя его величия, ни скромных людей за их восхваления, которые они изобретают, не достигнут возвышенности такого замечательного факта, в котором укрощается и сдерживается с разумом порыв любви, сдерживая боль от такого грустного зрелища, заставляя все добродетели сиять, укрепляя дух надеждой, что невинный бежит на небеса, мало имея того, что больше всего любил на земле. Он позволил, что перед его глазами они называют это отчаянной смертью, прежде чем прыгать в обязательство, которое у них было перед их верой, перед ними самими и их царем. Или постоянный дух в величайшем бесстрашии,

великодушный к собственной крови, и справедливый в самом главном сомнении, и благоразумный в случае, когда человеческое благоразумие теряет свою силу, благородный в величайших нарушениях и беспорядках, терпеливый и постоянный среди самых трудных вещей. И, наконец, сильный в самой главной и трудной опасности, потому что только одним делом он совершил так много действий, обладает специальными знаниями эффективности, и подтвердил стойкость в этой привычке ясности, которая будет сиять вечно в своих защитниках, потому что защищая веру (которая является духовным актом), сохраняя намерение, которое давало ему власть с величайшей преданностью в мире и выполняя естественное обязательство перед королем, ища преданных подданных милосердных с благородным характером. Поэтому (со множеством доводов и аргументов) сказал, что его собственный царь, который был вторым Авраамом, который, хотя воля и послушание принесли его сына к жертвоприношению своему Богу,— доблестный хранитель с волей, послушанием и работой для Бога и для своего короля, отдав все свое в острые лезвия смерти. Как вы думаете, кем был бы ребенок, видя, что проходит свою жизнь в вопросах и ответах, зная праведность своего отца и решительность врагов. Таким образом он никогда не спрашивал его со слезами, чтобы выбрать еще один дешевый способ, чем потеря своей жизни (слабость, которую они прощают несколько лет), чтобы его отец ответил. Или счастливый сын, который должен быть примером преданности и благочестия всем тем, кто в будущем страдает этим мученичеством за Бога и вашего короля, чтобы вы восхищались душами присутствующих и двигали к чувству жалости сердца тех, кто таким был с рождения, но все пошло в пользу того, чтобы заставить его замолчать и поклоняться воле Отца. Но наконец вездесущая удача отваги и храбрости, которая обещала быть расточительной и щедрой в точке этого драгоценного сокровища в недавнем времени, ускорила смерть ему, и он умер. Он был счастлив наслаждаться велениями небес для временных людей на Земле, но они не оставили ни единой надежды, чтобы соответствовать его настроению и преданности. Или если бы был отрок Дон Хуан, у которого был дух профессии, который поставил бы перед вами дона Филипа нашего короля, чтобы сила его разума позорно подавила бы вас, и праведность его справедливости и христианства смутила бы вас и сдерживала бы такую привязанность. Где вы оставили это естественное благородство, которое вы приняли в духе, чтобы проявлять благочестие и справедливость и избегать тирании и жестокости? Как вы забыли, что рыцарь не должен совершать такую мерзость? Вы не видите, что вы пробуете доказывать естественную кровь с таким отвратительным преступлением и это противоречит законам стойкости, чтобы исполнить свою точность и непреклонность в безобидном проявлении без оружия, и это так близко находится к Отцу. Конец неосторожности и бестактности — это отнятая жизнь, оставляя стражей такими неподвижными, не достигая вашего намерения. Разве вы не видите, что эта воля сводится к воле его

Отца? Смотрите, что, забрав жизнь у сына, вы подтверждаете силу и верность его Отца. Не будьте теперь блудными с невинной кровью. Обратите взгляд на великодушие, с которым его Отец предлагает смерть ради своего короля. Какое это предательство, если вы берете на себя так много преданности? Работа неверного вверяется тому, кто обязан сохранить верность и нарушает ее. Случайно вы подумали, что вы передали это женщине Гутьерре Перес Алкаиде Камора, отказавшись от передачи Алькасара, которая была у ее мужа для короля, заботясь о сыне, который воспитывался за пределами город. И вы взяли его вместе с маврами и угрожали. Обратите ли вы на это внимание, если я не переключу ваше внимание на это? И она, как худая женщина, которой не хватало этой божественности, которую Бог вложил в крепких людей, у которой не было мужа (честь женщины), позволила себе одолеть любовь и благочестие и, испугавшись такой жестокой угрозы, передала ее вам? Но кто найдет сильную женщину? К счастью вы осмеливаетесь понять, что по той же причине невозможно было добиться таких разных эффектов? Вы не видели на базе опыта, что сила теплоты солнца смягчается и отдает воск, и с той же строгостью лучи затвердевают и теплота солнца высушивает склоны и создает золото? Неудивительно, потому что у вашего ума был навык в жестокости, и тот, кто хватает его, оставляет все добродетели и пытается поставить страх с теми вещами, которые он выражал, если они найдутся в таких жестоких затруднительных положениях. Он к счастью перешел черту в мужество, чтобы увидеть, что у него много дел, которые могли бы предложить в его жизни, и меньше опасений, это было искуплением его сына? Или видеть, что, будучи его силой, чтобы никто не мог подражать ей, вам казалось, согласно его неизменности, что он все еще давал ценность для больших вещей (если бы можно было предложить эти вещи в мире?) Этого не должно было быть, но, будучи опытным стражем, за короткое время он страдал и переносил раны на теле. Вы хотели дать их сейчас душе. Наконец пехотинец, потерял все, что можно потерять. И это все, что выиграл начальник, и многое другое, потому что он выиграл хороший порядок.

Говорит Полемарко. Конечно, хотя все воспринимают это за нечто серьезное, получают раны и принимают смерть, я воспринимаю за более серьезную вещь то, чтобы увидеть, как сурово забирают жизнь у сына, срубленного как дерево на глазах у отца, будучи в состоянии спасти его, но потом приходит время, когда честная смерть предшествует жизни. Рыцарь должен отдать свою жизнь и жизнь своих сыновей за общую честь, а не за честь жизни, ни для временного удовлетворения. Так для этого рыцаря казалось лучше, после того, как он получил много других ранений на службе у своего короля, славно подтверждая теперь свою преданность в решающем критическом моменте, настолько суровом с величайшей болью из всех болей, вопреки тем, кто с гнусностью приносит все тело, а сердце — радостное восстанию сильных. Наконец, я считаю, что, если бы все великие духи древних были объединены,—

в этой конгрегации было бы самое точное их понимание, и пребывая в мире, они пришли проконсультироваться по поводу того, что должно было быть сделано в критической сомнительной ситуации. Они не могли определенно прийти к более справедливой вещи, чем тонкость фактов, которую храбрый и мужественный начальник только посреди стольких опасностей выбрал для такого славного конца. Отсюда родился этот прославленный человек, отличный от других. Все его называли хорошим из-за его совершенства. Имя, которое всегда принималось с таким удовлетворением у царей, как праздновалось великими аплодисментами всех наций, завидующими происхождению их дома за то, что они основаны на крови невинных мучеников. И в соответствии с изложенными соображениями и превосходством его силы, а также качеством и обстоятельствами факта — только с титулом вы можете поставить такого смелого рыцаря среди девяти достойных (Девять рыцарей славы), чтобы отныне и впредь среди них было четыре христианина.
Говорит Эудемио. Конечно, он заслужил свое героическое сердце, чтобы установить его в этом месте, но скажите мне, кто они, потому что я всегда слышал, как с восхвалением говорят о девяти рыцарях славы, и имен каждого я не знал.
Говорит Полемарко. Девять рыцарей славы были: три еврея, три язычника и три христианина. Три еврея это Иосиф, завоеватель Ханаана; Давид — король Израиля и Иуда Маккавей. Три язычника это Гектор, Александр Македонский и Юлий Цезарь. Христианами были Карл Великий, король Артур, Годфрид Бульонский, один из предводителей первого крестового похода на восток. Теперь я хочу внедрить правосудие нашего начальника и судьи в суд сильных и праведных, чтобы они были арбитрами в росте их заслуг, потому что вход в эту девятку происходит по достоинству и заслугам, а не по просьбе или по тому и другому. Дон Алонсо Перес де Гусман вполне может войти в это число хороших, что было по его заслуге, о которой вы слышали и так любили Бога, без чего невозможно было иметь такого благоприятного конца, потому он пришел к значению его личности, чтобы быть настолько почитаемым царями и уважаемым людьми, что даже служил по определенным сведениям. Потому что море в награду за сына, которого потерял на службе король, платит каждый год свою собственную вечную дань своим потомкам в признании его великих усилий и преданности. Но, кто из всех потомков такого превосходного и героического начала обладает более справедливым разумом, чем хозяин дома, Алонсо Перес де Гусман с именем Хороший, кто живет сегодня? Ибо, согласно обещаниям его духа и природной склонности к военным вещам, те, кто используют это, у них есть надежда, которая предлагает им то, в чем можно соперничать со своей мужественной армией в защиту веры и в служении своему королю поднимаясь так высоко, что по правде будет сказано, что он унаследовал доблесть и отвагу вместе с именем. Это вызывает сомнения между мужчинами, один из двух которых имеет более справедливую причину — имя Хороший,

того, кто взял верх со смертью своего сына или того, кто подписал это своей кровью. И он снова победит, даже если у него всего этого нет. Потому что это от большой отваги и понимания, что, будучи генералом-капитаном народа Андалусии, он был ведомым, чтобы покорить короля не Алгари, где по небесной атмосфере они посещают обычно самых воинственных людей из всей Лузитании, кто в это время был подготовлен и оборудован для битвы, уставший от ожидания армий, не принося больше людей, чем некоторые из многих слуг их дома. Он привлек губернаторов и большую часть дворянства Португалии, и заполнил все царство и превратил его в служение Его Величества с такой кротостью и мужеством, что никогда не было необходимости обнажать меч во всем этом промежутке времени, как это делали другие армии, разрывая тела и разрушая места.

Говорит Мелисо. Вы, безусловно, правы, что значительно увеличили древность и благородство этого дома, потому что то, в чем я убежден, что от его происхождения он принимается Богом и будет уважаться людьми по этой причине до конца света. Наконец, он не разозлился так, чтобы исполнился успех такого чудесного дела, если бы не отсутствовал в это время, потому что такой капитан был достоин служить такому царю, как наш, чей дух обогатил Бога такими героическими добродетелями, что, с одной стороны, его власть превосходит власть многих других королей. И с другой стороны, величие его духа превосходит всех нас. Такой король хорошо знал, как оценивать такое служение с его обычным величием, как тот, у кого есть рука, сделанная для них, потому что не только там, где знают, как оценивать подвиги других людей, у кого есть дух, чтобы делать это, но и там, где будет христианский король настолько сильный, настолько либеральный, великолепный, справедливый, что он сделает свое королевство счастливым и возвеличит его ценностью своих реальных людей. Кто никогда не был так уважаем, и кто не боялся варварских королей? Это монарх, в котором так много сияющих небесных даров, мог оценить такой факт. Это тот, кого все цари земные принимают за своего царя и признают его величие и величество, которое так велико, что если бы он не был королем Испании, то ценность его личности была бы оценена как точка. Временные короли обусловливают свою заслугу (как сейчас уважают свое величие), чтобы обладать только титулом царства. Это король дон Фелипе II, которого Бог хранит, потому что он христианин, защищает правосудие благородными и благотворительными вещами, которые никогда не одобряют, и укрывая всех как истинного казначея и распределителя такого богатства, при наличии которого страдающие люди не чувствуют себя погрязшими в делах и страданиях времени, делая век удачливым, которым наслаждается царь. И согласно примеру, предложенному этим мужественным начальником, оружием были приобретены великие почести. И также, как древние лорды, которые знали славную оценку, которая достигается с использованием оружия, много его имели и приказали, чтобы они учили их военной привычке, чтобы участвовать в демонстрации с похожим

облачением рыцарей и в значении добродетели силы, которой была пожертвована душа этому телу, не желая терять честь в смерти, которую они справедливо выиграли, рискуя своей жизнью. И лорды, которые не использовали их, теперь посылают свои собственные, чтобы наслаждаться даже смертью этой славы. Чему лишала их праздная и трусливая жизнь.

Говорит Филандро. Оставайтесь на этом этапе, пока вы не закончите историю, которую начали с лордов этого дома, и скажите, можно ли было совершить предательство, которое было законным и разрешенным в какой-то части?

Говорит Полемарко. Когда предательство когда-либо совершено в пользу какой-то армии (они любят предательство), а не в пользу предателя, кто-то был с противником или королем, или врагом, чтобы объявить, что его естественный царь собирался сделать против него, чтобы он был предупрежден и наполнен энергией, даже если этот король или капитан радуется измене, любит ее и признает, что он прячется от предателя и ненавидит его. Также, есть и другие вещи, которые формально являются обманом, но не являются изменой и предательством, потому что то будет называться изменой и предательством, что делается с заметным вредом, защищая несправедливую вещь. Из чего следует, что те, кто каким-то образом вступают в противоречия с верой, или выступают против Папы, или против королевского Величества, или против тех лиц, которых одобряют короли и законы, которые пользуются этими льготами, как будто они республики и князья. Все те, кто против них что-то делают, — предатели, и, хотя они убивают их или обманывают словесно, чтобы схватить их и убить, как они поступают с благословенными, которых любой может убить, кто скрывается в других царствах. И, согласно тому, что было в Испании, это те, кого правосудие оглашает как врагов, больше тех, кто придерживается убийства, насильственной смерти по отношению к братии или любому компетентному судьи или тем, кто преследует отступников еретиков нашей католической веры и христианской религии или шпионов, которые входят в страну неверующих, чтобы обманывать или убивать через обман, брать или сдавать замки, места или что-то еще. Все они, хотя в формальном смысле, кажется, что обманывают, но это не так, потому что они защищают и следуют справедливой вещи ради выгоды нашей католической веры и христианской республики, они не будут называться предателями или обманщиками, до этого они были оценены и вознаграждены. А кто бы ни противоречил им, они могут причинить вред, убить или арестовать и принести смерть. Потому что нужно предупредить еретика, предателя и обманщика об этой естественной вражде. И тот, кто защищает что-то незаконное вопреки общественному благу, любого, кого он убьет или травмирует, или захватит, защищает законную вещь на благо всех. И потому, что этот человек, совершивший какое-либо из упомянутых случаев, не должен находиться в состоянии надежности, уверенности, никто не уверяет его, не убивает, не ранит,

ни садит в тюрьму, это не предательство и не измена.
Говорит Эудемио. Также мавры, хотя они и являются неверными, обязаны защищать свою жизнь, женщин, детей и имущество в соответствии с естественным законом.
Говорит Полемарко. Хотя у мавров были те же законы, что и у нас, что касается предателя или изменщика, и что касается закона о естественности, любой, кто убивает другого, не руководствуется определенным законом, потому что они шпионят или обманывают словами или делами по отношению к верующим, совершают то же преступление предательства и измены против нас, как если бы какой-то христианин это совершил, потому что это основали мавры на базе лживого мнения, как еретики, которые оставляют истину и следуют тому, что не имеет никакого следа правды, что это отвратительная секта, которую они имеют, и их законы вышли в защиту и сохранение этой лжи. Любой закон, который они установили между ними (для того, чтобы защищать ложную вещь), независимо от этого, — стехотворен, и его сила никогда не будет для реального осуждения. И потому, что мы нашли законы и были в защиту непогрешимой правды, которая не может быть изменена, поэтому мы не совершаем преступление, убивая их, раня их или ловя их, а мавры и еретики совершили бы это, если бы сделали тоже самое против нас перед Богом, который будет строго наказывать предательства и измены, которые совершили против нас, и те, которые мы совершили незаконно против наших верных людей. И из этого следует, что убийство Юдифь в книге Олоферн не было предательством, как это было у Каина против своего брата Авеля, потому что ни Олоферн, защищая справедливую причину (которая является войной против народа божьего), которая была бы проверена, ни заверения других, как говорили, ни Юдифь не защищают справедливую причину, которая была основана в истинном Боге, не обманывала его, потому что вы никогда не останетесь в безопасности из того, что получилось. И вы увидите также в третьем судье, после того, как умер Иисус Навин капитан людей Божьих, — короля Моава по имени Эглон, восставший против детей Израиля за их идолопоклонство и грехи, и Бога, оказавшего милосердие своему народу. Появился капитал по имени Аод, который уже восемнадцать лет подчинялся этому королю, он использовал обе руки, как будто бы каждая из них была правой, которую сделал меч или двуручный кинжал, а кулак посередине спрятал под длинной одеждой, притворяясь перед присутствующими, что он идет представлять их Эглону. И после того, как их им дали, он ответил, что со стороны Бога он в тайне хотел поговорить с ним. Затем король приказал всем своим слугам уйти, оставив только двоих, и Эглон подошел к нему по дружбе. Аод достал кинжал и воткнул его по рукоятку в тело, от раны тот потом упал и таким образом убийство Аодом Эглона было святым и справедливым, потому это было причиной того, что народ Божий вышел из плена.

Говорит Эудемио. Я дам вам, если не будете меня плохо вспоминать, в Священном Писании несправедливое предательство.
Говорит Полемарко. В третьей главе царей вы обнаружите, что, так как Иоав знал, что Авенир (тот, кто убил своего брата Афаила, законно защищая себя, как мы сказали), пришел, чтобы пообещать Давиду мирно дать ему царство израильское, после того как он хорошо с ним обошелся. Но это дает Иоаву его капитан-генерал, и тот пошел к королю и сказал ему, почему он был принят, должен знать, что Абнер хотел обмануть его. В гневе Иоав попрощался с королем и, рискуя, послал позвать Абнера, который вернулся с этой безопасностью, и обнимая Иоава, нанес ему удар кинжалом в пах, смерть которого очень оплакивалась и оказала влияние на Давида, и чтобы наказать — находится без какой бы то ни было причины для его капитана Иоава и того, что он сделал Амафе. И когда он умер, отправил своего сына Соломона, чтобы он не оставил это преступление без наказания. И поэтому пошел Соломон и даже вытащил его из храма, где тот укрылся и не хотел уходить, прежде чем стать сильным и именно от алтаря я приказал ему убить. Отсюда можно заключить, что измена не является чем-то другим, кроме как нечестным обманом против общественного блага, как смерть и ее подобные. Это много раз наказывается, больше благодаря правильному управлению и умиротворению республики, чем особому лицу, который получает вред от сильного, что измена является тем, что каким-либо образом совершено против веры, или королевской короны. Но предательство по существу то, что сделано против какого-то специфического особого лица, в котором всегда есть часть измены по благоразумию. И тот и другой обманывают, поэтому они соответствуют, как вероотступничество и ересь, согласно Симанкасу. И, как говорит Демосфен, предатели всегда являются подонками и самыми мерзкими и низкими людьми из вульгарных, кого плохие почитают и уважают больше, потому что предательство не что иное, как гнусный обман низкого духа. Делается это с хорошими словами и плохими делами, таким образом, чтобы всякий, кто поверит — будет обманут, над ним посмеются, оскорбят, или он будет ранен или убит, и по этой причине измена формально включает в себя предательство, но предательство не включает измену, хотя для того, чтобы это было в вульгарном простолюдине, они путают слова, выдавая одно за другое, потому то, что совершается к князьям, не будет считаться предательством, а будет изменой, потому что они отличаются по своим качествам. совершая предательство во многих отношениях, теперь он в ловушках или в случае обдумывания и определения в желании долгое время, уверяет противника, если вдруг внезапно он его встречает, будучи в состоянии нападать спереди с силой, что противник потерял безопасность и его атаковали сзади? Когда пришел второй, ничего не опасаясь и уверенный в том, что был такой человек плохой и трусливый, кого он атаковал. Отсюда вы узнаете, что предательство исходит в большинстве случаев из страхов, которые имеет человек по отношению к своему

врагу, опасаясь, что, если он мчится вперед, он не настоит на своем, потому что противник человек отважный и естественного права, вынужденный защищать себя.

Говорит Эудемио. Посмотрим, есть ли человек, который не является фехтовальщиком, а оскорбил одного очень искусного фехтовальщика, так что в законе мира фехтовальщик был обязан убить его, где бы он ни находился. И фехтовальщик знает из науки, что другой убьет его, увидев его с собой, потому что он понимает, что его защита не будет частью, по которой фехтовальщик не убивает его. Если он не фехтовальщик, не боясь этого преимущества, убивая его или причиняя ему вред сзади, будет ли это предательством?

Говорит Полемарко. Да, потому что у него есть все качества, которые позволяют выполнить это.

Говорит Эудемио. Хорошо, что вы будете делать, если у вас нет защиты при встрече с фехтовальщиком?

Говорит Полемарко. Тогда у него был язык, чтобы оскорблять и бранить человека, кому не мог сопротивляться, если бы они перешли к ударам, ему также пришлось бы пренебрегать и просить прощения и искать третьих сторон, которые проложат путь, и, если вы не захотите этого сделать, оставьте место и избегайте присутствия обиженных.

Говорит Эудемио. Куда вам идти?

Говорит Полемарко. Туда, где это было после совершения предательства, и бежать теперь от обиженного, (потому что я не убивал его), поскольку я должен был бежать от правосудия, потому что не казнил его. Это также будет предательством, хотя один быстро наступает на другого лицом к лицу, если он делает так, чтобы противник не мог использовать какую-либо защиту, как если бы он входил в дом, чтобы ждать и шпионить за противником, и идя к двери, выходя неожиданно и внезапно убив его или нанести вред лицом к лицу, без возможности быть храбрым, это то же самое, что убить его или причинить боль из-за того, что противник не мог иметь оборонительного или атакующего средства против предательства, которое обострило агрессию. И так говорит закон. Случай нападения Алеве, тот, который гарантирует смерть (как говорится), понимается, что уверенный всадник атакует или уверен в столкновении со стороны плохих людей, которые были адекватными, даже если он не шпионит за ними или не знает других, даже если они внезапно найдутся. И тот, кто считал, что предательство убеждает противника приятными или дружескими словами, или смотрит в другое место продолжая не видеть, чтобы противник себя не спас и обеспечил безопасность. И после того, как он это сделал, — причинил ему боль или убил сзади, или спереди, и что бы он ни делал, удача на его стороне. Это не формальное предательство, а очень отдаленная разновидность, потому что такого человека не нужно было ни заверять в чем-то, ни заставлять поверить в видимость врага, а только понять и укрыться от него, поскольку он видел, как это было. Ибо, согласно верховенству закона, тот, кто

знает зло, которое должно прийти к нему и видит того, кто причинил ему боль, не прятался от него, не причинял ему вреда, не совершал против него формального обмана, предательства, и никто не может жаловаться на рану, потому что Еврипид говорит, что, когда человек идет по земле врагов, все, что он слышит, он считает опасным. Подозрительное воображение увеличивается, чем больше вы видите врага и знаете его. В другом месте он утверждает, что в большинстве случаев победа зависит от наставления и осторожности, которые он ни принимал, ни прятал, когда мог. Ему не на что жаловаться, кроме как на свою невнимательность и самонадеянность. В подтверждение того, что говорит кастильская поговорка — предупрежденный человек наполовину атакован. Затем, хорошо следует, что, если человек не предупрежден, то противник наполовину атакован. Также, предательство и измена приносят одну вещь в души людей и показывают другое на фактах и словах, как будто если бы кто-то принес это другому человеку в хорошей обертке и с обещаниями безопасности, не давая ему понять, что злится на него, и люди или место предусмотрены, чтобы отнять честь, жизнь или имущество, обманывая его с явной дружбой. Он бы запер его, где тот потеряет любую из трех вещей. Поэтому для кого-то царь Алонсо говорил, что предательство — это привести человека ко злу с подобием добра. Но, если бы кто-то находился в ссоре и два или три умерли бы от этого раздора, хотя раны не были впереди, убийцы не будут называться предателями, потому что в битве или бое каждый должен улучшаться именно так, а не надеяться и ждать, что враг находится не в хорошем положении, а в каком-то другом, которое видно, и что он должен стараться обеспечить защиту. Предательством будет нанести удар сзади, это ближайшее место, и простолюдин это называет изменой, и поэтому используют это, желая, чтобы кто-то ссорился друг с другом, чтобы схватить этот меч, который должен предупредить врага и людей, которые присутствуют, что они не хотят причинять ему вред, ни убить плохого, ни рискуя, а только хороший против хорошего, как говорят вульгарные простолюдины. Один человек наносит другому рану, приехав единогласно в какое-то место, предназначенное для ссоры, и, увидев того, кто вызвал на дуэль с меньшим оружием, а противника с пикой, арбалетом или аркебузом, опасаясь преимуществ, которые есть у другого. Если он нанес удар сзади, и у них были равные оружия, то это не будет целиком предательством, а только разновидностью, что определенным образом несет след защиты, потому что, если противник начнет оскорблять его таким чрезмерным преимуществом, он не сможет защитить себя, ни тот, кто с осторожностью относится к таким превосходным оружиям заслуживает имени защитника, во время превосходства над противником, и тот, кто кажется агрессором, не имеет равных. Если он что-то делает с указанным избытком, можно сказать, что он атакует.

Говорит Эудемио. Напротив, хорошо то, что Филандро знает, что случилось с сеньором, который, чтобы пойти и убить другого однажды

ночью, собрал всех своих родственников, друзей, слуг и хороших нарушителей, упрекнув его в том, что есть, и где так много тех, кто готов убить только одного. Агрессор ответил: сеньор, если бы я был там, чтобы он убил меня, я был бы один и без меча, но потому, что это я собирался убить его, и на случай, если я могу ошибиться, я возьму с собой нескольких.
Говорит Полемарко. Виновным никогда не хватает защиты (если они ей пользуются), которая кажется оправданной. Это также будет предательством, если, видя, как двое мужчин сражаются, он подойдет сзади, а противник его даже не почувствует, и тот убьет его или покалечит, чтобы поддержать другого. И обратите внимание, что это не будет предательским, если он будет стоять перед противником на стороне друга, объявив его противником, что тогда только он один не был уверен, что на глазах он объявил его врагом, потому он должен защищаться от обоих, и много остерегаться от того, кто пришел, и того, кто был там, и не зевал, чтобы тот не схватил его за спину, потому что, если будет так, то нельзя сказать, что это «безопасная смерть». И мертвый не назовет ее безопасной, за исключением того, что он легко доверяет врагу, которого никто не мог охарактеризовать.
Говорит Эудемио. По-моему, это тоже будет предательством, если двое идут драться, один из них будет стоять на стороне врагов, заявляя, что он противоречит своему собственному напарнику.
Говорит Полемарко. Кстати, это одно из величайших зол и оскорблений, которое человек может совершить против другого, не зная на сколько он друг.
Говорит Эудемио. Давайте посмотрим, был ли Педро нанят, чтобы убить Хуана, а Хуан знал бы о какой-то определенной науке, которую не знал Педро. По этой причине он не спрячется от Хуана, и Хуан увидит, что он пришел, и Педро не хочет ничего делать против Хуана, и даже намерения такого нет, потому что есть люди, которые не осмеливаются на действия, пока тот делает свое дело, ничего не опасаясь. Вот пришел внезапно Хуан и убивает Педро. Какое преступление вы думаете, будет совершено, зная, что Педро ищет время, возможность и место, чтобы убить его? Ему казалось, что лучше защищаться от защиты, чем быть пресеченным внезапной и неожиданной агрессией, потому что Демосфен говорит, что наблюдающего, чтобы другой убил, нужно воспринимать как врага, и больше того, кто скрывается, чтобы убивать того же так, чтобы в другой части предупредить человека, что вскоре с большим мастерством он освободится от плохого. Не ожидайте получить урон, когда вы не можете наказать оружием и словами, потому что он не похож на афинян, которые после получения зла остерегаются его, как и тех из Фригии.
Говорит Полемарко. Я очень испугался, что, будучи настолько здравомыслящими, вы желаете допустить то, что они сделали, и посоветовать язычникам без вероисповедания то, чему обязан христианин. Но, если вы хотите следовать авторитету этого греческого

оратора, без любителей больше одного взгляда, чем другого. Он также говорит в другом месте, что человек должен ждать законного повода и только тогда начать совершать бой, так что со всем этим Хуан совершил предательство в убийстве Педро, потому что, хотя он и удостоверился, что Педро должен был убить его или заботиться. Как повелитель его воли, он мог изменить совет, и изменить плохую цель в покаянии, потому что человек время от времени подвергается различным изменениям и беспокойствам, согласно тому, что говорит Св. Базилио. И хотя у него было твердое намерение убить его, чтобы Хуан не напал на него, что было необходимостью, чтобы Педро начал выполнять свою хитрую цель, чтобы Хуан был готов, потому что он предупрежден и не беспечен, защищаясь от этой предательской агрессии, и может на законных основаниях убить его. Так говорит один закон царства. Тогда, если тот, кто подвергся нападению, убивает другого, который хочет именно таким образом убить, никоим образом этого не понимая. Если этого не происходит, то он начинает делать наоборот — оскорблять, и даже и подобием закона не пользуется, ни свободами, которые дает естественное и утвердительное право в контексте защиты, потому что, согласно тому, что говорит Помпонио правовед, никто не должен изменять совет или появляться в травмах или быть оскорбленным другим, даже если понимает их зловредные цели, потому что наказать их может только Бог. И, как говорит святой Базилио, закон Божий не только осуждает деяния греха, но и определяет волю, к которой люди не имеют никакого отношения, пока не уменьшится в действии их грех. В подтверждение того, что говорит врач, если кто-то угрожает другому смертью, — для угрожающего не является законным продолжить в этом направлении и в конце концов убить его, если только другой не осыпал его угрозами, больше освобождая меня от другой большой сложности, которая меня оскорбила. Если Педро собирается убить Хуана, и пришел в назначенное время, чтобы сделать это, Хуан заметил его и у него было время, чтобы положить свою руку на меч, в то время как Педро наступал на него агрессивно, чтобы убить с таким же предательством. Хотя по правде говоря он должен был защищаться от Хуана, защищая такую несправедливую вещь, как отвратительную работу, которую он совершил. Он чувствует себя виновным с орудием такого великого зла и пленником предательства? Ибо никто не должен делать зло другому, если не хочет, чтобы то же самое сделали ему, что, как мы сказали, является предписанием, где был основан естественный закон и гражданский, которые подтверждают Тулио и Сенека во многих местах с общим мнением правоведов. И Александр Север всегда приносил память о своих солдатах. Не делай того, что ты не хотел, чтобы сделали с тобой. И этого хочет Бог в своих заповедях, чтобы те, кто христиане — были обязаны в точности выполнять эти заповеди, потому что, не выполнив одной, будет разрыв во всем.

Говорит Эудемио. Это хорошо, конечно же, что вы перестали убивать себя смертным грехом, чтобы отправиться в ад, оставляя ему есте-

ственное право, которое заставляет его защищаться больше, чем Педро, и тогда он не защищает это преступление и не закрепляет его, если не сохраняет свою жизнь. В таком опасном критическом моменте для спасения не теряйте свою душу.
Говорит Мелисо. Раньше мне казалось, что он потерял право, о котором вы говорите, потому что он вынужден сохранить себя и защищаться в соответствии с естественным правом, всегда делать что-то законное, и, по вашему мнению, преступники и злоумышленники, которых правосудие наказывает за их преступления, будут обязаны защищаться в соответствии с естественным правом и не позволяя себя наказывать, потому что те, кто убежден в свидетельствах и других своих грехах, признают себя достойными смерти. И таким образом в провозглашении этого они проявляются народу и злому деятелю, что тот, кто совершает такое, платит за временную жизнь в мире, потому что насилие и зло порождают всеобщее преступление против всех, как сказано, и по этой причине он должен быть наказан публично, чтобы ответ был удовлетворен. И люди, которые являются членами этого, подавляют, сдерживают и наказывают, видя строгость, с которой мать наказывает непослушных детей, потому что, когда сила справедлива, сопротивление является нечестным в соответствии с блеском, чье мнение принято и, следовательно, среди серьезных, Есть те, которые говорят, что, если заключенный справедливо приговорен к смертной казни, он грешит, если покинет тюрьму, если из-за его победы кому-то будет причинен вред. Насколько большой будет грех противостоять справедливому и противоречить этому? И, как говорит Св. Фома, закон благодати совершенствует закон природы. Вещь, которая находится за пределами разума это думать, что закон благодати чтобы благоприятствовать и разрешить такую плохую вещь как убийство одного человека за деньги, оставляет закон природы настолько сильным, что можно было бы это осуществить, совершив законную вещь и прекратить это, потому что вы знаете, что все наоборот, и поскольку закон природы совершенствуется законом благодати, единственная его цель — принять добро и бежать от плохих.
Говорит Филандро. Тогда, что должен был сделать Педро, чтобы защитить себя от Хуана, который защищает свою жизнь, что является законным?
Говорит Полемарко. Бежать, и тогда Хуан не будет обязан следовать за ним, потому что он больше не защищался от него, и если он последует за ним, то не возьмет его силой особой власти, которая касается правосудия, потому что в бегстве Педро уже объявлен преступником.
Говорит Эудемио. За честь вы почитаете этого человека, и доказано, что тот, у кого она есть, не должен бежать?
Говорит Полемарко. Во что бы то ни стало, прежде чем он не смог проиграть, что было нехорошо, было бы хорошо, если бы у него была честь, а человек, который купил ее за деньги — делает большую мерзость, но, если он пойдет за ним, вернитесь, вы можете защитить Педро на законных основаниях.

Говорит Эудемио. А если Педро собирается убить Хуана, а убил Франциско, он был бы достойным смерти?
Говорит Полемарко. Этот вопрос очень спорный между знающими, и причина, на которой некоторые из них основаны, чтобы освободить его от обычного наказания, заключается в том, что не каждый убийца достоин смерти, а только тот, кто сделал это преднамеренно со злым умыслом, и сделал это добровольно, но, на мой взгляд, Педро достоин смерти, потому что вы не можете отрицать, что он не вел себя преднамеренно, что он собирается убить Хуана с явной агрессией.
Говорит Эудемио. Это правда, что он агрессор, но ему не хотелось убивать Франциско, который оправдывает его от обычного наказания, и потому, что на самом деле он не имел злой воли и в душе он не хотел обманывать, и несмотря на то, что он привел его против Хуана, он не достоин полноценного наказания.
Говорит Полемарко. Хорошо, ваше мнение противоречит моему, потому что я не только понимаю, что это достойно стандартного наказания за убийство Франциско, полагая, что это был Хуан, но с большей скорбью, потому что мы видим, что это не предательство нанести человеку рану или убить его, не имея возможности развить это, чтобы свободно использовать защиту, поскольку он не еретик, не моро или предатель против республики?
Говорит Эудемио. Мы уже выяснили, что убийство таким образом не является предательством.
Говорит Полемарко. Потому я говорю, что Педро совершил три преступления в этой смерти. Первое из формальной агрессии, потому что он оскорбил человека, не освобождая его от греха и от агрессии, что является неправильной попыткой его разума, потому что это правда, что каждый эффект имитирует свою причину, и причина, которая им двигала, была действительно плоха, потому и получилось, что он пришел убить его и убил. Тогда следует, что эффект был несправедливым, если вы не хотите отрицать принципы философии. Второе преступление — это предательство за то, что убил Франциско, который никак не мог себя защитить. И третье — убил невиновного (тяжкое преступление) и потому совершил незначительное зло — убил того, у кого это было, и тогда вы знаете, что это будет меньше вреда. Оставьте лучше наказание без наказания, чем накажите невинных. Посмотрите, сколько еще заслуживает Педро за убийство Франциско, если он убьет Хуана, от которого получил травму, по отношению к кому у него был гнев, и скажите, что судья заслуживает награды за наказание обвиняемого?
Говорит Эудемио. Если он этого заслуживает, то потому, что правильно выполняет свою работу.
Говорит Полемарко. Тогда, конечно, если по неосторожности или небрежности наказывает его, то в конце какое будет наказание?
Говорит Эудемио. Приведите пример, который разъясняет вашу цель.
Говорит Полемарко. Если судья казнит Франциско, потому что он понял, что тот убил Хуана, а не Педро, то есть самого матадора,

за то, что он не совершил судебного разбирательства, за которым последуют предполагаемые и доказанные вещи. Он бы наказал судью, потому что он повесил Франциско, который не был виноват?
Говорит Эудемио. Мне кажется, что да, и я видел это дело на практике, но оно отличается одно от другого. У судьи не было злого умысла против любого из двух, прежде чем это было хорошо, потому что он сделал это, чтобы наказать злодеев, что является его работой, и Педро сделал это из мести, что ни для кого не является законным.
Говорит Полемарко. Все это делается с моей стороны и заключается в том, что, если судья не имеет злого умысла и делает это, чтобы наказать виновного, где с хорошим воодушевлением у него есть наказание убить без вины того, кто собирался убить, тот, кто оскорбил его, что запрещено, и он убивает того, у кого не было вины и заслуживает большего наказания, чем если бы он убил того, кто дал ему повод.
Говорит Эудемио. Мне все еще кажется, что у него не было желания и намерения убивать Франциско, что освобождает его от обычного наказания, хотя у него был злой умысел против Хуана.
Говорит Полемарко. Тогда вы хотите, чтобы ошибка из-за невнимательности Педро была оплачена жизнью Франциско, которой он владеет на законных основаниях, и чтобы остаться в живых, нет справедливости.
Говорит Эудемио. Тогда был ли Педро обязан или заставили ли его это сделать, чтобы не понести преступление предательства и не иметь столько вины в убийстве невинных?
Говорит Полемарко. Он обязан спросить Франциско, вы Хуан? Чтобы Хуан был предупрежден о защите и преступление не было сделано предательски, потому что тогда Франциско ответит: я не Хуан, и оба были убиты, один убит несправедливой смертью, а второй — от серьезного преступления.
Говорит Эудемио. Со всеми этими причинами, если бы я был судьей тогда, я бы дал Педро чрезвычайное наказание, и больше я бы осудил его за душу мертвого человека.
Говорит Полемарко. Если бы я был судьей, я бы осудил его в этом, что вы говорите, а затем повесил бы его. И чтобы освободить себя от этого сомнения, если бы Педро ссорился словесно с Хуаном, и Хуан сказал такие возмутительные слова, что они заставили Педро поднять руку, и дать ему пощечину, а Франциско пришлось разнимать их, и хотев ударить Хуана, Педро ударил Франциско, и, увидев, что удар пришелся мимо, он взял меч, чтобы удовлетворить себя. Франциско видел, что тот пытался надавать почещин, а Педро схватился за меч, веря, что он будет использовать его против него, и будучи оскорбленным пощечиной и боясь увидеть обнаженный меч, Франсиско взял это на себя и убил Педро. Кого из них вы могли бы обвинить? Потому что Педро не был с Франциско, а Франциско защищал себя только от продолжающихся атак Педро.
Говорит Эудемио. У меня не так много желания в этих трудностях дать им хорошее мнение, но я собираюсь сказать, что я бы повесил

Хуана в результате всего вреда, и подобно тому, как была пощечина, был и удар ножом. Педро был обязан это сделать, если бы удовлетворял уродство лица, поскольку в этом не было злого умысла?
Говорит Полемарко. Освобожденное тело Эудемио не подлежит оценки, и по этой причине нельзя удовлетвориться только знаком раны с законом против Адриана, Эскота и Хуана старшего, которые говорят, что глупо думать, что тот, кто убивает быка, обязан вернуть его, а не тот, кто убивает ближнего своего. Таким образом, закон говорит, что человек неоценим, и поэтому, даже если лекарства будут выдаваться за раны, от уродства лица нет лекарства, и то, что осталось от них, если они не сломаются, или не отрежут какой-нибудь важный член у человека, чтобы поддерживать жизнь человека.
Говорит Эудемио. Расскажите мне о своей жизни, если Хуан получил травму от Педро и ушел, чтобы искупить вину, не оставив преступления, но пришел Франциско, встал посредине них, чтобы помочь этой ссоре и мешать другим, чтобы они не были удовлетворены с теплом мира, и Хуан понимал это, убивая его, что это было предательством?
Говорит Полемарко. Тогда это не предательство, убить того, кто приходит, чтобы оскорбить тебя, все меньше и меньше так будет. Если Хуан убивает Франциско, потому что это мешает его промыслу, это его не удовлетворяет, в основном. Если это возмущение, которое он получает, то остается позор, потому что он ставит мир между двумя мужчинами, чтобы быть с невиновной сдержанностью и спокойствием.
Говорит Эудемио. И если Педро взял меч против Хуана, и пришел Франциско, чтобы для пользы же обоих создать между ними доброжелательность, то, если Педро убьет его, будет ли это вероломным предательством?
Говорит Полемарко. Если Педро убил Франциско, потому что он не мог отомстить Хуану, это предательство, и, если он убил его, убив Хуана,— он и не имел никакого злого умысла. Педро был агрессором с самого начала, он заслуживает обычного наказания по причинам, указанным в случае 18, но, если Хуан, кто защищает себя, убьет его, убив Педро в своей защите, он не пожалеет, потому что ему не хватает злого намерения по отношению к обоим.
Говорит Эудемио. Скажите, если обычный человек убил другого, кто был уникален в своем мастерстве, он заслуживает нового вида наказания?
Говорит Полемарко. То, как общественная полезность оправдывает убийцу от наказания, особенно, если это какой-то великий мастер своего дела, значит, что его жизнь может быть полезной республике, закону. Зверей не нужно осуждать и приговаривать к смертной казни, лучше дать им произвольное наказание, так что того, кто отнимает у республики чрезвычайную выгоду, накажут чрезвычайной смертью.
Говорит Эудемио. Хорошо, это удовлетворяет меня, но, если бы двое рыцарей были вместе, и мужчина, зная их, схватился бы за меч против них, что они оба должны были сделать, чтобы не сделать подлости?
Говорит Мелисо. Они обязаны дать ему указание уйти и оставить

их, но, если он не хочет уходить по уважительным причинам и все еще настаивает на своем плохом намерении и хочет убить их, они обязаны защищаться от него.

Говорит Филандро. Так что, два против одного? Это не будет большим рыцарством. Один из них является агрессором, что только один против него защищается?

Говорит Мелисо. Нет, потому что у обоих есть часть дерзости и смелости, и это неправильно, это принижает партнера. Они хотят только одного, — наказать преступника за обоих, и тот, кто возьмет за руку, оскорблен сам по себе, если он подразумевает, что только ему он вселяет смелость. И тот, кто смотрит, не делает того, что должен, потому он не обязан уважать и щадить того, кто пришел убить его, и он потерял уважение, так что законная защита лежит на обоих, и потому, что, возможно, гнусный человек убил рыцаря, будет меньше зла, чтобы защититься оба от него, что законно, что рыцарь, который наблюдает за завистью, вынужденный позже в соответствии с миром, убивать подлеца, если он причиняет боль или убивает спутника за то, что он оставил его наедине с подлецом и негодяем, на которого вы нападете, а не будете защищаться от него, что сначала было законным. И хотя это кажется слишком большим в глазах невежественных два против одного, Ульпиано правовед говорит, что не хватает вины тому, кто знает, что он делает в свою защиту, но может простить его.

Говорит Эудемио. И если подлец был без меча, он сказал бы рыцарю такие необычные слова, что, если бы люди были равны, они столкнулись бы с тем, что должны были сделать, чтобы не порицать и не превышать пределов обороны.

Говорит Мелисо. Рыцарь может очень хорошо наказать мерзавца мечом, но не убить его или навредить. Скажите мне, если двое рыцарей идут по улице и наткнулись на другого рыцаря, который сердился на одного из двух, хватаясь рукой за меч, вызывают врага на дуэль, это и должен сделать товарищ, потому что рыцарь, который пришел, не сражался с двумя, а только с одним?

Говорит Полемарко. Он должен предупредить того, кто приходит, чтобы тот остановился и узнал у своего друга, хочет ли тот сражаться с этим человеком, а затем (если уместно) убедить их, что они не ссорятся, и пытаться успокоить их и примирить, и, если они оба появятся, пусть они уйдут, потому что враждебность устремленного партнера усугубляется, и если он не может сделать ничего другого, пусть просто уйдет.

Говорит Филандро. И если агрессор, который пришел, убивает друга или наступает так быстро, что ему осталось совсем чуть-чуть, чтобы заставить его бежать, — то это как раз то, что будет делать партнер, потому что мой друг — это другой я, и по этой причине это оскорбление или агрессия в равной степени для нас обоих?

Говорит Полемарко. Он вынужден последовать и успокоить их, и если рыцарь-агрессор, увидев себя победителем, не хочет останавливаться

и ему осталось чуть-чуть до своего товарища, ему придется потом объявить об обратном, и стоять рядом с нападающим, который не может защищать себя со спокойствием и выдержкой и должен дополнить это все своим мечом, что товарищ испытывает недостаток в мужестве и силе, потому что эта агрессия уже является общей для обоих, и друг может защитить друга, если он находится в его компании или его в какой-то опасности. Так что мужчина обязан защищать своего главного врага, если он видит, что его убивают. Чем больше заслуг, тем больше обязательств, и будет предательством, если вы зайдете сзади и нанесете удар, даже если ваш друг под защитой и под предлогом мирных слов убивает или ранит его. Поэтому, обычно он должен сначала сказать все наоборот, чтобы только один остерегался обоих, зная одного или обоих, и с этим усердием такое произошло по вине агрессора. И тот, кто был побежден, потому что спутник помогал ему, не обязан убивать врага, даже если может, а должен защищаться против него, если тот ударяет, потому что правовая защита уже вменяется в обязанность партнеру, а не ему, потому что, когда двое против одного, одинаково не равные причины не будут называться защитой, которую они делали, чтобы убить одного, за исключением агрессии в соответствии с нормой разума и правом.

Говорит Филандро. Вы уже знаете, что все, что спровоцировал человек, он это по-видимому делает больше, чтобы защищать себя, чем оскорблять, потому что всегда виноват тот, кто начинает. Если вдруг побежденный ранен, он сможет отомстить за обиду, в то время как собеседник ссорится с противником?

Говорит Полемарко. Нет, потому что это в духе мести, что делает защиту несправедливой и может называться агрессией, если не защищать напарника, если, вдруг, другой будет называть его побежденным, как он есть, настолько, что, если человек смертельно ранен, и атакующий оставил его и убежал, он не сможет пойти за ним, чтобы убить его без греха, потому что он уже стремится отомстить, что, согласно Рикардо называется «проходить пределы обороны».

Говорит Эудемио. И если он, как и рыцарь один, он был подлецом и негодяем, что напарник тогда вынужден сделать?

Говорит Полемарко. Он обязан помешать тому, чтобы его друг не подходил к рукам подлеца, несмотря на то, что было необходимо для агрессии. И даже тогда они не убьют его, потому что естественное обязательство распространяется до тех пор, пока человек не защитит себя насколько это возможно. Но разрешение, предоставляемое законами, приходит до возможности убийства, защищаясь от агрессора, потому что атакующий в такой опасности не теряет своей жизни. Поэтому, не убивая его, они должны стараться отнять оружие и потом закинуть на него свои руки, что является наказанием, которое перечит смелости такого агрессора. Также будет предательством, когда кто-то, даже если он был впереди, сзади двое ссорились якобы за мир, убивая одного из них. Придя с намерением убить его и сделать это — он это сделал. Это также своего рода предательство, если человек приступает

к битве с двумя, и со словами мира наносит удары ножом и выпады тому, кто ссорится со своим другом, и с этим он дает ему повод, чтобы тот наверняка убил другого, потому что те, кто ссорятся, услышав, что говорят о мире, не прячутся от того, кто приходит. Так что в тот день, когда человек не дает повод, противник может преодолеть скованность, чтобы свободно и без стеснений защититься. Это законченное истинное предательство, потому что он совершает вероломные действия. Тот, кто совершает или является причиной определенной смерти и будет достоин того же наказания как тот, кто позволяет и дает повод действующему лицу. Теперь он будет хорошими словами или плохими делами придавать желание и давать позволение. Человек добрый всегда делает наоборот, потому что слова, которые он говорит в соответствии с Аристотелем, являются признаками страданий ума, и, если он сердится на кого-то, тогда он проявляет это и не прикрывает это словами, потому что совершенное предательство состоит в том, чтобы думать одно, а говорить другое, или говорить и думать одно, а делать третье. Вы должны также предупредить, или если не было свидетелей смерти, а убийцу обвиняют в предательстве, он должен дать доказательство факта, что это — та сторона, на которой находятся смертельные раны, и сторона, через которую они входят, и другие вещи, о которых мы говорили выше, чтобы знать об обороне или агрессии мертвых, или убийц, так что это происходит против него из-за убийцы, а не из-за предателя. Потому что в соответствии с законом вы скажете всю определенную смерть, которая не будет доказана, что нужно вести борьбу или ссориться. И знайте, что частица «если», которая есть в законе, не сомневается и не спрашивает, а подтверждает все, что было сказано выше, как если бы это было более ясно сказано. Так что любой, кто совершает определенную смерть, падает в случай предательства, поскольку это не доказано в битве или в ссоре. Давайте оставим эту часть битвы, поединка, сражения, критического решающего момента, что в Испании называют вызовом на дуэль, или закрытым полем боя, которое в Италии называют дуэлью. Это единственная битва между двумя мужчинами, посредством которой один пытается доказать и отстоять свои принципы с помощью оружия в пределах одного дня, как человек чести и правды, и не достоин быть оскорбленным или униженным, а другой предшествует этому, чтобы доказать обратное, не используя другие слова, которые означают разные вещи, такие как ополчение, поединок, битва, конфликты, домашние стычки, научная хитрость, гипомания и гигантомания, которые мы оставим, потому что это не касается нашего предмета разговора, но заявить об этом нужно, что это борьба или ссора. И нужно знать, что битвой называется то, на что они обычно говорят драка (ссора) с травмами, в поступках которой нет предательства или измены, потому что у них нет безопасности друг от друга, и говорят, что он борется пилумом (метательным копьем), что является определенным оружием, используемое римлянами в их боях. Согласно старой поговорке «и не

виновен тот, кто говорит это, что драка проистекает из борьбы или битвы, ссора исходит из скандала», на что они просто говорят на древне испанском, что это работа унизить, свергнуть оттуда, откуда происходит сварливый и скандальный человек, который всегда готов ссориться, а потом начинает пускать в ход слова и аргументы, без травм или оскорблений, которые остаются сзади, несмотря на то, что настоящая деятельность гнева подтверждает раздражение и гнев, который собственно, там, где нет крови или раны, и хотя он может быть мертвым, он не изменяет название. Так что, если они не подружатся с теми, кто ругается и ссорится,— это будет называться путем в ссору, которая включает в себя драку и скандал. И это будет ссора или битва, которая у них была после того, как их видели в другом месте. И мы не говорим, что они находятся в ссоре или скандалят, если это касается только настоящего. И в том, что мы говорили о предательстве, это не принимает ни друг, ни враг, потому, обращая внимание на это учение, понимаешь христианина. Набожно и милосердно был установлен закон, который исправляет общее право, позволяющее, чтобы тот, кто был врагом, мог быть ранен или убит сзади, не будучи предательским убийцей. И резюмируя вышеизложенное я говорю всем тем людям, которые несут ответственность за наказание смелости, которая совершается против них, а не мстя им,— что совершается предательство. И напротив, людям, которым оно является удовлетворенным, а не наказанием,— совершается измена. И в четырех случаях, которые я скажу, включены все, которые касаются защиты. Во-первых, защищать католическую веру, которая является духовным актом. Во-вторых, защищать родину, родословную и друзей, которые должны искать, как сохранить человека. В-третьих, служить своему королю, который должен выполнять естественное обязательство, обусловленное его положением. И в-четвертых, искать несчастных. И действие это благородное, добродетельное и благотворительное. Это для того, чтобы фехтовальщик, человек добра, христианин и богобоязненный, знал, как бежать от того, что является предательством и изменой, и знал, что такое защита и агрессия, делал свои деяния оправданными правилом разума, не превышая его.

Говорит Филандро. Теперь вы поймете справедливая ли это вещь, что изобретение дестрезы почитается и восхваляется, поскольку она делает человека уверенным в человеке, который является величайшим врагом, который у него есть (и даже в зверях, если они бросятся на него, о чем мы поговорим в другом месте), с которой он защищает свое благо, если тот случайно хочет оскорбить его и сам оскорбляет плохого парня, если тот бросится на него. И одна из самых важных вещей, почему была изобретена дестреза — это внушить страх в плохого парня, который не осмеливается бежать, опасаясь, что, если он пропустит удар, его убьет фехтовальщик, или не осмеливается взять на себя инициативу, потому что он уже знает, что самый умелый фехтовальщик ближе к тому, чтобы использовать это лучше и с меньшей опасностью в ссорах. Наконец, это достоинство, с помощью которого

человек культивирует дух и усмиряет неупорядоченный импульс гнева, иногда действуя как тормоз, а иногда и как шпоры, в большей или меньшей степени зависящий от естественной склонности. Так что с мастерством дестрезы это улучшается, и заменяется недостаток духа, обостряется и сохраняется, хотя изначально у нее были хорошие вещи, потому она живет в мире и в соответствии с законами причины. И чтобы мы оценили ее, в том, что она заслуживает знать, что Юстиниан говорит, что Императорское Величество должно быть не только вооружено законами, но также целесообразно украшено оружием, чтобы его можно было справедливо регулировать в мире и на войне, и за проявленную твердость, которая есть в правде законов. Он говорил, что республика должна быть защищена и вооружена. Но поскольку оружие является способом, дающим красоту телу республики, без поддержки которого она перестанет быть в соответствии с тем, что говорит Платон, подтверждает Плотино и утверждает Тулио в молитве, которую он говорит, но Морена, когда после того, как он выделил последствия законов и превосходства оружия, заключает, что для этой цели военная добродетель была важнее всех остальных с другими вещами. Но здесь на древнем соревновании между оружием и знанием и тем, что говорили древние, что в присутствии одного молчит другое, можно остановиться, потому что, согласно договору и родству, которое было обнаружено между ними, оба являются изначальными и дочерями благоразумия, и вытекают из достоинства духа, потому что мы проверили, что не может быть никакого оружия и действительно сильных людей без знания пера и шпаги, и не может быть образованных без оружия, потому что у них есть на их стороне истина, без основы которой самое сильное оружие в мире бесполезно, потому что, если последствия писем выходят из спекуляций о понимании, оружие исходит из значения духа, из которого следует, что буквы генерируют оружие, а оружие защищает буквы. И каждое из них имеет свой материал и форму, и я предупреждаю вас, что среди самых религиозных без каких-либо сомнений совести можно справиться с умением против мнения некоторых злонамеренных невежественных, которые давали понять, что настоящим умением — было обязательно убивать то, что ложно, как мы пытались делать в первом диалоге, потому что он только учит, как защищать человека, и как ничего не опасаясь, можно ранить врага, защищая себя при этом, если он стремительно атакует, но не полностью убить. Ибо, если бы это была наука об этом, она не могла бы иметь какой-либо определенности, и если бы то, что сказал вульгарный простолюдин, было истиной, и существенная вещь заключалась в том, что этот человек мог бы повредить или убить силой своего противника, когда иногда рана может ошибаться, тогда противник причинял бы боль или убивал того, кто ошибался. И это не так, потому что основано истинное мастерство на вреде противнику, поскольку он по прихоти каждого использует плохое или хорошее из оружия, которое у него есть, и из науки, которую он исповедует. Ибо это правда, что дестреза была

изобретена, чтобы защитить человека от плохих людей. Ясно, что для тех, кто больше живет в уединении и лучшие христиане, им больше это подходит. Но я все еще должен сказать, что они больше обязаны знать понятия науки, которая учит тому, как защищать человека с безупречной сдержанностью и спокойствием, более справедливыми методами, чем другие. Чем лучше добродетельные люди, живущие в уединении, тем бесчеловечные пороки, и тем больше теряется возможность позволить человеку убить своего врага, потому что он не знает, как защитить себя из-за недостатка мастерства, что, убивая агрессора, чтобы защитить себя, воспринимая (как сказано) окончательную концепцию духа, чтобы защитить жизнь хороших, которая в основном находится в воле плохих, потому у нас есть опыт, что нет необходимости в большей причине, если только не в том, что у плохого человека мало жизни, чтобы ему ничего не дали, чтобы забрать ее у того, кто по достоинству ее заслуживает.

Говорит Мелисо. Я более чем доволен во всем, что касается дестрезы, потому что понимаю ее части во всемирных всеобщих вещах больше в этом вопросе, вспоминая или забывая о человеке, уловке в опасности, — все я не могу охватить, и я крайне хочу избавить свое воображение от этого подозрения, потому что вы знаете вред, причиненный этой единственной силой, когда она упорствует в неодобрении духа человека и пользу, которую она приносит, если делать наоборот.

Говорит Филандро. Демонстрации истинного мастерства никогда не могут быть забыты (как мы уже доказали во многих местах), потому что их понимание с уверенностью ведет по пути и происходит в своих действиях из разума, и известная причина известного эффекта, и умеренно знающий положения, фиксирует уверенность в ее истине, которая служит после памяти, чтобы не забыть об этом в опасности. И поскольку каждая демонстрация имеет свою причину, и каждая причина — это истина, которая ищет причину, чтобы удовлетворить понимание и отстраняется от духа, когда человек полностью осознает это. Из чего вытекает, что каждая уловка приносит с собой память о себе, потому что ясно известна истина, которая дает ей бытие. Все это наоборот в вульгарном фехтовании, потому что ни одна уловка не имеет вероятную причину, которая удовлетворяет понимание, потому мы видим, что их демонстрации не доводят до сознания смысл, и поэтому вы поймете, что, чтобы понять что-то из вульгарного фехтования, требуется много времени, пока рассудок и упражнение не устранят сомнения и не осветят и не извлекут понимание из их обмана за то, что они произошли из неизвестных эффектов, хотя и видел причины, которые также неизвестны, хотя они смутно замечены. Поэтому прогулка не может направлять хорошего проводника, тех, кто полагается на него в том, что был изобретен метод дестрезы, который является истинным путем понимания, потому что с ним упорядочиваются вещи, которые используются, что без большой работы каждая вещь будет на своем месте. И вот почему те, кто подвергают себя опасности, чтобы ссориться с кем-то, смущенно

и опасно используют вещи, что фехтовальщик должен бежать из-за того, что когда-то ошибочно понималось как путаница, заново уже ничего не сделаешь и не исправишь так быстро, как в других науках, что если предложение не выйдет в первый раз совершенным, удобным, дающим и принимающим много раз, то все это является противоположностью дестрезы, что, если кто-то ошибается в уловке, когда находится в опасности — это стоит жизни, и с этим вы полностью поймете, какое тяжелое дело было спорить против власти, благодаря которой столько лет в дестрезе присутствовало невежество.

Говорит Эудемио. Вы правы, превознося вопросами ошибку простолюдина, поскольку ложные мнения, которые у них были о дестрезе, вызвали великое зло в мире и великие обиды Бога, потому что из-за этого многие умерли, защищая ее ложь, как они создают еретиков.

Говорит Мелисо. Не приносите мне в память из-за вашей жизни такие отвратительные названия, достаточно того вреда, который они совершали и совершают в мире. Не беспокойте нас таким ужасным звуком, а больше эти сеньоры, так страдающие от бедствий, что во многом они окружили нас, потому что войны, с одной стороны, и чума с другой, вызвали истощение в мире, поскольку оба приходят строго, выполняя свои удары по людям.

Говорит Эудемио. Поскольку Бог служил хранителем, расскажите нам, что вы видели, что, по мнению Севильи сегодня, должно было быть ужасным.

Говорит Мелисо. Если в это время у Гераклита будет более справедливое дело, — человеческие страдания и человеческие дела будут скорбеть, без какого бы то ни было выговора, потому что, даже если все они превратятся в слезы, они не уйдут, а оплакивают жалкое состояние, в которое были помещены наши грехи. Что вы просите меня рассказать? Для чего вы хотели быть свидетелем или оказаться в такой печальной трагедии? Что остается для мужчин, чтобы увидеть вид бедствия от Божьего гнева? Ибо небеса не влияют с благодушием на то, что обычно происходит, стихия поднялась против нас, жара не высвободит влажность, прежде чем ей удастся преодолеть какое-либо качество, противоречащее нашему здоровью, воздух не так здоров, как раньше, море проявляет нелюбовь к нам бурями и кораблекрушениями, земля порождает неблагодарность и зло достигает такой крайности, что со всем этим мы отпустили поводья к порокам и окутаны ими, что люди самые главные враги себе подобным, поэтому для всех нас пришла всеобщая женщина мести, добросовестный служитель божьего правосудия, которое он сам подтверждает пророками и апостолами, угрожающими грешникам, с которыми он даст им землю железную, что означает бесплодную и бесполезную, которая не дает никаких плодов. И поэтому наш искупитель рассказал своим ученикам о знамениях, которые должны были предшествовать дню суда, сказав, что люди будут убивать друг друга, и что царства восстанут, добавив, что это вещь, которая идет постепенно, что на всей земле будут великие болезни и массовая гибель, потому что

женщина, война и болезнь — это средства, с которыми Бог обычно доволен грешниками, когда он устал ждать их покаяния и исповеди. Давайте посмотрим, как люди убежали от сердитой руки Бога. Я перестаю использовать плохой порядок, который сохранили времена, говоря о нынешнем несчастье, которое так много нас окружало, хотя, если мы посмотрим на эти дни, когда Бог начал бросать недостатки из его гнева против нас, и со всем этим люди не хотели знать и не понимали ни суверенную власть нашего создателя, ни наше жалкое состояние. Когда мы видели, что христианская религия была наиболее противоположной ложным мнениям, которые еретики ввели для наших грехов? Когда демон был так уполномочен над царствами, потому что он вел людей от одного зла к другому и не останавливался, пока не бросал их в величайший вред, то есть, чтобы ослепить их и заставить отрицать истину и потерять веру? Царства восстали? Воспитывают ли детей против своих родителей? Подчиненные против своего короля. Победители верят в победу. Мир был спокоен и почти радовался преследованиям, которые окружали его, потому что, наконец, все эти пороки были исправлены, они были врагами людей и (с благосклонностью Бога) люди могли их укротить. Но есть такие грехи, которые отдалили Бога от нас, и сделали его нашим врагом. Куда мы скроемся, если его гнев не дойдет до нас? Уже его справедливость расстреляла нас в войнах внутри дома, в бесплодии, несчастье и болезнях. Мы уже вошли в зло через двери. Не нужно сочувствовать нашим соседям. Преобразуйте жалость и сострадание каждого к посторонним в слезы и боли. Или блаженны те, кто не являются свидетелями нашего несчастного бедствия. Вещь эта странная, чтобы слышать, но еще более чудовищная, чтобы видеть, как Бог ставил нас в такие опасности, стесненные положения и риск за наши грехи, что нужда привела нас к месту непрощения родителей детей, ни матерей тех, с кем они делили имущество. Это так больно, и вызывает сожаление то, что вы просите, что это невозможно себе представить, не увидев этого, потому что оно намного превышает то, что можно сказать словами. Тогда, после того, как зловещее зло началось в Санлукаре и от него умерли некоторые люди, как свидетели зрелища, я говорю вам, шум был настолько велик, что казалось, пришел конец света, потому что добрый порядок людей так внезапно превратился в замешательство со злом, поэтому бедные люди были так огорчены этим несчастьем и настолько преследовались другими плохими людьми, что они обычно приходили к тому, что было большим сочувствием видеть одиночество и печаль народа, который был раньше украшен богатствами столь великих князей и радовался таким великим рыцарям и населял землю многими нациями, потому что были те, кто должен был пройти это, и те, кто нет, но все отправились на поле, спасаясь от застроек, где родились и выросли они и их родители, рассматривая их без поддержки и советов насколько они хороши, потому что нет никакого злого Бога. Более того, видя, что кто-то дал кому-то неправду, его по-видимому, убили, и тот, кто ударил его, не

останавливался, пока не испортил его дом. Тогда дети, до того, как были убиты, чувствовали, что они умирают, и с этим страхом люди начали вооружаться естественными законами и ненавидеть друг друга, мужья бегут от своих жен, матери оставляют своих детей, дети бегут от своих родителей и даже отрицают что все потеряли память от естественной любви. И больные дети, которые страдали от этой боли, не могли плакать или просить матерей о помощи, которые только благочестивым взглядом (почти превратив любовь в отчаяние и ярость) издалека стремились помочь им, из-за чего они вздыхали и плакали. Я видел, как приходили другие, грубые, которые ненавидели в какой-то момент то, что они любили в течение долгого времени. Но более серьезное для меня заключалось в том, что было невозможно помочь, спасти большинство из них, потому что болезнь, будучи опасной для пробуждения и мучений, и страх, и скромность, которые у нас были, заключались в том, чтобы иметь дело с другими, что делало их более печальными и изобретательными. Это было время, когда мало ценилась честь и среда величайшего уважения, здесь жадность интересов потеряла свою силу, и человеческое благочестие пошло своим путем, потому что из-за больших денег не было людей, чтобы похоронить других людей, по этой причине больше мертвых были похоронены как преступники, и не за любое преступление, которое они боялись и от все начали убегать. Где этот великий дух человека, который ставит свою мишень и счастье в очень низком и мерзком интересе и предлагает тысячу раз рисковать своей жизнью для него, но теперь бежит, когда приходит смерть к его родителям от руки Бога, и он признал это и с трудом ждал того, что искал своими руками, так как знал, что те, кто оставил своих детей и бежал от своих родителей, их также постигло зло и сделало их больными, и когда они бежали навестить своих родителей и отправились к ним в такой большой нужде, и с небольшим интервалом их дети и жена бежали от них, и это случалось много раз, они казались лишенными защиты, а те, кто бежал от преступления, должны были потом поплатиться. Я вижу компании из мужчин и женщин, детей, молодых неопытных юношей, стариков, а сильные люди ходят удивленно, другие, бушующие со злом смерти, лежали на земле, прося открыть их внутренности и проглотить их, полагая найти в этом набожность, которую его родители и дети отрицали. Другие, которые скрывали зло несколько дней, были настолько слабы и обессилены, что у них не было сил говорить и выражать свою боль тем, кто спрашивал их, что было не так (если на всякий случай кто-нибудь был таким набожным и смелым). Другие, раненые злом, пришли одни в церковь и получили таинства и встали на ноги, чтобы умереть, убегая как бешенное животное от тех, кто их нашел (очень жаль на это смотреть) и даже они закрыли двери домов, по улицам, которые проходили, другие видели эту дрожь в этом месте, казалось, что они только что перенесли смерть на другой день. Вижу из больницы, что он сделал, чтобы забрать больного. С одной стороны, получить травму легко, падая на землю,

и с трудом поднимаясь, чтобы получить самое святое таинство, а с другой стороны, я дал вам великое сочувствие, те, кто оставили свое ослабленное ложе, чтобы помазаться святым маслом, и, будучи занятыми этим, они приобрели, чтобы похоронить — большое количество падших мертвецов. Хотя после того, как страх болезни был потерян, их отвезли в Андас, потом вошли мужчины снова раненные, сохраненные для кого-то они умерли в их руках, с другой стороны я вижу, как выздоравливающие соседи благодарили Бога со слезами и вздохами за то, что наказал их без строгости, как их товарищей, которые уже мертвы, такие изумленные и ошеломленные, что они почти повернули лицо, чтобы увидеть, распространяется ли еще на них гнев Божий. Внутри домов некоторые жаловались своим родителям, другие своим детям, жены своим мужьям, опасаясь, что каждый будет плакать в ближайшее время, так как к ним подошло несчастье. Поэтому я увидел, что в какой-то момент добрый порядок людей превратился в путаный крик, голова обессилена и усмирена строгостью Бога, а оскверняющие мысли превратились в страх смерти, потому что на улицах я мало видел, чтобы ваша грусть и уныние не спровоцировали вас на жалость. В этом требовании погибали некоторые священники, потому что верующие не умирали без таинств, работающих с великим усердием, чтобы посылать души на небеса. И опасность настолько заметна, хотя компаньоны умерли в поисках перед своими глазами. Другие священники, как хорошие солдаты, вступили для эффекта в ополчении Бога, прошли вперед, не теряя мужество, потому, чтобы легче было считать оставшихся в живых, чем те, кто умер, никого не было от страха или небрежности без таинств.

Говорит Полемарко. Всесильный Бог, который огорчил представление о том, что мое сердце было бы таким жестоким и бесчеловечным, что такое печальное зрелище не вызывало бы сострадания и жалости от боли, и еще больше то, что дети бегут от своих родителей и матери от детей, поскольку они там, где все находятся в терзаниях и муках от гнева Божьего.

Говорит Мелисо. Вот почему нет оснований для скандала от суеты и громкого шума, которые преследования приносят в сердце, нет оснований восхищаться временем работы, которая угнетает нас, или беспокойствам духа, которые нас утомляли, которые хорошо учили наказание. Все милости идут от руки Господа, чтобы дать нам больше, видя, что мы были приговорены к смертной казни, и процесс был закрыт, потому что мы не огорчались, мы заслужили выход из даров, впервые приговорив нас как сеньор правосудия, а теперь как благочестивый отец, который любит нас больше, чем мы любим самих себя, и никогда не будем любить, он делает нам лекарство от наказания и позволяет, чтобы пришли работы, связанные с человеком, когда тот спит, чтобы он проснулся и это служение, что в ходе жизни — приходят несколько мучений тому, кто наблюдает, чтобы он не спал. Потому что, когда приходит смерть, мы все привыкли к горечи, и мы менее осмотрительны и осторожны, когда страдает,

чтобы Хорошие тогда признали это как подарок, а плохие — принципом наказания. И так служил Бог, что во время чумы произошло то, что часто случалось в боях, что некоторые падают в самых безопасных местах и больше отдалены от опасности, а другие падают с самого начала, потому что они были в том месте, когда противники наносили больший урон, и несмотря на то, что это худшее исповедование по мнению тех, кто бежит с жизнью, потому что они бежали навстречу опасности, но в конце концов делают то, что должны, и они обязаны в глазах других выглядеть более честными, сейчас живут, потом умирают или к ним плохо относятся и они убегают от опасности, одни победители или побежденные, с триумфом или лишениями, другие, которые уже это испытали, не очень много восхищались от победы над противником, что помимо своих, — были мнения сильных, и не останавливались на напоминаниях, увидев его мертвым, потому что у них были враги, и боялись, что им не хватит времени, чтобы так оплакивать, и чтобы быть в безопасности, поскольку опасности обошли их, поскольку находчивые солдаты наблюдали каждый за себя, работая с большой осторожностью, чтобы быть там, где враги менее наносят им раны. В конце концов многие сбежали, потому что Бог не хочет смерти грешника, а наоборот, чтобы он преобразился и жил.
Говорит Филандро. Конечно я не знаю, были ли те, кто избежал такого великого зла, более печальнее, чем мы сейчас с отношением ко вреду, потому что никто не сможет это услышать, кто не будет возмущен таким грустным заявлением и кому нужно утешение, и тогда вы научили нас как фехтовальщик защищает свою жизнь и законно ранит того, кто хочет забрать ее у него. Будет хорошо, если вы научите нас по пути какой-то защите, чтобы, когда пришла смерть, которую так просят в наши дни, нас не нашли нуждающимися, потому что ни в какое время у нас нет нужды, как в это, где жизнь становится такой дешевой. И тогда это удача, которая затрагивает всех, не избегая никого, что нам лучше кажется, что причина будет в медицине.
Говорит Мелисо. Если бы у меня не было опыта вашего мастерства, у меня до сих пор были бы мысли, чтобы сказать что-то об этом, как тот, у кого уже есть суть этого вопроса, но я перестану это делать, потому что Эудемио рассказывает нам часть письма, которое написал Чарилао для этой цели, потому что, поскольку я доволен некоторыми шагами, которые я иногда видел, как он рассказывал, я думаю, что это удовлетворит всех.
Говорит Филандро. Нас очень удовлетворило это письмо, рассказывая о такой простой вещи, где нет сборника проповедей, который это не использует, и не существует ни одного крестьянина, который был бы настолько неспособным, чтобы не знал, как выразить соболезнования.
Говорит Полемарко. День (который похож на жизнь), чтобы дольше длиться, уходит в руки темноты ночи (что похоже на смерть) и от этого наследования до Санлукара так много места, что прежде, чем мы пропустим это, попытаемся обойти память и прочесть то, что мы помним, или знаем с таким любопытством, как мы будем защи-

щаться от врага, который приносит видимое оружие, будет причина или мы также будем знать некоторые защиты от смерти, оружие которых невидно. Поскольку известно, что люди во всем способны обманывать нас своей злобой, но, предостерегая нас и коря, что мы совершаем наше путешествие с добрыми делами и хорошей жизнью, чтобы иметь хорошую смерть. Никто не может обмануть нас, потому что у каждого есть сила, чтобы жить хорошо, а не чтобы жить долго. Поэтому, Эудемио, не от чего отказываться от того, что так льстит душе.

Говорит Эудемио. Всегда (как вы знаете) у Чарилао была дружба с самыми важными людьми в Испании и среди друзей, которые имеют наибольшую заслугу и которых он больше всего ценит за великое мужество и отвагу в вещах, отдаленных от вульгарных фехтовальщиков,— это сеньор дон Педро из Суньига. Чарилао уже был в доме самого прекрасного сеньора, герцога Медина, вышедший из Севильи для своего ордена и для этого великого рыцаря дона Антонио из Суньига Маркиза де Айямонте. В это время герцогиня Бежар этих сеньоров умерла и, как Зохори, из своих мыслей, ей казалось правильным писать из Санлукара утешительное письмо дону Педро, в содержании которого вы подробно увидите то, что вы хотите в этом случае. Я бы хотел, чтобы время дало мне часть себя, и не было со мной таким жадным, а было таким же моим, каким я был вашим, ваше милость, в этих событиях и освободить его (если можно было) от некоторой усталости, что с вами приходят эти дела, более того, ваша милость, я не посылал ему это письмо с вашими словами, я понимаю, что на данный момент покой в одиночестве, хотя мне бы хотелось вспомнить много вещей, которые потому что известны, должны быть забыты. Они кажутся хорошими в это время, полное скорбей, которые я понимаю Бог дает людям, работая своим божественным провидением с различными эффектами, иногда так, что одни могут проявить свое тепло тем, для кого раньше оно было скрыто, а другие, чтобы пробудить ото сна тех, кто пренебрегали страданиями человеческой жизни, спали без какого-либо взвешивания или обдумывания, давая нам понять с постоянными увещеваниями, насколько мы близки к этому неизбежному концу, который мы незаметно ждем, заявляя время от времени, что он придет, когда мы меньше всего этого ждем. Потому что с новыми событиями его память всегда непринужденная среди нас, ясно, что их намерения мелочны, когда с ними боль не устраняется и не может восстановить потерю. И мы не жалуемся на смертных людей без какой бы то ни было причины, потому что нас вывели из себя прямо перед глазами, не предупредив нас о тех вещах, которые в жизни с обязанностью мы полюбим, казня всех тех, кто оставляет похожую жестокость в очень небольшом пространстве, и, когда мы меньше думаем, и усталость может быть принята без всякого эффекта, когда есть такая маленькая разница между тем, кто потерял и самой потерянной вещью, потому что теперь, когда мы потеряли их, они потеряли бы нас, если

бы еще немного подождали. Они утешают себя силой, которая приносит с собой естественные события, и по этой причине мы должны признать боль без всякой скорби и помириться с ней. Ибо мы убедились, что с очень большой краткостью мы следует за тем, что мы потеряли, а затем наши преемники унаследуют от нас боль и тоску, как и мы унаследовали от своих. Оцените хорошо скорость времени. Рассмотрим внимательно краткость жизни, по которой мы бежим очень быстро, и мы увидим, что моя сеньора герцогиня не пользовалась наименьшей частью в этом столетии. Давайте предложим памяти для нашего утешения, как линия рода всех людей придет к своему концу, и какое короткое пространство от одного к другому. Для этого мы может видеть, какая часть нашей жизни уже прошла и не может быть отменена, уже только из-за этого есть сомнении о том, что должно произойти, и, хотя нам кажется, что всё потеряно, что пришло к нам с его смертью, мы понимает, что все мы начинает с точки, подверженной этой судьбе, чтобы остановиться в другом месте, несмотря на то, что некоторые пришли позже других, в соответствии с той разницей, которую дал нам создатель вещей. И тогда нам придется делать то же самое, потому что с нашей стороны всего достаточно, так что прежде чем мы завидует тем, кто идет впереди, кто тоскует по их уходу и тем, кто так же осторожен, как и ваша милость. Они не должны чувствовать то, что у них есть все, что это должно было случиться. И, предлагая памяти вещи, которые произошли до нас, мы теперь верим, что с нами ничего нового не произошло. И для того, чтобы вы могли увидеть это более четко, рассмотрите свое желание, поскольку смерть уже обладает жизнями наших прошлых лет и очень быстро получит жизни тех, кто живет сегодня или вот-вот родится, когда им предоставят такую короткую привилегию жизни, как мы видим, то есть то, что у нас уже есть. И поэтому вместо преувеличений — предупреждают худых, что воля нашего Господа будет упорядочена, и мы не думаем, что одно из его величий должно быть отрегулировано нашим, что мы будем жить в печально известном обмане и умрем, обманывая самих себя, что есть у наименее разочарованного, не имея возможности спасти и помочь нам, потому что в жизни есть кто-то такой любопытный, кто знает, как дать определенные размышления времени, которые вы получили, и мы знаем, что вы не можете обменять одну часть времени на другую по желанию, и мы не может заплатить Богу своим временем, а только тем, что будем служить ему, потому что он дал нам время, когда дал нам эту жизнь. Кто должен был прекратить быть таким, которым был до этого, если смерть обнаружит его окутанного в пороки, чтобы исправить то, что должно произойти, и с благодарностью разума похвалить добро, которое до тех пор было бы получено от его создателя? Выставите свое желание, как оно есть, добиваясь союза в малом уважении или вообще без уважения, что делает смерть от всех нас, потому что с трудом это пришло, чтобы добиться своего эффекта, когда он проходит мимо, не повора-

чивая лица, чтобы посмотреть, что он оставляет позади, и как мало дается тем, кто пострадал и должен вернуться за ними, потому что мы не считаем это хорошим, когда он сначала посылает своих служителей, и, согласуясь с нашим решением — это для того, чтобы занять какое-то пространство. Мне кажется, что вместо того, чтобы примириться с болью, которую мы может оставить, и использовать наше собственное право, мы преобразовываемся с этим, чтобы нас не нашли подготовленными, ставя добродетели в третьи ряды, потому что это те, которые заставят нас жить так, что, когда они придут куда-то, не предупредив нас, мы не будем бояться этого так сильно, как мы боялись без них. Мы также не желаем этого, видя нас беспомощными от богатств, которые в жизни (по-видимому, от вульгарных) обычно в этот момент нуждаются в утешении и защите. И тогда смерть найдет ваше благодеяние в сопровождении многих добродетелей, которые являются причиной, что люди имеют свою судьбу, которую превращают в боль, благодаря Бога, милость, которая заставила его не просить его смерти, он бежит от дани в своей жизни, которая приближается к нему, потому что у него уже есть опыт не скрывать ни перед кем лицо, и не ждет, чтобы он был с оружием, который будет иметь место в комнате прошлых мыслей, если не с теми, с которыми он нас находит. Когда он вернется, мы будем защищаться, или он будет оскорблять нас перед своим судом. Давайте предположим в конце этого страха что всё именно так, чтобы ускорить улучшение, когда оно приближается к нам, потому что те, кто думают, — не умирают, а как правило их обманывают, когда они положили конец жизни, и лишают их свободы, тогда это будет отчетливо видно, когда несоразмерно они приведут к такой путанице и страху, хватаясь за руку, чтобы покаяться в прошлом, входить и выходить в спешке с причиной в сознании, желая ввести тормозные шпоры, выходя из этой жизни, спотыкаясь во многих местах, полагая заместить желаниями недостатками, которые были в жизни, избалованные желанием, и они будут вынуждены пройти за короткий промежуток времени то, где нет необходимости спешить, хотя тогда им нечего будет об этом думать, потому что само чувство имеет свое место, когда с нами происходят такие вещи, которые не были понятны, что каким-то образом могут случиться с нами. Таким образом срок жизни, отпущенный человеку, настолько короткий, что у нас нет причин давать повод чувству, какой-то частью которого мы занимаемся, и не за чем так много отдыхать, откуда мы не сможем многое извлечь, а многое можем наоборот потерять, если мы пренебрегаем собой, потому что мы находим себя настолько незаметными, и вещи, которые не заслуживают, чтобы их боялись, заставят нас много сомневаться. Какой человек на земле настолько уверен, что он может обещать жить долго, независимо от того, какой он астролог? И что он, несомненно, может жить среди такой великой армии недостатков? или что он понял, что многие богатства удлинят ход жизни, который Бог назначил каждому из них? И кто настолько

невежественен, что понимает, что земля настолько изобилует наслаждениями, что долгая жизнь будет хорошей удачей, если мы не сделаем ее такой нашими делами. Давайте вернемся к этому событию, чтобы без страха мы избавляемся от жизни, и даже если это противоречит нашей воле, мы предоставляем дом смерти, так что боль не имеет большого значения, когда наступает этот момент. Нас не так сильно любят, и в этом вынужденном трансе мы обнимаемся с жизнью, потому что мы оставляем тело тенью, захваченной страхом, который, как правило, имеют те, кто живет невнимательно и небрежно в частях, как и могучая река со множеством дождей, которые случаются неожиданно и выходят из ее обычного пути, которые она уносит течением в темную, внушающую страх ночь во все закрытые части, неосторожно забытые из-за их опасности, и тем, кто находит силу спящего злого духа, теперь и те, кто празднуют и играют, погружаются в глубины, другие, которые менее осторожны и опасаются ярости реки, видя импульс и течение волн, стремясь схватить лица, или другие суровые средства, потому что они кажутся ему утомленными. Они не чувствуют, если приносят в руки некоторую боль, сомнения, другие, которые далеко, приходят утром из силы воды, из которой некоторые выходят плавно, чтобы остановиться на берегу реки, другие, оказавшиеся в ярости от насилия волн, похоронены в заливе. Поэтому каждый будет выполнять свое представление, как в офисе, или государстве, что смерть нашла его или он подвергся опасности со всей ее силой или страхом, и плохие умники пойдут помогать самым страшным и глубоким, как люди, которые не умеют умирать, потому что они не знали, как жить, ни каким-то образом поняли, что достигли этого предела, и поэтому мы должны жить так, что, если наступит смерть и мы не почувствуем этого, тогда можно считать что она хорошо получена, потому что, когда человек не хочет умирать в состоянии, в котором он есть, и оказывает давление на тех, кто так сильно любит то, во что они должны были верить, и умирают, что жизнь не была такой, какой она должна быть, поэтому она огорчает его, я нашел его в этом состоянии и желаю некоторой задержки, он просит покаяния за прошлое и исправление того, что есть. Всё из этого мы, наоборот, находим в моей леди герцогине, те, кто знал свою великую веру и высокий ум божественного с его великой добротой и добродетелью, и мы увидели его добрые дела, сделанные с таким большим разумом и милосердием, которое будет для вашей милости более подготовленным для вашего утешения, и чтобы оставить его счастливым от своей смерти, что для него больно и печально. Воздержитесь от скорби с надеждой и сделайте сильным свое богослужение, спросите людей о причинах боли, которая у них осталась, что приносит им смерть. И ответит совесть за каждого из них, что жалость и сострадание не имеют никакого эффекта. И ваша светлость понимает, что нет в жизни ни одной вещи, которой мы боимся и в которой сомневаемся, которая случается в жизни, столь же точная и определенная, как смерть, и по этой

причине большая часть того, что мы ожидаем, обманывает нас много раз, потому что, поскольку у нас есть сила желать и ждать этих вещей, у нас их нет, чтобы различные события мира приходили в то время, когда мы ожидаем и к конкретному моменту, который мы хотим, потому что то, что у нас есть, более чужое, чем наше. Это было бы недостойно вашей храбрости и отваги, ваша милость, чтобы неуверенно страдать от настоящего дела, желая теперь жаловаться на смерть, которая никогда никого не обманывает и ни для кого не является чем-то невероятным. Давайте создадим эту основу для дел в жизни и поймем, что вещи, которых боится человек, обязательно произойдут, как они могут не произойти? Давайте посмотрим, сеньор, какая польза из этого следует, чтобы продвинуть боль до того, как наступит повреждение, есть ли в нем определенная боль неопределенной вещи? Зло обычно ощущается со временем после того, как оно наступило мы можем почувствовать его последствия. Это принесет с собой добро, которое должно причинить нам боль за потерянное, и за желание изменить будущее, и, если это не удовлетворит вашу милость, знайте, что против определенных вещей, уже предписанных божественным провидением, ваша боль не может обеспечить удовлетворение потребностей. Достаточно того, что эта часть раскрывает некоторые наказания, которые мы заслуживаем за наши грехи, и это не кажется правильным платить Богу словами, насколько мы ему обязаны. Давайте присоединим к ним некоторые действия и поступки, и мы не знаем, что должно произойти. Бог не дает нам больше работы, чем может выдержать каждый, только мы сами себя перегружаем, что на каждом шаге нас сбивает с ног. У нас есть слова от Бога, которые не могут быть обмануты в любое время, и дела, которые мы получили, и независимо от того, как мало мы ему служили — платеж невелик, чтобы соответствовать такому большому долгу, вместо сожаления, мы благодарим его, что хорошие мысли нас спасают, и считаем, что тот, от кого мы это получаем, сначала посылает нам конец. Мы не печалимся, мы счастливы принять начало с этим условием, и это не новое награждение, а конец жизни, который мы принимаем с такой радостью. Давайте теперь радоваться, чтобы увидеть его волю, исполненную во днях. Если мы сделаем это необходимым для жизни, нам дадут свободу и предложат на наших глазах множество тяжких трудов и смятений, которые в течении жизни мы должны испытать, при условии, что ко всем ударам событий будет предложена наша жизнь, возможно мы оставим это, чтобы принять ее из-за их страха? Никого нет созданного до этого дня настолько боязливого и робкого, кто не был бы таким падшим духом, чтобы жить и обладать Богом. Мы не возлагаем это на всех, потому что, если они будут в этих условиях, мы будем проявлять к ним терпимость и мириться с ними, мы не будем спокойно страдать, есть те, кто ищет нас, когда мы отвергаемся от истинного пути разума и позволяем себе руководствоваться желанием. Разве смерть не та, что следует за жизнью? Начав жить, разве мы не начинаем умирать?

Разве это не конец, который соответствует началу? Может ли кто-нибудь отказаться от того, что мы не живем с этим соглашением, с которым родились? Но верная, известная вещь достойна восхищения, чтобы рассматривать ее как христианское мужество и стойкость. Все мы живем долгие и определенные годы, но перестаем жить в определенный момент. И что больше всего может и должно удовлетворить вашу милость, так это то, что Бог оставил это здесь, чтобы вы поверили в то, что это будет для большего блага, чем кто-либо может дать со своим превосходством со своей жизнью, потому что Бог никого не хранил ради чего-то плохого, не лишает жизни в худший час, и это не стоит так дорого, как стоит земля и небо со всеми своими богатствами. И, если бы они не были оставлены на ваше усмотрение в соответствии с вашими достоинствами, которые должны быть в наименьшей степени остановлены, веря, что если бы он высвободил удачу в свое имущество, это одержало верх по качеству и повышенному доверию среди тех, кто в своем государстве, и делая Господа Бога величайшим богатством; что у людей никогда не было такого, чтобы послать много терпения, готовности и решимости своим друзьям, вместе со своим терпением, готовностью и решимостью, что с заслугами вашей милости удвоит действие ваших дел на земле, что для этого промежутка времени, столь же опасного, как и для жизни, более важно. И от этого ваша милость и благодеяние становятся богаче, нет никаких оснований для утешения этого бедного человека, который столько заслуживает и у него это есть. Он не должен бояться беды, желая вещей, чтобы они процветали и бежали от самых могущественных, когда хотели. Наконец, ваше благодеяние становится богаче, что богатые не смогут иметь. Ему не нужно большего, чем у него уже есть, потому что из другого любимого занятия он переходит к главному, за недостатком того, что мы живем таким образом, что не желаем и не боимся смерти, так что, когда это произойдет, мы примем ее столь же мужественно, что не пожалеем о том, что живем. Я не хочу больше сердить вашу милость своими словами касательно того, что есть, потому что я буду хранить их (если они того стоят) столько, сколько пожелает Бог, чтобы он увидел вашу милость и поцеловал ваши руки.

Говорит Мелисо. Как вы думаете, прав ли я в том, что говорю, что это самое совершенное и истинное писание, которое я видел?

Говорит Полемарко. Не думайте, что мне не любопытно то, что касается моих друзей, что я уже слышал, и комментарии, которые вы сделали в Саламанке тем великим талантом из Севильи Кристобалем Москера де Фигероа. И прежде чем мы отправимся на место, скажите мне, о чем говорят другие книги?

Говорит Филандро. Книга, которая следует этой теории, — это практика науки с ее демонстрациями для всех изобретенных видов оружия, за которой следует другая книга, которая касается афористической доктрины дестрезы. И после этого приходит еще одна книга, которая касается совершенствования фехтовальщика с математическими де-

монстрациями древних поединков и дуэлей и некоторыми современными, потому что, хотя они и не делали этого тогда с наукой, — это было раньше как исцеление болезней, что, хотя врачей не было, были лекарства, среди которых были многие предложения Эвклида, применимые в дестрезе, для чего необходимо иметь хорошее понимание причины и внимательный разум для демонстрации, понимание теории, что делает легким практику в науке и в таких непогрешимых заповедях, как вы видели. И знайте, что, поскольку оружие находится в математике против мнения некоторых невежественных, то так легче прийти к хорошему пониманию, потому что они находятся в разуме, а до этого были скрытыми, потому что они испытывали в этом недостаток, доказывая все свои уловки не авторитетом, ни мнением, как делает вульгарный простолюдин, а доводами, расчетами и демонстрациями. И тогда мы вытащим на свет оскорбления вместе с речами, где мы доказываем, что тот, кто отрицает это и изобличается во лжи, не является малоизвестным, освобождая сомнения, которые были поставлены нам в этом случае, искореняя ложные мнения, которые вульгарные простолюдины имеют в случаях с честью, с более богатым толкованием закона предательства.

Говорит Мелисо. Одна из вещей, из-за которой я радуюсь, что дестреза так много проявляется в науке, потому они не могут с ней обращаться и пользоваться, те, кто до сих пор плохо обращались с ней, что безусловно является великим оскорблением достоинства и величия оружия. Унижение, которое до сих пор было у них, хотя я считаю, что все было за счет нашего друга Чарилао, потому что храбрые и умело притворяющиеся фехтовальщики, которые будут нарисованы правдивыми в своих писаниях, не смогут страдать без свободы завистливого духа, лживого языка и бесчестья, которые из них исходят.

Говорит Мелисо. Это не дает Чарилао никаких страданий, потому что он хорошо их знает и знает ненависть, которую они всегда испытывают к благородным людям. Они не могут оскорбить его добродетелью и правдой, с которыми он всегда защищался и к помощи которых прибегал. И видя, что он высоко ценится учеными и благоразумными людьми и величайшими господинами Испании, они тайно пытались сделать все зло, которое могли (а на самом деле они ничего плохого ему не могли сделать), которое принесло бы большую пользу, потому что противоречие и отвращение к неравенству бытия, обычаям и обращению с ними были пояснены расстоянием, которое есть, — кто есть каждый. Больше огорчения и сожаления я чувствовал потому, что авторы зла и лжи получили от Чарилао большие почести. Одни за равенство с ними, другие с ложной дружбой пытались оклеветать, чтобы усугубить зависть и переключить умы главных людей против него, как если бы была измена, предназначенная для того, чтобы было название, которое дают все обманутые. Я отверг это и много раз оставлял это публично перед каждым, чтобы убрать честь с их самолюбия, которую грубость вульгарного простолюдина хотела дать ему среди них, что

не хорошо было для достоинства человека, отождествляя (даже не в попытке) с этим низким негодяем. И за то, что дают повод времени, которое само по себе исцеляет без другого лекарства поврежденный дух завистников, что как я говорю, как камень, о который точат наваху, потому что они являются причиной, что завистливый всегда бдителен во всем, ослабляя глаза светом своей славы и чести. Наконец, отсюда вы поймете, что дестреза и качество поступков не должны уважаться никем за дружбу, ибо он никогда не может допустить то, что не находится в ком-то или таково мнение вульгарного простолюдина, который много раз следует за воззрениями, потому что он не знает причины, а сам по себе создает правду о делах и поступках каждого из них, что хвастуны и шарлатаны портят ложью и обманом. На этом я хочу уйти, потому давайте отложим эти причины, а вам новых сил, чтобы желать увидеть больше книг об оружии, потому что всё для чести и славы Бога и пользы христианской республики.

ХВАЛА БОГУ

ЗАКОНЧИЛ ЭТУ КНИГУ О СПЕКУЛЯЦИЯХ
О ДЕСТРЕЗЕ В 1569 ГОДУ. НАПЕЧАТАНА В ГОРОДЕ
САНЛУКАР-ДЕ-БАРРАМЕДА В ДОМЕ АВТОРА
ПО ПОРУЧЕНИЮ САМОГО ПРЕКРАСНОГО Г-НА
ДОНА АЛОНСО ПЕРЕСА ДЕ ГУСМАНА, ДОБРОГО
ГЕРЦОГА МЕДИНА-СИДОНИЯ, РЫЦАРЯ
ЗНАМЕНИТОГО ОРДЕНА ЗОЛОТОГО РУНА.
1582 ГОД.

Hieronymo de Carrança

Иеронимо Санчес де Каранза

Философия оружия
и мастерство владения им.
Христианская атака и защита.
Диалог № 4

Издатель «ФЛП Середняк Т.К.», 49000, Днепр, 18, а / я 1212
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности в
Государственный реестр
издателей, изготовителей и распространителей издательской
продукции ДК № 4379 от 02.08.2012.
Идентификатор издателя в системе ISBN 7696
тел. (066)-55-312-55, (056)-798-04-00
E-mail: 7984722@gmail.com
www.isbn.com.ua

